

Пётр Свитальский

ГРАЖДАНИН
И
МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

ЦИКЛ ЛЕКЦИЙ

Перевод с английского

Марка Дадына

Рига

2022

Piotr A. Świtalski

LECTURES ON

“CITIZEN AND WORLD POLITICS”

Содержание

От автора	5
ЛЕКЦИЯ I	
АКСИОМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ	9
ЛЕКЦИЯ II	
ЭМОЦИИ, ИНТЕРЕСЫ И ЦЕННОСТИ	30
Античность — эпоха ярости	33
Средневековая тирания чести	37
Капитализм и пришествие парадигмы интересов	39
Эмоции сегодня — революция под знаком тумоса	43
Современная геополитика эмоций	46
Горизонты эмпатии	52
Примат ценностей	62
ЛЕКЦИЯ III	
НРАВСТВЕННОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ	71
ЛЕКЦИЯ IV	
ЗЛО В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ	88
Насилие и война	94
ЛЕКЦИЯ V	
ЛОЖЬ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА	114
Кража, взяточничество, измена	123
ЛЕКЦИЯ VI	
СПРАВЕДЛИВОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ	132
Образцы справедливости, модели правосудия и международные отношения	136
Дихотомия Ролза в эру глобализации	140

Всемирная справедливость и правосудие	147
Справедливость в распределении: новые дилеммы	151
Императив дальней перспективы	156

ЛЕКЦИЯ VII

ПОСЛЕДНЯЯ УТОПИЯ	160
Практическая полезность утопии	162
Утопии международных отношений и всемирного государства	168
Всемирное государство как постулат	173
Всемирное государство как целеполагание	179
Иерархия или безиерархичная сеть?	187
Об авторе	201

От автора

Насыщенность наших связей с миром — как частных лиц, как граждан — интенсивность контактов, которые мы устанавливаем самостоятельно, без посредничества государства и вне орбиты большой политики, неизменно растет.

На наших глазах, на глазах простых граждан происходит большое явление — выход частного лица на мировую сцену. Томас Фридман связал этот феномен с понятием «глобализации 3.0», с уплощением мира информационными технологиями. Возможно, в этом и состоит самое мощное проявление глобализации. Но выход частного лица на международную арену отнюдь не лишает государство традиционной роли, не влечет за собой произвольную демократизацию международной политики. Человек создает свой «международный мир», параллельный мир. Мир этот, очевидно, оказывает влияние на традиционное измерение международных отношений — отношений между государствами, между государствами и международными институтами, международными корпорациями, социальными и неправительственными организациями и др. Это воздействие медленное, не очень заметное, но, похоже, потенциально глубокое. Человек не только гражданин, которому необходимо, чтобы государство действовало во внешнем мире от его имени и защищало его интересы от внешних угроз. Человек вмещает в себя частично перекрывающие друг друга личности (идентичности) и отношения. Он или она — потребители, производители и члены различных сообществ. Он или она чувствительны к собственному

личному суверенитету и желают все чаще — и свободно — определять собственные личные и социальные связи, принадлежность к группам и сообществам и свои обязанности.

Возвышение роли личности в международной политике представляется важнейшим фактором в преобразовании природы международных отношений и их традиционной парадигмы. Оно подчеркивает некую напряженность в отношениях между государством и личностью, заметную во всех аспектах общественной и политической жизни. Возможно, напряженность, существующая между человеком и государством, знаменует важнейший процесс преобразования существующей международной системы и ее парадигм.

Протестные и революционные движения становятся все более спонтанными и анонимными, они часто формируются как сети случайных людей, без руководства и организации, и крепнут, сталкиваясь с мощными государственными механизмами. Демократические «революции Facebook» стерли с карты мира нерушимые, казалось бы, политические режимы. Глобальное гражданское движение за решение проблем климата оказывает ощутимое давление на политиков и правительства. Стихийно организованные акции анонимных масс людей смогли остановить процесс ратификации и осуществления нескольких международных соглашений, в том числе печально известного соглашения АСТА. Очевидны также опасности, связанные с доступом человека к новым технологиям. Творить зло стало легче. Киберпреступность может обернуться кибертерроризмом и даже «частной кибервойной». Возросла опасность попадания в частные руки оружия массового поражения.

Главный вопрос состоит в том, в какой степени человеческая личность способна помочь (или заменить государство) в решении стратегических глобальных проблем, включая проблемы, связанные с изменением климата, нищетой и голодом, справедливым доступом к основным товарам и сырьевым ресурсам. В то время как мы можем

представить себе негативные последствия утраты государством монополии на возможность применения силы и принуждения и утраты контроля над поведением личности, мы все еще слабо представляем себе, как возрастающая роль личности может быть использована в конструктивных целях — при решении глобальных проблем.

Расширение прав и возможностей личности связано с развитием цифровых технологий, позволяющих человеку беспрепятственно получать доступ к информации, выражать свои взгляды и налаживать международные связи, создавать сети и проводить мобилизационные мероприятия. В качестве ответного шага некоторые государства пытаются ограничить свободу в сети, блокируя связь, создавая национальные брандмауэры, препятствуя работе тех или иных международных служб и подвергая цензуре свободу выражения мнений. Некоторые правительства следуют привычному курсу, стремясь контролировать человека по крайней мере в целях исследования его поведения и манипуляций. Цифровые технологии открывают для этого новые возможности.

Глобальная эмансипация личности также влияет на напряженность, которая во все большей степени характеризует взаимосвязь между индивидуальными и коллективными правами. В долгосрочной перспективе индивидуализированное расширение прав и возможностей может оказать гораздо большее влияние на структуру международных отношений, чем наблюдаемая в настоящее время и эмоционально выраженная политическая эмансипация развивающихся стран, рассеивание международной власти и политического могущества из-за подъема Китая или Индии и относительного упадка Запада. Рассредоточение власти и могущества в современном мире все больше напоминает формулу, отражающую суть интернет-системы: «Все связаны, но никто не главный».

Расширение прав и возможностей личности создает новую платформу для глобальных гражданских движений.

Такие общемировые проблемы, как изменение климата, помогают упрочить глобальную гражданскую идентичность. Впрочем, идея глобального гражданства вынашивалась годами. Сможет ли она стать организующей силой вне надлежащих рамок всемирного государства?

Некоторые эксперты считают, что сегодня мировая политика находится на перепутье: либо мир возвращается в эпоху националистического угара и эгоизма, либо он следует философии «единого мира». Очевидно, что концепция единого мира может стать реальностью только при условии соответствующей гражданской мобилизации. Ключевое значение имеет вопрос о том, как достичь мобилизации и направить ее в желаемое русло.

Расширение прав и возможностей личности влияет на наше восприятие аксиом международной политики, ее морального измерения, категорий справедливости и системы управления международными делами.

ЛЕКЦИЯ I

АКСИОМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

История международных отношений и дипломатии содержит множество доктрин и откровений относительно поведения государств на международной арене и характера их политики. Однако эти исторические узоры не вечны — они эволюционировали со временем. **Современная система международных отношений возникла около 350 лет назад: иногда она именуется Вестфальской.** Со времени заключения Вестфальского мира система претерпела изменения, но ее основные особенности (государства как основные действующие лица международных отношений, их интересы как движущая сила всех действий и принцип суверенного равенства) остались неизменными.

Теоретические воззрения на международные отношения часто распределяют между лагерем реалистов и лагерем идеалистов. Реалисты ставят ударение на факторы интересов и власти, идеалисты придают особую значимость прогрессу и ценностям, институтам и праву.

В политической практике, включая нынешнюю эпоху, даже у самого идеалистического политика могут развиваться «реалистические рефлексy» (по крайней мере, в прагматическом, если не моральном измерении). Политика по-прежнему подчиняется особому варианту закона Коперника — Грешема, и ко всему, что дано и что происходит, нельзя относиться как к монете верной пробы. Государства обманывают, прибегают к манипуляциям и даже лгут друг другу, что в свою очередь ведет к ухудшению качества политики и может лишить идеалистического взгляда на мир любого политического деятеля, хотя бы в сфере методов.

Порой эпитет «идеалист» можно отнести и к главам самых могущественных государств. Горбачев с его идеей общего европейского дома или Обама, предлагающий полное ядерное разоружение, вполне заслуживают звания идеалистов. Со временем, однако, им пришлось освоить все премудрости школы реализма. **Может быть, идеализм — это привилегия сильных политиков.**

Преобразования в современном мире не замедляются, и темпу перемен следуют в том числе правила международной политики. Поэтому ни одну из истин и ни одну из аксиом в указанной области не следует рассматривать как вневременную. Итак, каковы истины, способные сегодня помочь гражданину в расшифровке и истолковании поведения государств в международной политике? Ведь гражданин как участник мировых процессов в целях достижения собственной действенности должен понимать, как функционирует политическая среда.

Во-первых, **выживание выступает первичным политическим мотивом государства.** Сохранение государственности собственного народа — высшая мотивация для каждого политика. В этом отношении со времени Вестфальского мира в международной политике ничего принципиально не изменилось. Для политика императив выживания государства (нации) на практике важнее международного права или законов морали. Государство способно нарушить собственные международные обязательства и даже общеправовые нормы, если под угрозой находится его существование.

Во многих международных договорах и конвенциях государства оставляют за собой право пересматривать или приостанавливать их применение в случае угрозы жизненно важным интересам безопасности. Государство может поступить таким образом, даже если соглашения прямо не содержат подобных положений. В 2007 г. Россия в одностороннем порядке приостановила действие ДОВСЕ (Договор об обычных вооруженных силах в Европе), заявив, что

договор перестал отвечать ее потребностям в области безопасности. Клаузула *rebus sic stantibus* («о вещах, остающихся в том же положении», или оговорка о неизменных обстоятельствах), принятая в обычном праве, служит в этом отношении удобной отговоркой. Государству достаточно определенным образом интерпретировать изменение общих обстоятельств, влияющих на жизнеспособность договорных положений.

Выживание государства (народа) важнее политического выживания его главы. Европейский опыт процесса государственного строительства подсказывает, что, обретя государственность, нация не желает от нее отказываться. Конечно, в некоторых странах есть части элиты, для которых существование собственного государства не представляется абсолютным историческим приоритетом. Такое впечатление могли создать политические дебаты в Австрии после окончания Первой мировой войны, на Кипре в шестидесятые годы, в Молдове в девяностые годы прошлого века или в Косово в начале третьего тысячелетия.

Сила «государственного инстинкта» зависит от многих факторов: культурных и языковых связей, этнической принадлежности, исторической идентичности, политического наследия, социальной энергии, качества руководства. Самый важный вывод из европейской истории заключается, однако, в том, что выживание государств, особенно малых или средних, во многом обусловлено исторической удачей, но требует сознательных усилий. Как писал Макиавелли, фортуна — в значительной мере арбитр наших действий, но фортуне необходимо постоянно помогать.

В XX веке несколько европейских стран подверглись экзистенциальному испытанию. По сей день ведутся споры, было ли бы лучшим решением для Чехословакии вооруженное сопротивление немецкому вторжению? Должна ли борьба за существование государства вестись любой ценой? Президент Бенеш говорил, что выживание нации важнее, чем выживание государства.

Версии альтернативной истории возникали даже в Польше — в частном случае при гипотетическом выполнении требований Германии в 1939 г.

Таким образом, выживание видится наивысшим благом. Глава государства перед лицом выбора между соблюдением международного права и выживанием государства, как правило, не испытывает серьезных сомнений. Можно ли сказать, что сегодня это сугубо умозрительный тезис? Не следует забывать, что тридцать государств — членов ООН не признают Израиль, а некоторые политики в тех же странах вообще отказывают Израилю в праве на существование. Корейская Народно-Демократическая Республика воспринимает политику некоторых государств как угрозу самому своему существованию. Этот фактор необходимо учитывать — не для оправдания, а для понимания политики государств в особых обстоятельствах.

Человек обращается к защите государства, когда его безопасность (физическая, экономическая, культурная) находится под угрозой. Но в богатых обществах (где ценность жизни резко возросла по демографическим причинам) личное выживание не менее важно, чем выживание государства.

Другая аксиома: **политические деятели и главы государств выводят интересы государства на первый план и трактуют могущество государства как всеобъемлющую меру своей способности действовать.** Интересы и распределение могущества меняют мир и объясняют принципы функционирования международной политики. Парадигма интересов начала доминировать в политике с приходом капитализма в XVI веке: на ней основана Вестфальская модель международных отношений. Интерес стал «национальным» с эпохой формирования национальных государств в XIX веке. При этом интересы нейтральны — по крайней мере, морально нейтральны. В современном мире растет необходимость внедрения «морального компаса» в международную политику. Интересы все чаще подвергаются

нравственной оценке. Любому ведущему политику советники обычно внушают, что, выступая перед национальной аудиторией, он должен акцентировать национальные интересы и гарантировать, что стремится быть их защитником; однако, выступая на международных форумах, ему следует подчеркивать желательность укрепления общих ценностей и норм в мире эпохи глобализации.

Глобализация высветила необходимость принимать во внимание общие интересы международной среды. Явный национальный эгоизм и пренебрежение интересами партнеров вступают в противоречие с требованиями политкорректности в эпоху глобализации. **Мир в эпоху глобализации требует эмпатии, сострадания и готовности помочь ближнему.** Международная помощь в целях развития стала моральным императивом и политической нормой. Однако альтруизм, чтобы не столкнуться с внутренним сопротивлением, должен следовать по пути, который не идет вразрез с приматом интересов государства. Настоятельная необходимость учета широких интересов международного сообщества стала непрерываемой нормой. Жак Аттали пытался перенести концепцию «альтермодернизма» в политику, отождествляя ее с альтруистической современностью. Джереми Рифкин объявил о наступлении «эры эмпатии».

Людам генетически присущ альтруизм — об этом, наряду с другими авторами, говорит Фукуяма. Человек, дескать, думает в категориях взаимного альтруизма — он помогает другим, надеясь, что и ему помогут, если он окажется в нужде. Страны, не обладая таким генетическим кодом, научились мыслить альтруистически в контексте построения своей политики на парадигме интересов. Концепции рационального и заинтересованного альтруизма были призваны примирить императив альтруизма с приматом национальных интересов. В соответствии с этим принципом в «наших» интересах, чтобы другие общества не жили в нищете (они могут импортировать «наши» потребительские

товары, тем самым способствуя росту «нашей» экономики), не страдали от болезней (особенно таких, которые вызывают глобальные эпидемии) и были хорошо образованы (чтобы они могли участвовать в сетевой экономике и ассимилировать «наши», «западные» ценности).

Альтруизм по отношению к будущим поколениям представляется наиболее развитой формой международного альтруизма. Свидетельством тому служит растущая самоотверженность и сотрудничество между государствами по защите окружающей среды и предотвращению неблагоприятных изменений климата.

Таким образом, практическая задача главы государства или ведущего политика заключается в том, чтобы продемонстрировать способность определять национальные интересы в долгосрочной перспективе и согласовывать сиюминутные потребности (например, интересы угольной промышленности) с необходимостью учитывать фактор отдаленного будущего (чистый воздух для грядущих поколений).

Согласно другой аксиоме реалистов, **мир международной политики иерархичен**. Государства равны формально, но фактически (политически) одни государства «более равны», чем другие. Власть определяет место в иерархии. Асимметрия власти приводит к доминированию со стороны одной или нескольких держав, а баланс сил ослабляет иерархию. Определение могущества претерпевает развитие. Его классическая интерпретация (основанная на военном потенциале, экономической силе, населении и т.д.) по-прежнему имеет решающее значение, но роль «мягкого» или «умного» силового фактора, как объявил Джозеф Най, возрастает. «Мягкая сила» — это способность задавать международную политическую повестку, служить примером, а также способность завоевывать симпатии.

Каждый глава государства, прислушивающийся к голосам партнеров, должен помнить не только о том, что говорится, но и о том, кто говорит. Он учитывает не только

то, что он говорит, но и кому адресованы его слова. Он инстинктивно избегает вступать в спор с теми, кого он считает вышестоящими в иерархии. Ему легче критиковать положение в области прав человека в Мьянме, чем в Китае. Ему проще публично оценить состояние демократии в КНДР, чем в России.

Прогресс цивилизации измеряется способностью защищать интересы слабого. Международное право служит целям ограничения могущества сильных держав, их способности навязывать свои интересы другим. Международные институты смягчают различия в могуществе между государствами. Однако навсегда ли отошло в историю предупреждение Фукидида о том, что «сильные делают как могут; слабые страдают столько, сколько должны»? Институционализация международной обстановки отвечает интересам слабых стран. Им все еще может угрожать диктат более сильных держав, но противостоять ему сегодня гораздо легче, чем прежде. Гоббсовское видение международной политики может возродиться во времена тяжелого кризиса, когда возрастает соблазн показать другим свое место в табели о рангах, но сегодня даже самым могущественным государствам сложно учредить в мировой политике некую неофициальную иерархию подчинения.

Конечно, ловушка Фукидида не потеряла актуальности и в наши дни: как реагировать на появление растущего конкурента, который угрожает позиции, занимаемой в настоящее время господствующей державой? Всегда ли неизбежен конфликт между гегемоном и претендентом? Сегодня американо-китайские отношения воспринимаются как проверка ловушки Фукидида на истинность.

Технологическая революция, происходящая на наших глазах, подтачивает фундамент иерархичного мира и учреждений, основанных в целях гарантирования порядка. **Возрастает сила негосударственных участников международных отношений.** Мир вступает в эру сетевого взаимодействия. Реформирование международных институтов

без учета роста сетевого фактора не принесет желаемых результатов. Проблема неудач ООН заключается не в том, сколько членов в Совете Безопасности и кто эти государства-члены. Проблема, скорее, в создании сетей, спонтанном и непредсказуемом. Таким образом, главы государств и ведущие политики должны думать о том, как связать иерархию с сетью.

В шаге от ловушки Фукидида высится следующая аксиома: международная среда — это конкурентная среда. Страны конкурируют друг с другом (за военное преимущество, влияние, престиж, коммерческие сделки и инвестиционные контракты, за приток туристов, проведение спортивных или выставочных мероприятий, посты и должности в международных организациях и даже за уровень благосостояния граждан или их будущее процветание). Во времена «глобальной прозрачности» успех собственной политики государства измеряется достижениями партнеров. Общества выступают против правительств, часто сравнивая уровень нищеты в собственной стране с благополучием других. Недаром воображение избирателей во многих странах можно эффективно пробудить обещаниями догнать и перегнать по уровню развития соседей и партнеров.

Однако глобализация порождает новую силу для сотрудничества во имя общих интересов. Так расширяются горизонты сотрудничества, которое в прошлом понималось лишь как способ максимально увеличить национальную выгоду. Сегодня конкуренция органично вписана в императив сотрудничества. Политики утверждают, что эра дипломатии как «игры с нулевой суммой» закончилась. Наиболее сильным аргументом в дебатах стала формула «беспроигрышной» политики (в некоторых столицах звучат саркастические комментарии, что если большая держава предлагает «беспроигрышную» формулу (*win-win*), это означает, что она хочет «выиграть дважды»).

Поиск равновесия — это реакция на диспропорцию в распределении власти и могущества, и в частности, на их

чрезмерное сосредоточение. Слишком сильная зависимость от одного партнера — признак политического неблагополучия. В этом случае возрастает риск зависимости, даже «вассализации». Здравомыслящий политик ищет пути ослабления односторонней зависимости, в частности, практикуя многовекторный подход.

Государства рациональны (и руководствуются не только интересами, как говорилось ранее, но и оценкой возможностей и ограничений, вытекающих из международной системы) — таков главный тезис реалистов. Однако политики, как и вообще люди, рациональны только относительно, даже если политику и хотелось бы руководствоваться только здравым смыслом. Склонность к ошибкам присуща нам с рождения. История полна примеров политиков и государственных деятелей, выносивших совершенно неверные суждения.

Главы государств, как и другие люди, подвержены эмоциям — своим собственным и социальным. Страх — из них самая рудиментарная. Остается ли страх невидимым двигателем малых стран? Пребудет ли соседство с могущественными государствами и неприятные исторические переживания в отношениях с ними факторами подсознательного страха, который проявляется даже тогда, когда бояться нечего? Ведь другая аксиома гласит, что **восприятие угрозы при принятии решений важнее, чем сама угроза.**

Честь препятствует рациональности мышления. Она веками движет европейской политикой. В эпоху парадигмы интересов она ушла на второй план. Но честь все еще присутствует в политике. Это не просто привилегия больших и богатых стран. Те не часто стремятся показать, что чувствуют себя оскорбленными, особенно со стороны малых партнеров. Но фактор чести тем более явственен в поведении государств, которым отказывают в ее наличии (государства, называвшиеся изгоями). Несколько средних и даже малых по размерам стран и сегодня ставят фактор чести выше здравого смысла.

Бездействие, реактивность, «психология рантье» числятся среди особенностей самоудовлетворенных государств, которые считают, что основные цели их внешней политики уже достигнуты. Такое отношение нередко свидетельствует о внутренней стагнации и упадке власти. Некоторые государства, по сути, признают, что вступление в Европейский союз поставило точку в их внешней политике.

Не раз утверждалось, что **алчность — это локомотив развития агрессивных стран**. Проблема обостряется, когда единственным способом сохранения власти становится внешняя экспансия. Экстенсивный империализм описан достаточно полно — например, в XIX веке Российской империи приходилось расширяться территориально для того, чтобы оставаться сверхдержавой.

Потерявшие ориентиры страны ищут спасение только в идеологии. Не беда, если идеология — циничная завеса истинных намерений. Хуже, когда в идеологию начинают верить. Идеология укрепляет инерцию и лишает способности прогнозировать. Показательно, что страны, до сих пор заявляющие о верности марксистско-ленинской идеологии во внутренней политике, сегодня перестали ссылаться на пролетарский интернационализм, доктрину мирного сосуществования или другие элементы идеологической ретрансляции марксизма-ленинизма во внешней политике.

Иэн Моррис писал, что истинные двигатели истории — это страх, алчность и лень. Они управляют поведением людей, которые не осведомлены о долгосрочных или реальных последствиях своего выбора. Может ли ответственный политик сегодня освободиться от алгоритма индивидуальных и социальных эмоций, или он в состоянии их контролировать?

Другая аксиома: **правила международного сосуществования требуют, чтобы государства следили за их применением («правила нуждаются в исполнителе»)**, т.е. международный порядок без надзора неэффективен. Государства Священного союза в XIX веке стремились стать

такими классическими правоохранителями. Декретным коллективным шерифом после Второй мировой войны должен был стать Совет Безопасности ООН, но неспособность его постоянных членов достичь консенсуса часто парализует его деятельность.

Отсутствие доминирующей силы ведет к росту анархии в международной среде. Каскадное увеличение числа участников международной политики также способствует анархизации. У одного из больших политиков начала девяностых был простой рецепт стабилизации международной ситуации после краха системы холодной войны. Мир надлежит поделить на «ящики» и каждому ящику назначить шерифа, который будет отвечать перед Организацией Объединенных Наций за порядок в его зоне ответственности. Однако любая подобная концепция приведет к санкционированию идеи сфер влияния, которая у средних и малых стран, в частности, вызывает острую аллергию. От сфер ответственности лишь шаг до сфер влияния. Современную эпоху часто связывали с лозунгом *Rex Americana*, а нестабильность объясняли ослаблением способности США гарантировать всеобщий мир.

В новом «сетевом мире» не будет аналогичных механизмов защиты и правоприменения. Так что единственный способ обеспечить соблюдение установленных правил — это отсечь нарушителя от сети. Только когда отсечение станет возможным и будет сопряжено с серьезными издержками для нарушителя, он будет готов следовать правилам.

Еще одна старая истина, не утратившая геополитического значения, гласит: **власть не терпит вакуума**. Соперничество стран не оставляет свободного пространства; в мировой политике нет «ничейной земли». Вакуум вызывает соблазн его заполнить. Экспансионистское государство ведет себя к точке, где сталкивается с сопротивлением международной среды, т.е. других государств. Оно отступает под действием силы сопротивления. Но потом, как в маятнике, попытка экспансии может повториться.

Проблема вакуума была настоящим вызовом для Европы после распада СССР. Западной Европе потребовалось некоторое время, чтобы это осознать.

Каждый международный институт существует дольше, чем породившие его условия. Каждое учреждение, как правило, может оправдать смысл своего существования потенциально катастрофическими последствиями роспуска. Институт проще создать, чем ликвидировать. Проще создать институт, который воспроизводил бы существующие задачи, чем реформировать существующий. Прежде рефлекс государств заключался в том, чтобы по умолчанию видеть в существующих организациях международные инструменты для решения возникающих проблем. Рефлексу редко предшествует размышление о том, способна ли старая организация функционально справиться с новой задачей. Бюрократическая инерция институтов — это одно из основных препятствий в решении новых проблем международной политики. Все международные организации страдают от низкого уровня гражданской легитимности.

Международное право, политически обязательные правила и международные институты призваны защищать «слабого». Но великие державы всегда будут пытаться использовать институты для легитимации своих односторонних приоритетов и позиций. Игнорирование воли крупных держав в деятельности международных организаций может привести к маргинализации институтов. Великие державы всегда найдут способ выразить разочарование деятельностью учреждения (урезая бюджет, игнорируя решения и т.д.). В свою очередь, международные институты, в которых безраздельно доминирует одна большая держава, теряют свой авторитет и воспринимаются как приводной ремень к мотору этой державы. От этого недуга страдали все учреждения бывшего коммунистического блока (Варшавский договор, Совет экономической взаимопомощи). Сегодня этот синдром прослеживается в деятельности Организации Договора о коллективной безопасности и

Евразийского экономического союза. Асимметрия потенциалов также выступает серьезной проблемой для некоторых западных учреждений (например, Организации американских государств).

Формула балансирования интересов и факторов влияния имела бы ключевую значимость с точки зрения актуальности и доверия к каждому международному институту.

Чем сильнее связи между государствами, тем менее вероятен конфликт между ними. Этот принцип, причем в двойном воплощении, был впервые сформулирован известным журналистом Томасом Фридманом. Первой версией стал «принцип McDonald's», согласно которому государства, в которых действует сеть ресторанов McDonald's, не ведут войн друг с другом. Впрочем, это относилось к тому времени, когда McDonald's был атрибутом стран свободного мира. В России присутствие этой сети быстрого питания не оказало никакого влияния на политику в отношении некоторых ее соседей.

В переработанном виде теория превентивной роли тесных связей должна была найти отражение в так называемой теореме Dell, согласно которой государства, входящие в глобальную цепочку поставок международной корпорации, не будут воевать друг с другом. Но теоретически конфликт все же возможен, потому что в мире глобализации (и особенно в мире гибридных войн) конфликт может и не прервать поставок, к тому же всегда найдется агент, который при необходимости заполнит этот пробел.

Многие обозреватели полагают, что упрочение связей как эффективный метод предупреждения разрушительной вражды между народами служит философским основанием проекта, из которого вырос Европейский союз.

Ничто не объединяет и не консолидирует народ в поддержку властей больше, чем внешняя угроза и внешний враг. Если настоящий враг пропал из виду, то не остается ничего другого, как его придумать. Внутренние

последствия конфликтов затрудняют их урегулирование. При угрозе отсутствия внутренней поддержки элита надеется, что конфликт вызовет у народа солидарность с правительством. Поэтому анализ внешней политики партнера всегда должен начинаться с глубокого обзора его внутренней ситуации.

Общие ценности отражают общие интересы. Этот тезис нашел яркое выражение в теории демократического мира: демократические государства не решают конфликты между собой силой. Даже если сторонники этой теории видели ее предшественника в Иммануиле Канте, она стала набирать силу только после окончания холодной войны. Представлялось, что ее обоснованность во время холодной войны связана с тем, что США как лидер демократии (свободного мира) не позволят своим союзникам вести войны друг с другом. Безусловно, демократический контроль в богатых пацифистских обществах сегодня смягчает воинственные инстинкты политиков. Но, как показала американская кампания в Ираке, он не устраняет эмоциональной слепоты элиты. Правда, теория демократического мира хорошо работает в рамках Европейского союза. Там разрешение конфликтов *manu militari* (военной силой) не приходит в голову ни обществу, ни, в частности, представителям элиты.

Считается, что ошибочность политики западных стран в 1990-е гг. состояла в противопоставлении ценностей и интересов (политика Запада в отношении Китая). Абсолютизация ценностей ведет к доктрине, оторванной от действительности, а слепое следование интересам — к цинизму и выхолащиванию морали в политике.

Рамки усмотрения для решения проблем силой сужаются. Наиболее метко парадокс «беспомощной силы» когда-то сформулировала Мадлен Олбрайт: «Зачем нам эти замечательные вооруженные силы, если мы не можем их применить!» Все меньше политических проблем решается посредством принуждения, даже легализованного

(ср. с военной операцией в Афганистане); не менее важно снижение уровня социального согласия на применение силы, даже в «правом деле» (напр., общественное сопротивление вмешательству США в Ливии или Сирии). Аргумент о силе становится все менее актуальным, особенно в политических дискуссиях, которые ведутся в западных странах. Однако это не означает, что соблазн прибегнуть к силе в решении проблем, главным образом проблем местного порядка, исчез. Массовое распространение средне- и малокалиберного оружия, а в последнее время и революция беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в военном деле делают применение военной силы беспрецедентно дешевым и асимметрично жестким.

В глобальном масштабе **риск неконтролируемой эскалации даже случайных военных действий остается высоким**. Все оптимистические сценарии поддержания мира во всем мире (и прошлый опыт кризисов, например, кубинского) основаны на предположении о рациональности процесса принятия решений в государствах, обладающих ядерным оружием. Но никто не может быть застрахован от того, что где-то, когда-то ядерная кнопка окажется под контролем иррационального человека. **Современная послевоенная эпоха, будучи самой мирной в истории цивилизации, в то же время стала наиболее чувствительной к преднамеренным или бессознательным ошибкам в политических расчетах, особенно со стороны ядерных держав.**

Как пишет Харари, «даже если война катастрофична для всех и каждого, ни боги, ни законы природы не защитят нас от человеческой глупости».

Время утверждает *fait accompli* — такова одна из наиболее циничных политических истин. Сегодня мы имеем дело с последствиями такого мышления, в том числе в непосредственной близости от границ Европейского союза.

Решение международных проблем становится все более трудоемким делом. Либерализация торговли, попытка

решить проблему климата и управление миграцией — все эти вопросы без простых ответов. Тут наличествует и объективное обстоятельство: проблемы современного мира становятся все более сложными, а учет разноплановых интересов растущего числа участников международной политики делает нахождение общего и эффективного знаменателя геркулесовой задачей. Следует упомянуть и менее понятные, и, таким образом, вносящие еще большую неопределенность аспекты международных отношений, как, например, «замороженные конфликты». Бессилие в разрешении иногда даже небольших локальных конфликтов вызывает большое разочарование. Надо признать, что в некоторых из этих конфликтов глубоко задействованы интересы крупных стран, но бессилие международных организаций изнурительно и приводит к выводу, что ситуация *fait accompli* («свершившегося факта») часто выгодна сторонам.

Промедление (некогда привилегия сильных) стало оружием слабых. Будучи не в состоянии противодействовать логике правил, введенных более крупными государствами, относительно слабые страны могут только замедлить их ход. Они подписывают соглашения, даже ратифицируют договоры, а потом делают все, чтобы не пришлось выполнять неудобные положения. Осуществление соглашений в рамках Содружества Независимых Государств дает богатую пищу для таких размышлений.

Промедление стало одним из самых серьезных недугов современного сосуществования стран. Каждый глава государства должен быть готов к тому, что сегодня в мировой политике ничего не делается быстро. Средний срок ратификации даже самого невинного международного соглашения Европейского союза государствами-членами составляет более двух лет. Поэтому в своих соглашениях с партнерами ЕС наиболее последовательно выступает за клаузулы о временном применении.

Знаком нашего времени стала некая «норма» о «временном применении правил», обретшая характер постоянства.

Одним из наиболее важных событий в международной политике за последние десятилетия стало появление субгосударственных (негосударственных) и надгосударственных субъектов. Это бросает вызов традиционным парадигмам международных отношений, их механизмам и аксиомам. Вестфальская модель со все возрастающей трудностью адаптируется к изменениям. Так, в рамках этой модели до сих пор не удалось найти формулу для того, чтобы отразить голос и стремления личности (гражданина) в решении глобальных проблем, таких как изменение климата, охрана окружающей среды, истощение ресурсов, то есть проблем, которые непосредственно влияют на жизнь граждан и обладают общемировой важностью.

Список старых и новых истин, обосновывающих поведение на международной арене, можно, конечно, продолжить. Но, как уже отмечалось, эти максимы подлежат эволюции, повторному истолкованию и изменениям.

Новая религия адептов антиутопии — «датаизм», описанная Ювалем Ноем Харари, предполагает, что революция «больших данных» создаст эффективные алгоритмы, которые предсказывают поведение отдельных людей, обществ и стран. Все зависит от способности получать и обрабатывать необходимую информацию. **Политики, смысл существования которых заключается в том, чтобы отражать социальные настроения и управлять ими с помощью соответствующей социальной инженерии и политических мер, станут лишними.** Институты, контролирующие данные и их обработку, смогут сами порождать социальные эмоции. Государство получит возможность эффективно контролировать граждан.

Свобода будет необратимо сведена к пониманию объективной необходимости, диктуемой «большими данными».

Харари прогнозирует, что эра «больших данных» поставит перед глобальной политикой новые проблемы. Эта эпоха захлестнет современную цивилизацию, сделав несущественными культурные, религиозные и национальные разногласия. На их месте появится новая рознь: транснациональная, «надцивилизационная», вытекающая из неравного доступа к биотехнологиям и преимуществам информационных технологий. **Нынешняя структура международного сотрудничества представляется совершенно не готовой к этим качественно новым проблемам.**

В краткосрочной перспективе значительной проблемой станет применение технологий в целях манипуляции политическим выбором в иностранных государствах, включая определение внешнеполитического курса. «Иностранный фактор» в британской кампании в пользу Брексита достаточно хорошо документирован.

Для анализа социальных процессов в отдельных странах разрабатываются алгоритмы обработки «больших данных». Многие министерства иностранных дел изучают возможности использования «больших данных» в оптимизации внешней политики.

Оптимисты (например, Параг Ханна) полагают, что появление *Pax Technologica* в мировой политике обеспечит гармонию и мирное сосуществование народов, положив конец традиционно изоциренной, конкурентной и конфликтной международной политике. Следует помнить, однако, что в обозримом будущем человек продолжит контролировать технологии. Технологии пребудут лишь инструментом. При этом их важная роль не вызывает сомнений. Уже сегодня можно вообразить себе соперничество государств (и корпораций) на технологическом поле с явными политическими последствиями. Разве не будоражат воображение следующие фразы: «Кто контролирует большие данные, тот контролирует будущее», «Кто контролирует 5G,

тот наделен властью»? Обеспечение свободы в интернете и учреждение правил в отношении искусственного интеллекта имеют решающее значение для судеб мира.

Международная среда — это весьма сложная система. Реагирование на возникающие объективные проблемы обычно носит временный характер. Принципы принципами, правила правилами, но в общем восприятии развитие международной ситуации отмечено отступлениями, вариациями и колебаниями. Именно поэтому лишь немногие политики и дипломаты интересуются теориями международных отношений. По словам Йоги Берры, в теории нет разницы между теорией и практикой, но на практике разница есть.

Большой источник непредсказуемости состоит в непредвиденных последствиях наших собственных действий. Международную среду можно сравнить со сложной, динамично адаптивной системой. В таких системах небольшой, незначительный импульс может привести к гигантским, непредсказуемым изменениям, основанным на эффекте многократного усиления.

Много десятилетий назад Роберт Мертон отметил, что мы привыкли объяснять непредвиденные последствия своих действий собственным невежеством. Однако наши знания всегда будут ограничены. И возможно, попытки заполнить пробелы в наших знаниях в надежде принимать ответственные решения — это пустая трата времени и сил. Препятствия будут возникать всегда. Сможет ли предстоящая эпоха «больших данных» их устранить?

Постоянный и, пожалуй, неизгладимый даже в эпоху «больших данных» фактор — это непредсказуемость человеческого поведения, склонность человека к ошибкам, даже если собраны полные, всесторонние знания, необходимые для принятия решения.

Человеческая ошибка, осознанная или неосознанная, происходящая из рациональных предпосылок или безумия, — это величайший фактор непредсказуемости в политике.

В качестве причины собственного бездействия политик всегда будет готов указать на недостаточные возможности реализации предлагаемой программы. Действительно, иногда, даже если верно диагностирована причинно-следственная связь, политику может просто не хватить сил и средств для достижения цели. Однако похоже, что главным тормозом международной политики сегодня выступает страх глав государств перед непредсказуемыми последствиями своих решений.

Что может исцелить ведущих политиков от этого страха? Приобретут ли они уверенность и знания о направлении ожиданий общества в результате использования алгоритмов «больших данных»? Устранит ли это страх из процесса принятия решений? Алгоритмы не должны ошибаться. Алгоритмы не следуют скрытой повестке дня. Над алгоритмами не властны эмоции, предрассудки и «эго».

Впрочем, вышесказанное не назвать привлекательной картиной будущего.

Какая же альтернатива приходит на ум? Может быть, только бесстрастная коллективная мудрость граждан. Может быть, по примеру некоторых стран, где разработка решений сложных, эмоционально тяжелых вопросов была предоставлена случайно выбранным гражданам, отражающим образ общества (Ирландия, Бельгия, Франция), пора довериться народной мудрости. В ситуации, когда мнения разделились, всегда необходим поиск наиболее справедливых решений.

В девяностые годы XX века возникла мода созывать разнообразные коллегии государственных деятелей и именитых личностей. Каждая международная организация, озаботившись собственным реформированием, создавала специальную группу экспертов. Проблема с доверием к

отчетам этих групп заключалась в том, что они состояли в основном из бывших политиков; при всех их заслугах они не проявили в деятельную пору своей жизни смелости или способности реализовать предложения, которые они позже уже в качестве мудрецов предлагали своим преемникам.

ЛЕКЦИЯ II

ЭМОЦИИ, ИНТЕРЕСЫ И ЦЕННОСТИ

Что в большей степени влияет на международную политику: **объективные интересы государств (как бы мы их ни определяли) или, быть может, коллективные эмоции народов (или эмоциональное состояние руководителей государств)?** Согласно общепринятому мнению, человеческие существа эмоциональны, а государства — рациональны. Вестфальская система основана на предпосылке о главенствующей роли государств (следовательно, на рациональности мотивов действующих лиц). Однако государствами управляют люди, а они подвержены эмоциям.

Рациональные интересы или политические эмоции? Это стародавний вопрос, на который в истории отвечали по-разному. Действительно, международная политика растянулась в своем курсе между двумя гравитационными полюсами — полюсом эмоций и полюсом интересов. Между ними всегда существовало напряжение.

Привычки противопоставлять страсть разуму все еще сильны, хотя таковые, кажется, становятся все менее подходящими для нашего времени «постмодерна». **Фукидид усматривал причины войн в страхе, интересах и гордыне.** Казалось бы, это принципиально разные источники. Как выяснится позже, все три сводимы к эмоциям. Даже интересы. Но дорога к этому выводу была долгой.

Спор между реалистами и идеалистами при оценке мотивов поведения государств заключался не столько в том, **проявляется ли в международной политике иррациональность, сколько в том, как она проявляется.** Реалистическое течение в теории международных отношений было сосредоточено на изучении страха как двигателя государственной политики, его влиянии на рациональные рассуждения (кстати, гордыня в конце концов была переформулирована как стремление к могуществу, то есть

разновидность престижа). На основе рационалистического рефлекса реалисты надели на страсти смирительную рубашку интересов. **Предполагалось, что действующие лица международной политики рациональны.** Представители идеалистической школы, в свою очередь, пытались выстроить некие желательные рассудочные конструкции, которые должны уберечь мир от раскрытия эмоций, и особенно негативных эмоций.

Большинство исследователей международных отношений в течение многих лет неизменно игнорировали важность эмоций. Отчасти это можно объяснить особым ореолом, окружающим международную политику. На протяжении веков международная политика рассматривалась как игровая площадка для элиты. Политику творили «в кулуарах»: ею занимались королевские придворные, камарильи, тайные советники. Придворный стиль политики сводил ее к уровню бесстрастной интриги, в лучшем случае к дуэли умов, политической игре в шахматы. Государства и правительства должны были действовать рационально, подавляя эмоции. Эмоции в политике рассматривались как сила дезорганизации, как поток иррационального, происходящий из внешнего, несколько хаотичного мира в его природном, естественном состоянии.

Международной политике полагалось быть искусством сдерживать эмоции. Вестфальский мир считался образцом сдерживания эмоций в переговорах по международным соглашениям. В том случае речь шла о «приручении» религиозных эмоций. Однако Вестфальские соглашения, трактуемые как начало международных отношений эпохи национальных государств, не устранили эмоций из политики. **Они лишь заменили религиозные или династические эмоции национальными.**

Общепринято, что, в отличие от отдельных личностей, институты, особенно государства, эмоционально нейтральны и неэмоциональны. Согласно логической проекции, личности, которые принимают решения от имени

государства, рассматриваются как существа, невосприимчивые к влиянию эмоций, ведомые только здравым смыслом и разумом. Однако не только в авторитарных странах, где институты отождествляются с человеком (монархом, диктатором), но и при наиболее демократических режимах **важнейшие решения могут приниматься под влиянием эмоций, как коллективных, так и индивидуальных. Коллективные эмоции кажутся неизбежными, но могут ли при демократии играть роль индивидуальные эмоции? Да, могут, потому что и сегодня оказывается, что важнейшие решения в рамках демократической системы нередко принимаются в одиночестве, самостоятельно и единолично.** Иногда такие решения соотносятся с вполне драматическими вопросами, например, с началом военных действий. В таких ситуациях (как в случае с Тони Блэром, когда он принимал решение о военных действиях против Саддама Хусейна) «для премьер-министра наступает минута одиночества. В это время он не может доверять своим министрам или советникам. Он стоит перед решением, которое должен принять сам». **Одиночество неизбежно и при ведении войны. Как говорила Маргарет Тэтчер, «войны не ведутся комитетом».** Ключевые решения во внешней политике принимаются лично. А при любом единоличном решении на поверхность могут выйти эмоции.

Истории человечества сопутствуют эмоции. В эпоху национальных государств эмоции было принято связывать не столько с межгосударственными отношениями, которые полагалось считать рациональными, сколько с массовыми движениями и восстаниями, народными или национально-освободительными. Считалось, что эмоции проявляются в основном извержениями революций и революционных войн. Однако даже в отдаленной перспективе трудно выявить реальную роль эмоций в политических расчетах. Можно ли утверждать, например, будто в Американской войне за независимость доминировали

одни только эмоции? Следовали ли наполеоновские походы только лишь порыву революционной миссии? Было ли подавление европейской «весны народов» 1848 года эмоциональной реакцией со стороны участников «концерта держав»?

Одно не вызывает сомнений: национальные государства часто нуждаются в «идеологических скрепах», а идеологии без эмоций не бывает. Национализм, который расцвел в национальных государствах, смог сделать политику заложником национальных страстей. Первая мировая война показала, как унылый алгоритм военного планирования и реагирования на взаимные маневры участников европейского политического театра может набрать безумную скорость под действием националистического угара.

В период с большевистской революции до падения Берлинской стены национальные страсти как двигатель политики во многих странах уступили место чистой идеологии (коммунизму, фашизму, но также и либеральной идеологии свободы). В наши дни идеология, как представляется, уступила место эмоциям, связанным с процессом установления идентичности людей, обществ и народов. Похоже, политика сегодня вновь движима эмоциями.

Античность — эпоха ярости

Ни одна эмоция не увлекала философов, мудрецов и исследователей так сильно, как гнев и ярость. Платон ввел в политический дискурс понятие *тумоса* — составляющей человеческой души, без которой мы были бы разве что разумными машинами. **Считалось, что *тумос* отвечает в человеке за гордость, стыд, необходимость признания и гнев.** *Тумос* выступал полноправным партнером разума и чувства привязанности. Пожалуй, ничто не характеризует мир древнегреческих войн так полно, как *тумос*.

Аристотель связывал гнев с возникающим чувством мести, призванной воздать за вред, нанесенный нам или

нашим близким. Сенека видел в гнев **рефлекс насилия, питаемый самым бесчеловечным, слепым желанием наказать и причинить страдания другим — даже в ущерб себе.** Поэтому гнев издревле рассматривается как одно из самых негативных состояний личности. Прежде всего потому, что он связан с агрессией и насилием. Марк Аврелий предупреждал, что «последствия гнева гораздо серьезнее, чем его причины».

Сегодня психологи придают гневу относительный характер. Некоторые видят в нем положительный заряд. Гнев помогает исправить природу отношений между людьми. Это чувство может укрепить связь с близким человеком, поступки которого вызвали наш гнев. Гнев также может стабилизировать наш собственный моральный компас в восприятии поведения других людей по отношению к себе. В социальном измерении **коллективный гнев нередко служит делу правосудия.** По мнению современных психологов, гнев очень редко провоцирует физическую агрессию и насилие. Гнев служит для регулирования отношений, а не для их разрушения.

Гнев связан в первую очередь с импульсивным и взрывным поведением и обычно не длится долго. Однако он может иметь и более устойчивые формы. Гнев может расти и зреть годами. Как правило, он утихает, если вызвавшая его ситуация разрешилась и возникло чувство морального удовлетворения.

Гнев, конечно, может охватывать не только человеческие сообщества (массы!), но и отдельных политиков и государственных деятелей. В некоторых случаях гнев оказывает вполне рациональное воздействие, стимулируя разум. Иногда речь идет о попытках сохранить порядок и рассудок. Тогда гнев способен играть вполне рациональную роль.

В традиционном восприятии гнева подчеркивается его ослепляющее влияние. Предполагается, что гнев ограничивает наше восприятие, сужает поле зрения, нарушает

когнитивные функции и избирательно интерпретирует стимулы. Оказывается, однако, что он может играть и вполне положительную роль. Гнев может мотивировать, помогая сосредоточиться на стратегической цели.

Относительно полезности гнева на переговорах, особенно во время переговоров на международном уровне, существуют противоречивые мнения. Конечно, если стороны переговоров не вполне равны, гнев может служить для устрашения и вывода из строя другой, более слабой стороны. Это атрибут силы. Хорошо поставленный гнев может убедить другую сторону в стойкости «нашей» позиции. Политики нередко проявляют гнев, особенно на публике, то есть чаще, чем печаль и чувство вины, хотя иногда это можно рассматривать как признак неуравновешенности. Все, однако, зависит от того, оправдан ли всплеск гнева.

Петер Слотердаик напоминает о первостепенной роли, которую в политике играет ярость. **Европа начиналась с гнева. Поистине, Запад начинался с гнева.** До этого только эллинистические боги имели право выбирать время, место, человека и обстоятельства, в которых божественный гнев должен повлиять на судьбы мира. То был гомеровский — «чистый» — гнев, для носителей которого люди были лишь инструментом, объектом, пассивной стороной, которую освобождали от моральных последствий их собственных поступков. Гнев был «силой действия в его чистом виде».

Мир древнегреческих войн был миром героической ярости. Войны между греческими полисами были войнами за «справедливый» порядок, за «надлежащую иерархию» подчинения и зависимости. Зачастую войны затевались не для того, чтобы уничтожить противника полностью, лишить имущества, поработить население, а для того, чтобы указать ему на его место в иерархии греческих городов.

Несмотря на искренние усилия Фукидида придать Пелопоннесской войне V века до Р. Х. глубокий стратегический смысл, с сегодняшней точки зрения этот конфликт можно только подытожить вопросом: «За что они воевали? Почему?» Греция стала насыщенной эмоциями «ареной раздоров и беспрестанного роения». И так же, как после битвы при Мантинее, стороны часто утверждали, что одержали победу, хотя никто из воюющих не получил больше, чем имел до битвы. Конец маниакальным междоусобицам был положен только с исполнением пророчества Исократы, сделанного в IV в. до Р. Х., в соответствии с которым единственным способом объединить греческий мир был общенациональный поход под предводительством одного полководца против Персии.

«Ликующая воинственность», культ героического, а также «неразлучная парочка» — война и счастье, будто следующие рука об руку, — дошли до нашего времени благодаря эллинистической традиции. Однако древнегреческая цивилизация произвела «обмирщение» аффективных состояний, содействуя переходу от ситуации, когда эмоции управляют поведением людей, к состоянию, когда человек располагает эмоциями, но последние не всегда над ним довлеют. **Так произошло «приручение» гнева.** Ярость сохранилась, но в форме отваги. Восприятие аффекта стало более нюансированным. **Теперь оно в большей степени отождествлялось с платоновским «тумосом», «средоточием гордой личности», нежели с божественным гневом.**

Исторически тумос возникает на полпути между Гомером и стоиками. В итоге страсти получили «право гражданства» в государстве, управляемом разумом. Хотя Аристотель высоко ставил ценность праведного гнева как движущей силы правосудия, гнев постепенно затенил честь, гордость и чувство достоинства, так что он исчез из списка харизматичных черт личности. Мятежные эмоции облагораживались.

Средневековая тирания чести

В средневековой Европе слились ветхозаветный божественный гнев и новозаветное божественное милосердие; слияние христианства (любви и мученичества) и германского культа воинственности (древней ярости) породило новую парадигму. **Ярость стала составляющей частью царского достоинства, привилегией королей.** В феодальной социальной иерархии чем ниже человек стоял на социальной лестнице, тем в большей степени он должен был сдерживать свой гнев.

Международная политика в Средневековье воспринимается как повесть о состязании за место в иерархии чести. Европа превратилась в театр войны за утверждение феодального суверенитета и даннические права. Английская война баронов в раннем Средневековье служит тому яркой иллюстрацией. Героические поступки в войнах становились вехами на пути к титулам и вотчинам. Причиной войны могло стать уже одно оскорбление величества; право на титул становилось частью переговоров и мирных соглашений. Когда в 967 г. Оттон I Великий подчинил зависевшую от Византии область на Апеннинском полуострове, он сам предложил немедленно вернуть ее Константинополю в обмен на признание его равного положения с византийским императором.

Причиной войны могло стать и право на использование титула. Притязания английских королей на французский престол служили обоснованием агрессивной экспансии и военных походов на протяжении ста с лишним лет. Примечательно, в какой мере вопрос о титуле повлиял на польскую политику в последние века, особенно в отношениях с Россией и Швецией. В случае отношений с Россией вопрос о титуле не ограничивался амбициями, ибо был связан с проблемой притязаний на территории, населенные восточными славянами. Когда в конце XV века Иван III потребовал от Литвы признания титула «государя всея

Руси», подоплека этого требования была вполне очевидной. А когда в 1576 г. Россия потребовала от Речи Посполитой признать принятый Иваном IV титул царя, то подтекст был еще более территориально специфичным (признание включения в Россию Смоленской и Полоцкой земель). Согласно Ям-Запольскому миру 1582 г., спор о титуле был разрешен посредством компромисса: в польском тексте договора Россией управлял «великий государь», а в русском варианте — «царь и великий князь Смоленский». Польша определенно признала титул, когда в 1610 г. царем был избран князь Владислав. Владислав отказался от титула царя только в 1634 г., но после этого у Польши не возникало вопросов в связи с царским титулом русских правителей.

Титульный спор со Швецией не имел такого геополитического значения, хотя и истоцил Польшу. Польские короли из шведской династии Ваза проявляли необычайную привязанность к титулу шведских королей. Пожалуй, они ставили его выше, чем польский королевский титул. С точки зрения «реальной политики» то был спор со смертельными последствиями для Польши. С 1592 по 1660 г. эти притязания подпитывали польско-шведские конфликты, которые обескровили Польшу. Небольшим утешением послужило то, что король Ян Казимир вынудил шведов признать его право на пожизненное использование титула короля Швеции (это лишь подсластило потерю Польшей Лифляндии). В этом смысле Оливский мир — убедительное свидетельство здравого смысла шведов. Удовлетворение чужого тщеславия в обмен на территориальные приобретения свидетельствовало о трезвости мысли, которой не хватало польским королям из рода Ваза.

Фетишизация чести свойственна не только европейской истории. В Китае абсолютизация акта почитания свидетельствует о столь же сильном доминировании фактора чести в политике. Достаточно вспомнить британские миссии Макартни в конце XVIII века, когда несколько недель ушло на переговоры относительно порядка представления

английского посланника императору Поднебесной и процедуры выражения подобострастия (компромиссное решение состояло в преклонении одного колена).

Культ чести, похоже, силен в дипломатии по сей день. Награждение званиями и орденами иностранных граждан, в том числе глав иностранных государств, это часть международной дипломатии. Вспомним также, что к представителям иностранных государств в ранге посла надлежит обращаться как к «их превосходительствам», а британские послы в значимых столицах получают с назначением на должность дворянские титулы.

Религиозная (христианская) доктрина владения своими эмоциями, которая довлела над нравственным кодексом человеческого поведения на протяжении всего европейского Средневековья, сделала *тумотические* рефлексии греховными, морально порицаемыми. Однако путь в ад отмечали не только гордыня и гнев. **Подозрительной с точки зрения морали считалась всякая страсть.**

Просвещение породило в среднем классе здоровый рефлекс сопротивления этой предпосылке. Оно поставило под сомнение доктрину, согласно которой справедливость и возмездие откладывались до загробной жизни и Страшного суда. При этом, как напоминает читателю Слотердаjk, **Просвещение возвело месть в ранг «эпохального» фактора.** Оно привело к культуре чрезмерной мести, наиболее сильно проявившейся во Французской революции. Мысли о классовой мести позже вскормили коммунистическое движение.

Капитализм и пришествие парадигмы интересов

Альберт Хиршман мастерски продемонстрировал, как в интересах зарождающегося капитализма европейские общества полностью переоценили воздействие страстей на человеческие поступки.

Христианство приравнивало страсти к греху. Вероучение наставляет борьбе с соблазном греха. Страсти необходимо держать в узде. Блаженный Августин осудил стяжательство и стремление к обладанию как один из трех грехов, приведших к грехопадению (страсть к власти и любострастие завершают триаду). Однако в век Просвещения уже считалось вполне возможным и оправданным использовать одну страсть для противодействия другой (Спиноза позже дал этому философское обоснование). Был сделан вывод, что стремление к славе (власти) может иметь целебный социальный эффект. Еще ранее в Европе распространился рыцарский культ чести и славы, несмотря на то, что первоначально христианская доктрина отвергала его как рассадник тщеславия и греха. В эпоху Возрождения культ героизма достиг апогея; впрочем, уже довольно скоро он был предан осмеянию, в частности, под пером великого Сервантеса.

Революция в оценке страстей связана с именами Макиавелли и Гоббса. Она произошла из постулата о восприятии человека «таким, какой он есть на самом деле». Сдерживая страсти, уже не надлежало полагаться исключительно на религиозные кодексы и нравственные заповеди. **Государство должно было контролировать страсти.** Подавить их самостоятельно было задачей, выходящей за рамки человеческих способностей. Поэтому речь могла идти только о том, чтобы страсти обуздывать, использовать и направлять. Таким образом, государство должно было стать элементом поведения, несущего цивилизованность. Так **возникла теория превращения греховных страстей в благородные действия.** Свирепость должна была способствовать обороне, алчность — торговле, суетность и тщеславие — действенной политике, причем в итоге эти страсти могли сообщить обществу и государству силу, богатство и политическую мудрость. Следовательно, личные пороки надлежало совместными усилиями обратить в общественные блага. Такая трансформация стала секретом

цивилизационного развития — **человеческие слабости могут трансформироваться в социальные подвиги**. Началась эра эмоциональной инженерии. Основанные на этом принципе инженерные концепции были разработаны некоторыми выдающимися умами европейского Просвещения.

В этих рассуждениях интересы проявляются как конструкт, служащий для подавления и обуздания эмоций. В сочинениях Макиавелли они были синонимом «государственной необходимости» (*raison d'état*). Таким образом, интересы начали влиять на государственную политику. Они вышли за рамки узкого материального или экономического понимания. А максимой «интересы не врут» представитель гордого княжеско-епископского бретонско-эльзасского рода Анри Роган выразил мысль, что как **князья помыкают окружающими их людьми, так и интересы помыкают князьями**. Плавный переход от страстей к интересам был проиллюстрирован появлением в философской литературе XVIII века таких понятий, как «заинтересованная привязанность» и «страстный интерес». Интересы стали также более распространенными. Следовательно, «интересам» стали часто сопутствовать эпитеты — «общественные» или «социальные»; такое лексическое расширение никогда не происходило со «страстями».

С развитием капитализма и, в частности, вследствие промышленной революции парадигма интересов заняла господствующее положение в политике, экономике и общественной жизни. Она освободила цивилизацию от мазохистских сетований на несовершенство человеческой природы и принесла моральное облегчение не только бизнесу, но и политике. Иногда это приводило к **утрате моральных инстинктов**.

С точки зрения международной политики парадигма интересов установилась как раз вовремя. Длилась величайшая в истории эпоха территориальной экспансии сверхдержав. А в начале XIX века, когда закончились участки суши,

пригодные для колонизации, экспансия превратилась в империалистическую конкуренцию за контроль над наиболее стратегически важными районами. **Алчное стремление к завоеванию новых земель и господству могла оправдать разве что морально нейтральная концепция интересов.** Империалистическое соперничество приняло форму игры интересов.

В международной политике быстро осознали двойственные, подчас разрушительные последствия примата парадигмы интересов, поскольку, в отличие от поля торговли или широко понимаемой экономической деятельности, где понятие интереса и составляет суть действия, **интересы в политике зачастую были слишком противоречивы.** Конфликт интересов явно разрушителен для международной обстановки. Единственный способ нейтрализовать негативные последствия — взвесить интересы и попытаться их примирить. Такова этимология вошедшего в политический дискурс понятия «**баланса интересов**».

Хиршман отмечает, что **парадигма интересов дала миру новое психополитическое качество: предсказуемость и стабильность.** Направляя общественный интерес в сторону развития торговли и бизнеса, она внесла вклад в прогресс цивилизации. Следовательно, «интерес» стал парадигмой прогресса. В международном измерении экономический интерес был нацелен на снижение вероятности войн, сближение народов и преодоление предрассудков в отношениях между ними. Предпосылка состояла в том, что торговля и взаимная выгода сближают, как ничто другое.

В политике интересы озаменовали триумф здравого смысла над эмоциями.

Эмоции сегодня — революция под знаком тумоса

В истории человеческих эмоций одним из спутников ярости всегда выступала месть. Месть определенно всегда присутствовала и в политике, в том числе международной. Месть (реванш) на протяжении тысячелетий была вписана в переговорную позицию победителей в войне. Через образ мести гнев всегда приобретал направленность в будущее. Существует тезис о том, что все пребывающие в гневе общества обращены в будущее. Месть же оказывает самую полную поддержку политическому лицу при погоне за переменами. Политические события, наблюдаемые под этим углом зрения, приводят к выводу, что «вся история — это история ярости». **Проблема в том, что гнев как мотор для конструирования будущего рассматривает будущее как реконструкцию прошлого. Иногда это загоняет политику в тупик.**

Тумотическое ядро политики иногда упоминается при оправдании легитимности гегелевского стремления к признанию. Соответственно, отсутствие признания может вызвать законный гнев. Это практическая проблема современной политики. Считается, что отношение к Ирану и КНДР как к политическим изгоям со стороны международного сообщества лишь укрепило бескомпромиссный и конфронтационный характер этих режимов. Президента Джорджа Буша-младшего не раз обвиняли в том, что его «ось зла» стала исполненным пророчеством.

Чудовищные трагедии XX века трактуются как провал концепции «цивилизовать» тумотическую энергию. Большевизм, в частности, рассматривается как попытка сосредоточить и направить гнев в русло политического проекта по восстановлению общества и мира. С сегодняшней точки зрения это предприятие выглядит зловещим экспериментом по политической эксплуатации массового недовольства. Коммунистические движения были круто замешаны

на стремлении к мести и возмездию. Они не цивилизовали гнев, а позволили ему изливаться в виде ненависти.

Слотердайт полагает, что в наши дни *тумос* обрел вторую жизнь под рубрикой *страсти к величию*. Тумотические эмоции направляются в русло удовлетворения потребности в признании. Сегодня человек способен удовлетворить все экзистенциальные потребности, кроме одной — самой эфемерной и высокой — потребности в признании. Необходимость признания вырастает из «пересмотренной тумотологии», отражающей **мегалотумию** — притязание на гордость и величие. Развивая миф Фукуямы о конце истории, Слотердайт объявляет о наступлении «вечной тумотической тревоги», заменяя эпоху физических войн эпохой метафорических войн. Требование о справедливом признании всех людей на свете неисполнимо в принципе, даже если включить его в официальные гарантии закона и эгалитаристские социальные кодексы. Как отмечает Слотердайт, люди в условиях повсеместной свободы никогда не перестанут соперничать за различные формы признания, устремляясь к новым высотам престижа, процветания, сексуальной привлекательности и интеллектуального превосходства. В результате этой гонки гнев накапливается у людей слабых и социально уязвимых. Несмотря на поиск и обнаружение новых путей к признанию, **фрустрация становится неизменной частью общественной жизни**. В этом смысле можно сказать, что «современность изобрела неудачника».

Слотердайт предсказывает, что «первая половина XXI века будет отмечена огромными конфликтами, которые будут вызваны цивилизациями, оскорбленными и исполненными гнева». Примечательно, что в начале нынешнего десятилетия возникли политические лозунги, отсылающие к понятию гнева в чистом виде: в частности, движение *indignados* («возмущенных»).

Пожалуй, в мире после холодной войны гнев рассеян повсеместно, он диффузен. Сегодня невозможно указать

на какие-то очаги или «центры сосредоточения» гнева. «Возмущение больше не следует идее, способной охватить и увлечь весь мир». Сегодняшний мир — это «мир рассеяния». Для распространения гнева существует много причин. Прежде всего, не сложились институты, которые могли бы свести на нет универсалистские устремления гнева. Также нет идеологии, с помощью которой можно было бы уложить гнев в единую теорию. Парадоксально, но наиболее распространенным (универсальным) видением альтерглобалистов становится движение «против универсальности и против будущего». Также не хватает социальных платформ всеобщего гнева — на уровне социального класса, группы или племени. Всеобщая эстетизация жизни также приводит к тому, что гнев быстро находит выход. Полдня бунта, сожженный автомобиль и разбитое окно — и на сегодня проблема удовлетворения гнева решена.

С точки зрения международной политики развивающиеся страны не ищут возможности дать выход своему гневу. О Китае пишут, что он стремится максимально использовать существующие международные структуры в своих интересах, а не менять или ликвидировать их. Концепция *мирного подъема* содержит тезис об «отказе от мести».

Обиды в африканской политике, связанные с травмой колониализма, проявляются только в риторике. В повседневной политике африканских стран по отношению к Западу гнева не ощущается. В исламском мире ситуация сложнее. Враждебные настроения по отношению к Западу, особенно к США, велики, причем ими часто манипулируют во внутривнутриполитических целях. Во внешней политике синдром гнева в основном характеризует только политику таких стран, как Иран. В Европе, вероятно, можно найти лишь две страны, внешняя политика которых движима гневом: Россия и Сербия. Конечно, это гнев не в его крайней форме, а более изощренный. Высказывается мнение, что обе страны отличаются в объективных интересах и политических азимутах, но их связывает (наряду с

религиозными, общеславянскими и историческими сентиментами) эмоциональное состояние в политике.

А что с международным терроризмом как проявлением гнева в международной политике? По мнению Слотердайка, международный терроризм в начале XXI века историчен. Он отрицает право на исторический смысл. Появившись, он столкнулся с чрезмерной реакцией, потому что отвечал на потребность Запада иметь врага, роль которого освободилась после окончания противостояния с коммунизмом на Востоке. Терроризм под знаменем ислама стал суррогатом врага. Исламизм, согласно этой оценке, не способен заменить коммунизм как «глобальное движение сопротивления».

XXI веку уготовано следовать в фарватере «универсального и многоликого эгоизма». Гнев, по словам Слотердайка, постепенно отступает под напором мизантропии, которую в специфической форме аморфного негативного чувства уже надо называть мизокосмом или мизизией — враждебностью миру или самому существованию. Так гнев нисходит до нуля, растворяясь в апатии. Все же пока гнев существует, он, согласно тезисам Слотердайка, выступает главной движущей силой экосистемы страстей. Однако как ядро умозрительной «парадигмы мести» гнев перестал существовать.

Преодоление гнева, нейтрализация коллективного гнева (несмотря на предположения Слотердайка, в это трудно поверить) стали бы хорошей новостью для мира и международной политики.

Современная геополитика эмоций

Какие эмоции определяют направление развития современного мира? Это не гнев, потому что, как отмечалось выше, гнев может функционировать сегодня только в рассеянной, диффузной форме.

Доминик Моизи утверждает: **страх, надежда и чувство унижения. Дело в том, что три этих чувства затрагивают проблему доверия**, а доверие решительно определяет наши эмоциональные отношения с миром. Страх — это отсутствие уверенности. Надежда — ее выражение. Унижение — ее нарушение. Уверенность определяет отношение к будущему, к грядущим трудностям и проблемам и, таким образом, отношение к другим. Нам нужны эти эмоции для здоровой, деятельной жизни. Международная политика должна способствовать их сбалансированности. **Баланс эмоций имеет определяющее значение для здоровья мира.**

Расширение прав и возможностей человека как участника международной политики выступает одним из важнейших факторов растущего значения эмоционального равновесия в мире.

Логика рассуждений, предлагаемая Моизи, такова: **вследствие глобализации мир заряжен эмоциями**. Без эмоций нельзя понять всю сложность мира, в котором мы живем. Глобализация в первую очередь породила неопределенность и отсутствие безопасности. Прежде всего речь идет о «шоке идентичности». Глобализация ставит вопрос о самобытности отдельных лиц, обществ и целых народов. А идентичность влияет на уровень доверия и чувство уверенности. **Свободное перемещение товаров, людей и идей приводит к свободному потоку эмоций, положительных и отрицательных.**

Эмоции превратились в могильщика геополитики.

Три основных эмоции — страх, надежда и чувство унижения — присутствуют всегда, но в различных соотношениях, в зависимости от места (континента, региона) и времени.

Может быть, мы не до конца понимаем **эмоции Востока, но сложно не согласиться с тезисом Моизи о том, что таковые связаны с надеждой.**

Моизи отождествляет эмоциональное состояние **унижения с миром ислама**. Однако унижение присутствует повсеместно. Оно может способствовать мобилизации. Но может также вывести из строя. Экономические успехи Японии и, позже, Южной Кореи нередко объясняют сильной мотивацией, возникшей из-за унижения Японии Америкой, а Кореи — Японией. Даже сегодня прогресс Китая мобилизует японцев. Стремление избежать унижения китайцами, как сообщается, это основной мотив антистагнационных усилий в японской экономике. Так унижение может укрепить инстинкты конкуренции. Но оно же иногда оборачивается отчаянием или желанием реванша.

Возможно, **чувство унижения остается самой недооцененной эмоцией в политике**. Человеку проще испытывать лишения и страдания, чем длительное чувство унижения.

Иногда говорят о **дипломатии жалости**. Дипломатия жалости — это использование в политических целях чувства вины, которое может испытывать одна страна из-за вреда, нанесенного другой. Именно так Моизи характеризует вектор политики Израиля в отношении Германии (Германия всегда больше склонна поддерживать Израиль, чем арабов). Точно так же арабы играют на чувстве вины бывших колониальных держав (Великобритании или Франции).

Моизи также утверждает, что эмоции цикличны. Длительность циклов зависит от культуры, политических событий, экономических процессов, событий в мире. Рекурсивные тенденции отличаются нерегулярностью.

Однако особое значение в сегодняшнем мире эмоций, похоже, имеет страх. В основном это относится к Западу. **Запад — общество страха**. В этом диагнозе Моизи не одинок. Запад как «общество страха» — уместная, хотя и поверхностная фраза. Тревога давно вписана в мышление европейских обществ. Также и в новейшей истории. Геополитический страх сопровождал Западную Европу на протяжении всей холодной войны. Таковой, однако, совершенно

несравним с природой сегодняшнего страха. То был реальный страх, вызванный количеством и разрушительной силой размещенных вооружений и вооруженных сил, военными доктринами и остротой политической конфронтации. Каждый крупный кризис холодной войны, Берлинский, Корейский или Кубинский, мог перерасти в ядерную войну или советское вторжение. Этот геостратегический страх Западной Европы был вполне конкретным и ощутимым. Внешняя политика Западной Европы в период холодной войны явно отмечена этим чувством. Страх поставил Западную Европу в зависимость от Америки и вызвал к жизни довольно характерный «американский невроз» в европейской политике.

Сегодня «европейский страх» больше, чем просто политический, он глубже, чем социальный. Можно сказать, это глубоко цивилизованный страх. Зигмунт Бауман писал, что **сегодняшний социальный страх на Западе имеет характер повышенной тревожности**. Это тревога, возникающая в результате ощущения опасности, смутного чувства незащищенности, восприятия мира как сонма угроз, которые могут поразить человека в любое время, отовсюду, без предупреждения. Это мир угроз, против которых нет надежных гарантий. Назовем ли мы угрозу терактом, аварией на АЭС или климатической катастрофой — не имеет значения. Западноевропейские общества приняли установку на беспомощность перед лицом потенциальной опасности и внесли ее в свой образ мыслей. Таким образом, **эта тревожность, своего рода производный страх, стала самоуправляемым механизмом**. Западные общества вступили в стадию углубляющейся депрессии. В частности, граждане не верят в укрепление гарантий против угроз. Их преследуют призраки опасности, невзирая на то, что в повседневной жизни нет и малейшей реальной угрозы. Так, неудивительно, что Германия отказывается от развития ядерной энергетики, несмотря на отсутствие серьезных ядерных инцидентов собственно в немецкой истории, а также на то, что с

Германией соседствуют страны, активно развивающие эту отрасль (например, Франция).

Нельзя исключать, что страх в западном сознании возникает из-за невроза, вызванного утратой чувства главенствующей роли в судьбах мира. **Маргинализация Запада может сама по себе выступать источником страха.** С этой точки зрения страх стал показателем кризиса. Запад боится, что потерял контроль над будущим.

Как уже отмечалось, страх — это эмоциональная реакция на восприятие (реальное или преувеличенное) надвигающейся опасности. Он вызывает оборонительный рефлекс, отражающий самобытность и «хрусткость» человека, культуры, цивилизации. Можно повторить вслед за Бауманом, что это ключ к анализу личности и общества: «Скажите, чего вы боитесь, и я скажу вам, кто вы». Однако у страха может быть и положительная сторона: он защищает от чрезмерной уверенности в себе, может быть источником надежды. В этом состоит большая задача европейского проекта — использовать страх перед будущим, усугубляемый нынешним финансовым кризисом или изменением климата, для становления надежды, необходимой для развития механизмов общей Европы.

В то же время Зигмунт Бауман усматривает связь между страхом и кончиной демократического идеала. Страх сокращает качественный разрыв между демократическими и недемократическими режимами, поскольку «страх подталкивает страны к нарушению их собственных моральных принципов, основанных на строгом соблюдении верховенства права».

Ничто не усиливает страх так, как невежество, — в этом утверждении содержится зерно истины. Ксенофобия как страх перед «другим» также есть следствие невежества. Бауман утверждает, что в знании содержится ответ и ключ к эмоциональному самоконтролю и, таким образом, преодолению негативных эмоций. Нельзя не согласиться

с тезисом о том, что мир и примирение возможны только между людьми, которые знают и понимают друг друга.

Многие ученые говорят, что глобализация высвечивает проблему идентичности, ее определения и эволюции. Бауман уже видел в этом стадию одержимости людей своей идентичностью. Одержимость только повышает значение эмоций, а эмоции — дополнительный элемент, усложняющий взгляд на мир. Мир по качеству и количеству становится все более сложным. Постичь его невозможно. Мир может быть или упрощен (посредством религий и их простых истин), или структурирован эмоционально. По этой причине возникает необходимость понять эмоции других культур. Эмоциональные границы стали по меньшей мере столь же важными, как и территориальные.

Этот новый цивилизационный страх европейцев по своему проявляется в международной политике. Конечно, политике свойственны глубинные слои и «древние страхи». На них, в частности, строится геополитическое мышление России или Китая, не говоря о малых странах, остро сознающих угрозу от своих более могущественных соседей.

Если искать признаки повышенной тревожности и страха во внешней политике европейских стран, то это неготовность к упреждающим действиям, отсутствие попыток заблаговременно принимать системные решения и неготовность к риску. Такая политика выражает своего рода покорность неизбежным катаклизмам, детерминированное ожидание «реальных проблем» (с подспудной надеждой, что большинства проблем удастся избежать, что они решатся сами собой или усилиями других). Критики общей политики ЕС обвиняют Союз в реактивности, то есть Евросоюз обычно реагирует, а не упреждает события, причем реагирует медленно и предсказуемым образом, вводя санкции или предоставляя помощь. Можно сказать, что именно так выглядит прагматизм под влиянием повышенной тревожности.

Горизонты эмпатии

Нет сомнений в том, что наиболее желательной эмоциональной формулой гармонии в международных отношениях и реализации великих идеалов, связанных с их пересозданием, была бы композиция положительных эмоций, основанная на эмпатии. Станет ли сочувствие источником эмоций для будущего?

Джереми Рифкин утверждает, что **в эмпатии заключена суть цивилизационного прогресса**. Эмпатия генетически закодирована в человеке. Последнее, впрочем, не исключает генетической же склонности к «агрессии, материализму, утилитаризму и эгоизму». Как и насилие или агрессия, эмпатия имеет свою генетическую основу — об этом говорилось выше. За эмпатию отвечают зеркальные нейроны. Это качество в человеке можно развивать. Кстати, те же нейроны приводятся в действие в процессе изучения иностранных языков, которое сгущает систему зеркальных нейронов.

Согласно Рифкину, **в настоящее время мы наблюдаем самый большой всплеск сопереживания, эмпатии за всю историю человечества**. Надо признать, что этот рост ограничивается главным образом материально благополучной прослойкой в обществах наиболее развитых стран, а также средним классом в развивающихся странах. **Катализатором эмпатии стал рост экономического благосостояния**, который позволил обществу достичь высокого уровня безопасности и перейти от стратегии «выживания» через период господства материалистических ценностей (обогащение, потребление) к периоду, в котором наибольшую важность для людей приобрело «качество жизни». **Процветание обеспечило людям безопасность и запас доверия** как по отношению к другим людям, обществам, так и по отношению к окружающей среде как таковой. Глобализация в то же время углубила разделение и расслоение обществ, что измеряется в соответствии с упомянутой жизненной философией (выживание — обогащение — качество жизни).

Эмпатия существовала в каждой культуре и на каждом этапе цивилизационного развития. В обществах «культуры выживания» она ограничивалась узким кругом — людьми, прежде всего связанными кровными узами, племенной принадлежностью, принадлежностью к общей касте или социальному слою. Развитие экономических возможностей и религиозной осведомленности позволило эмпатии перейти границы родства и распространиться на неопределенное множество лиц, связанных религиозной (христианской, исламской или иудаистской) принадлежностью. Идеологический фактор расширил пределы религиозного сопереживания до территориально обозначенного круга национальных сообществ. Однако за этими пределами с точки зрения эмпатии лежала «ничейная земля».

Современные общества, основанные на знаниях и стимулируемые индивидуализмом, демонстрируют беспрецедентный уровень эмпатии. Ибо если человек чувствует себя в безопасности в пределах собственной свободы, то он, естественно, проявляет больше понимания и доверия к другим. Незнакомцы, «чужие» более не воспринимаются как угроза.

В бедных (или первобытных) обществах основной приоритет — выживание, экономическая и физическая безопасность. Жизнь организована в иерархически-командных структурах: семейная жизнь управляется родовыми принципами, общественная жизнь характеризуется верховной ролью государства. К лицам вне семьи, клана или нации относятся по меньшей мере как к потенциальной угрозе.

Иногда переход от доиндустриальных обществ к обществам «качества жизни» оказывается насильственным и быстрым (ср. современным Китаем). В частности, происходит прорыв от материализма промышленных обществ к нематериальным ценностям общества, основанного на знаниях. Иллюзия того, что материальное благополучие дает ощущение свободы, исчезает. В обществе ищут нечто большее.

Путь эмпатии в истории человеческой цивилизации был крайне извилистым, хотя и линейным. Тезис об историческом зените эмпатии в современных обществах провоцирует вопрос о том, как объяснить, что эмпатия в постиндустриальных обществах сопровождается и другими социальными явлениями, отнюдь не связанными с добрыми эмоциями. Постиндустриальные общества часто называют обществами атомизированными, обществами исчезающих социальных связей. Институт брака становится все более хрупким. Все более широкое распространение приобретает формула «лоскутной семьи». Западный мир, видимо, вступает в эпоху «постсемьи». По крайней мере, в нескольких столицах Западной Европы одинокие граждане составляют значительную (даже более 50%) долю домохозяйств.

Индивидуализм, безразличие, эгоизм часто описывают сегодня социальные отношения в западных странах. Впечатляющая численность «друзей» в социальных сетях или подписчиков в твиттере при всей их важности имеет прежде всего статистическое значение. Роль этих цифр заключается главным образом в том, чтобы произвести впечатление на других.

Однако эмпатия, без сомнения, претерпевает рост. Ранее подвергавшиеся дискриминации группы — женщины, сообщество ЛГБТ, инвалиды, инакомыслящие — восстанавливают свое законное место в обществе. Уровень негативных чувств к другим странам падает.

Наблюдается общая тенденция — снижение негативных чувств. «Чужой» перестает быть угрозой. Это относится и к людям, существенно отличным от основного населения по обычаям, убеждениям и взглядам.

Эмпатическое сознание укрепляет социальные связи, способствует становлению доброй воли, позволяет наслаждаться общением с миром. Постепенно это распространяется и на способ оценки международных отношений. Политикам труднее пропагандировать негативные эмоции. Вспышки отрицательных чувств носят временный характер.

Развитие личной и гражданских свобод способствует расширению позитивных эмоций в международной политике.

Достаточно ли значителен рост эмпатии, чтобы это позволило пересмотреть всю историю цивилизации в ее политическом и международном измерениях? Можно ли начать писать человеческую историю заново, оценивая события через призму иерархии ценностей, построенной вокруг парадигмы сопереживания? Возможно ли это вместо того, чтобы продолжать постигать историю как повествование о могуществе и богатстве, включая, в частности, повесть о патологических аспектах могущества (войны, завоевания)? Различим ли мы в истории гегелевские «пустые страницы» (периоды социального счастья, гармонии, мира)?

Некоторые историки считают, будто на заре истории человечество пережило один из самых счастливых периодов «пустых страниц». Рифкин отмечает, что на протяжении 93% своего исторического времени люди как биологический вид жили в согласии и без войн, в племенных группах численностью от 30 до 150 человек, занимаясь охотой и собирательством. Агрессия и насилие сводились к сохранению контроля над охотничьими угодьями, когда через них проходили иноземные племена, а также к отбору мужчин. Даже после перехода на оседлое сельское хозяйство в эпоху неолита люди жили относительно мирно. Это подтверждается отсутствием руин крепостей и фортификаций, оружия и следов насилия. Идиллическая эпоха была нарушена около 4400 года до нашей эры прибытием воинственных кочевников с Востока. Как сообщается, именно «курганы» первыми потревожили раннюю европейскую идиллию. Одомашнивание скота и животноводство покончили с ней необратимо. Появилась собственность. Там, где на карту поставлено право собственности, возникают конкуренция и насилие. Следует, однако, помнить, что на раннем этапе человечества людей объединяли общие опасности: природа и угроза существованию (хищные звери, нехватка пищи и др.).

Свитальский П. Гражданин и мировая политика. Цикл лекций. —

Рига: Школа гражданского просвещения, 2022. — Серия «Своевременная мысль».

«Пустые страницы истории» показывают, что изменить парадигму — дело непростое. Драматические изменения в истории пребудут составляющими национальной самобытности. Их невозможно стереть и переосмыслить. Конечно, есть возможность поставить нравственно правильные вопросы: должна ли коллективная память быть отмечена войнами, страданиями, кризисами, актами жестокости и насилия? Не должна ли она, напротив, определяться актами солидарности, поддержки, щедрости и альтруизма? Но это демагогические вопросы. Потому что трагические и драматические события всегда останутся якорем в коллективной памяти. Такова их природа. В том числе и сегодня.

Другой вопрос: может ли поступательное развитие эмпатии привести к пересмотру взглядов на элементарные политические и правовые концепции, такие как свобода, независимость и суверенитет? Согласно Рифкину, свобода была господствующей концепцией века Просвещения. Тогда свободу понимали как автономию по отношению к воле других, как состояние независимости от воли других. Свобода была правом распоряжаться собственным трудом и его плодами, правом владения. Суверенный выбор стал сутью демократии. Право преследовать собственные интересы — движущей силой экономической системы. Сочувствие делает свободу средством оптимизации личного потенциала и вступления в эмоциональные отношения с другими. То же относится к взаимоотношениям между группами. Национальный аспект этого явления подразумевает, что при вступлении в международные отношения необходимо соблюдать суверенитет сторон, и с этим трудно поспорить. Еще несколько десятилетий назад предполагалось, что подлинный суверенитет связан со способностью самостоятельно удовлетворять свои потребности, с самодостаточностью и даже с автаркией. Сегодня такие воззрения вызывают смех. **Свобода реализуется посредством вхождения в сеть зависимостей!**

Сочувствие также меняет наше восприятие справедливости. Эмпатия способствует примирению. Она делает неприемлемой месть. В последние годы в международных отношениях развивается новая практика, которая убеждает нас в необходимости примирения, наполненного сочувствием. После Второй мировой войны Европа вступила на исторически беспрецедентный путь примирения между нациями. Франция и Германия, Германия и Польша, Польша и Украина — это наиболее известные примеры. Примирение стало политическим термином. В последние годы эта практика была распространена в международном масштабе. Комиссии по установлению истины и примирению были созданы в Южной Африке, Ирландии, Аргентине и на Тиморе-Лешти. Примирение стало инструментом ресоциализации. Термин «восстановительное правосудие» введен в образовательную политику пенитенциарных учреждений по крайней мере в нескольких странах. Суть этого понятия заключается в стимулировании эмпатического осознания у лица, совершившего преступление.

Другой аспект — это влияние эмпатии: она изменила стратегическую роль информации. Информация более не достояние привилегированных лиц, обладание которым дает преимущества. Принцип, согласно которому «информация дает власть и влияние», утратил силу. Сочувствие делает источником власти и влияния «обмен информацией». Это еще один фактор интернета. Иногда, конечно, до гипертрофированных пределов. Секретная дипломатическая информация, ставшая достоянием гласности в результате скандала *WikiLeaks*, отнюдь не выявила против некоторых ожиданий безнравственного заговора одних государств против других и циничной игры, способной скомпрометировать власть перед обществом. Скорее, скандал показал, что в политике государств есть области информации и оценки, которые должны оставаться конфиденциальными. Требование прозрачности во внешней политике представляет собой законное требование, но до известных

пределов. Следует добавить, что скандал с антиисламским видео 2012 г. дал понять, в какой степени широкое и беспрепятственное распространение информации может дестабилизировать политические процессы. Но есть и весьма обнадеживающие примеры — достаточно упомянуть феномен *Linux*, распространение бесплатного программного обеспечения во имя всеобщей выгоды.

Эпоха массовых коммуникаций, особенно телевидения, породила феномен «парасоциальных» отношений. Миллионы или даже миллиарды людей сидят перед телевизорами, наблюдая за одним и тем же событием (похороны принцессы Дианы, свадьба принца Уильяма или принцессы Швеции и др.). Интернет-революция превратила парасоциальные отношения в отношения между сверстниками или людьми, близкими по интересам или пристрастиям. Отношения «сплющились», приобрели открытый, кооперативный и поистине субъективный характер. «Мир по-настоящему стал сценой, а каждый — актером». Парасоциальные отношения порождают «параполитическое» поведение (деятельность). Лучший пример — «анонимное» движение против Международного торгового соглашения по борьбе с контрафактом (АСТА).

Самым важным представляется для нас тот факт, что интернет-революция укрепила глобальное сознание. Интернет «подталкивает молодое поколение к космополитизму и всеобщей эмпатической чувствительности». Темная сторона этого процесса — распространение нарциссических установок, интернет-вуайеризма. Точно так же, как понятие «социальной» сети присуще эпохе интернета, так и феномен виртуальных параллельных обществ — это зеркальное негативное отражение сети. Члены этих обществ действуют в «стойлах» и «эхокамерах», не имея ни малейшего намерения вступать в беседу с оппонентами. Интернет дал человеку трибуну, укрепив свободу слова, но также создал почву для человеконенавистнических высказываний. Сеть дала возможность свободного и демократического выбора

и в то же время облегчила публичное излияние бредней и проведение антилиберальных манипуляций.

Без сети Интернет никогда бы не возник «мир человеческих личностей». Интернет превратился в средство совместного созидания мира. Во всяком случае, последний тезис можно отнести к Всемирной сети в большей степени, чем к дешевому транспорту или безвизовому перемещению между странами. Именно интернет вывел отдельную личность на арену мировой политики. Мир уже долгое время был театром, но в XX веке большинство людей оставались лишь зрителями всемирного действия: сегодня зрительный зал выходит на подмостки.

Эмпатия также содействует распространению космополитизма. Городская, этнически и культурно разнообразная среда строит «культуру гостеприимства», а космополитизм перестал быть идеологией элиты. Он растет снизу на основе социальных контактов в межкультурной среде. Так, уместно говорить об «органическом космополитизме».

То, как социальные и личностные последствия эмпатии проявляются в политике, особенно в международной политике, очевидно, заслуживает пристального внимания. Несомненным результатом выступает растущее чувство солидарности в международной политике, помощь в целях развития, рассматриваемая как элементарный рефлекс, а не как требование политкорректности, естественный рефлекс оказать помощь в ситуациях стихийного бедствия и других кризисов, поражающих даже отдаленные страны. Сочувственное отношение к гуманитарной интервенции выходит за пределы международных правозащитных механизмов и институтов правосудия. Последствия роста эмпатии могут быть стратегическими: сочувствие в международных отношениях проявляется и в том, что оно будет иметь все более «коллективный» характер. Расширение международных организаций, увеличение числа международных соглашений в этом свете обладают системным значением. Сопереживание может изменить парадигму международной

политики как таковой — участие в обсуждении мировых дел станет самоценным. Такая беседа ведется не о прибыли, власти и влиянии; речь идет об утверждении акта принадлежности к более широкому сообществу — региональному, ценностному и глобальному.

Сегодня благодаря воспитанию в духе эмпатии в наших повседневных контактах и отношениях мы все чаще стремимся не к владению, а к соучастию, к праву доступа. Мы хотим не «торговать» собственностью, а изобретать формулы «участия» и «принадлежности». Возможно, в этом состоит рецепт понимания международных отношений и расширяющейся сферы общественных благ: **вместо торговли ресурсами и защиты «нашей части» общественных благ лучше обеспечить всеобщий, справедливый, но сбалансированный доступ к ресурсам (воде, сырью, технологиям и т.д.)**. Таким образом, питаемый эмпатией неиерархичный, основанный на сотрудничестве мир мог бы стать реальной моделью будущего.

Сила эмпатии и привлекательность « сетевого мира » настолько велики, что часто служат неистощимым соблазном. Так что пришло время для отрезвляющих комментариев. Похоже, рост эмпатии — не единственный симптом эмоциональной трансформации современного человека и общества. Сочувствие и его бесспорный рост в западных обществах — это часть более широкого явления. Возможно, его следует охарактеризовать как энтропию эмоций. Эмоции становятся все более и более рассеянными. Их насыщенность уменьшается. Отсутствие резко отрицательных эмоций сопровождается снижением интенсивности положительных эмоций. Энтропия эмоций означает, что мы терпимее относимся к пестроте окружающей среды и сами стремимся стать центром позитивных чувств. Последнее не снижает важности вывода о том, что сочувствие и терпимость — это уже гигантские достижения в наших отношениях с другими. Это ключ к фундаментальной реконструкции племенной парадигмы в международных

отношениях. Растущая эмпатия на наших глазах способствует слому порядка, основанного на двойственности стандартов в отношениях между государствами, с одной стороны, и внутри стран — с другой.

Политика все больше увязывается с процессом порождения и накопления положительных эмоций. Всякая долгосрочная политическая стратегия сегодня ориентирована на построение капитала социального доверия. Доверие в обществе имеет ключевое значение для всех, и в частности, для развивающихся стран. Как мы уже знаем из ссылок на аргументы Моизи, современные эмоции затрагивают в первую очередь проблему доверия. Эффективная политика должна вселять надежду. В противном случае общество отвернется от политики.

Последнее касается и международной политики. **Политика, которая обращена к страху или гневу, не может стать источником доверия. Мир, особенно при таких темпах развития, как сегодня, должен следовать в фарватере положительных эмоций.** Это не означает, однако, что сегодня среди политиков, формирующих «международный климат», нет личностей со «старой эмоциональной структурой». Мы знаем, что нужно учитывать их особенности. Роль эмоционального профилирования в международной политике растет. Создание эмоционального портрета собеседника выступает постоянным элементом подготовки к встречам и переговорам на международном уровне.

В целом эмоции в политике никогда не проявляются напрямую. Они проходят большой путь, формируя идентичность политического класса и государственных деятелей. Поэтому концепция экзистенциального кода, самобытности поколений и национального мышления в большей степени подходит для анализа политического курса государства.

В целом подъем социальных эмоций представляется очевидным. Государство сталкивается с растущими проблемами в области контроля и формирования эмоций

граждан, в частности, в отношении внешнего мира. Некогда государство указывало гражданину, кого ненавидеть, кого бояться, а кого любить. Сегодня воздействие государства на человека гораздо слабее. Эмоциональный суверенитет гражданина оказывает дополнительное давление на существующую модель международных отношений. Таковые по-прежнему основаны на морально нейтральной и эмоционально стерильной концепции интересов. Но рост положительных эмоций (в частности, эмпатии) делает традиционную модель громоздкой с точки зрения претворения новой позитивной энергии, порождаемой гражданами, в общее благо.

Примат ценностей

Как и перед наступлением века Просвещения и возникновением капитализма, мы становимся свидетелями новой смены парадигмы. Так же как интересы некогда пришли на смену страстям, сегодня интересы замещаются ценностями.

Импульсивную реакцию на финансовый кризис 2008–2009 годов можно трактовать как одно из многочисленных доказательств этого явления. Многие признанные экономисты и политики тогда говорили о моральном банкротстве существующей модели капитализма. Пузыри фондового рынка породили резкое неприятие вырождающейся системы, связанной с так называемым капитализмом казино. Капитализм, понимаемый как бесстрастное стремление к защите своих интересов, как столкновение и гармонизация интересов посредством конкуренции и рыночных механизмов, утратил свою привлекательность. Кризис в конце концов дискредитировал веру в то, что нажива — это хорошо, то есть нивелировал понятие, которое изначально было основой парадигматического превращения страстей в интересы.

Мы знаем, что интересы отличаются от страстей в основном по форме. В чем состоят интересы? Они суть не что

иное, как желания, заботы и страхи, на которых мы строим свои взгляды и позиции. Понимая интересы, нам легче примирить свои желания с желаниями других.

Введение категории интересов в качестве главной парадигмы международных отношений имело практическое обоснование. Переговоры об уровне интересов позволяли быстрее, чем разговор с позиции прав или иерархии, примирить стороны в споре. А гармонизация интересов путем переговоров представлялась наилучшим способом построения отношений и становления доверия.

Проблема с ценностями состоит в том, что, подобно интересам, они вырастают из субъективных потребностей. Однако они более устойчивы. Но и обладают меньшей гибкостью. Ценности сложно или невозможно «приспособить» к неким обстоятельствам. Как правило, ценности не могут служить предметом для переговоров. Следовательно, невозможно вести переговоры на основании ценностей, если стороны придерживаются разных канонов.

Моральный вывод, который звучит сегодня весьма убедительно, состоит в том, что социальное и цивилизационное развитие, основанное на стремлении к интересам (индивидуальным или групповым), достигло своих пределов. Прогресс должен заключаться в следовании ценностям, которые лежат в основе нашей цивилизации, и в предпосылке самореализации людей и обществ. Концепция интересов и погоня за интересами должны отойти в тень. Последнее относится и к международной политике.

В современной международной политике понятие ценностей как мотив в действиях государств появилось на рубеже прошлого века. Возвышение ценностей связано с развитием международного права. Первая мировая война натолкнула человека на моральные размышления, которые заставили искать основы мира в признании прав меньшинств, самоопределении народов и идеях справедливости как способа урегулирования споров. Вудро Вильсон

в полной мере олицетворял идеализм международной политики, основанной на ценностях. Мир подошел (по крайней мере, в плане политического дискурса) к точке, в которой свержение Вестфальской системы международной политики, основанной на интересах, было действительно возможно.

Еще более мощный поток идеализма, сосредоточенный вокруг идеи мира как высшей ценности, относится к периоду окончания Второй мировой войны. Вскоре, однако, он был задушен геополитическими расчетами.

Реалисты одержали верх.

Для Запада ценности стали важным аргументом в эпоху противостояния коммунизму. Свобода стала из них наивысшей. Идеологическая война была спором о ценностях. С конца 1970-х годов фактор ценностей проложил путь в международную политику через концепцию прав человека. **Казалось, что с падением коммунизма в Европе должно появиться универсальное сообщество ценностей, основанное на западном понимании демократии, социальной справедливости и рыночной экономики.**

Однако перед миром встала «китайская проблема». Изначально, несмотря на шок от трагедии на площади Тяньаньмэнь, на Западе предпринимались попытки проводить в отношении Китая политику, заданную компасом ценностей. Победа над советским коммунизмом воспринималась как доказательство исторической действительности и эффективности западной системы ценностей. Отвратительные компромиссы, на которые Западу иногда приходилось идти с СССР, отказываясь от ценностей во имя интересов, ретроспективно приобрели дурной оттенок. *Realpolitik* как дипломатия сделок подверглась порицанию.

В начале 1990-х годов Запад, и прежде всего США, занял стратегически выжидательную позицию в отношении коммунистического Китая. Считалось, что искушение найти компромисс между фактором ценностей и фактором реальных интересов надлежит отвергнуть. Запад должен был

придерживаться своих принципов, а последовательность его политики в конечном итоге обеспечила бы конечную цель — соединение Китая с Западом мостом ценностей. Поэтому необходимо было поддерживать развитие рыночной экономики в Китае, содействовать торговым контактам, способствовать включению Китая в международные сети и организации (ВТО) в надежде, что демократические реформы произойдут сами по себе. Разрыв в сфере ценностей будет неизбежно восполнен. Оказалось, однако, что желаемых внутренних изменений в Китае не произошло. В Китае рос капитализм, но в политике и идеологии коммунизм держался прочно. Выжидательная политика не возымела действия. В «китайской политике» Запада возникла необходимость вывести формулу сочетания интересов с ценностями.

В то же время Запад искусно уклонялся от диспутов о сосуществовании ценностей, и в особенности от споров о превосходстве так называемых западных ценностей над азиатскими.

В «постмодернистском» мире люди в большей степени склонны воспринимать эффективность государственной политики, в том числе международной, через призму собственного благополучия и удовлетворенности, чем с точки зрения национального благополучия и степени удовлетворенности амбиций государства (престиж в мире и т.д.). Социологи говорят, что в развитых странах, достигших определенного уровня материальной обеспеченности, **человеческая личность начинает ценить реализацию своих ценностей и символических интересов больше, чем умножение материальных благ и реализацию физических интересов.** Это относится, в частности, к тому, как мы воспринимаем отношения с внешним миром. Теперь мы не смотрим на мир только через призму собственных экономических интересов. То есть такой «базовый интерес», как

перспектива хорошего рабочего места, казалось бы, уступает место интересам защиты идентичности сообщества (но сообщества, которое шире семьи).

Глобализация вызывает политический и психологический стресс, который невозможно снять в парадигме интересов. Люди главным образом озабочены вопросами идентичности.

Идентичность, в свою очередь, формируется ценностями.

Как выяснилось, в постиндустриальных обществах страх перед глобализацией в последние годы происходит не столько из страха потерять работу, утратить привычный уровень благосостояния, сколько из страха утраты культурной идентичности общества, сталкивающегося с большим числом иммигрантов, приток которых только усилился в результате глобализации. Такие концепции, как (европейская) интеграция и свободная торговля (торговля в Северной и Южной Америке), которые представляются ключевыми для международной политики, оцениваются общественным мнением в развитых странах не столько с точки зрения экономических интересов человека, сколько их влияния на культурную самобытность общества. Интересно, что для психологического комфорта гражданина самым важным обстоятельством называют уверенность в эффективности деятельности государства по защите личности.

Какие ценности определяют отношение к глобализации? Эмпирически подтвержденный ответ прост: национализм, этатизм и элитарность мешают нам принять изменения, вызванные глобализацией. Интернационализм, подразумеваемый как поддержка широкого и интенсивного международного сотрудничества, способствует открытости процессам глобализации. Но даже интернационалисты не склонны слишком доверять международным органам, институтам и форумам. Поэтому международные учреждения, умаляющие способность государств сохранять

собственную политическую и культурную самобытность, рассматриваются как угроза.

Существенно то, что хотя парадигма интересов по-прежнему популярна при политическом обосновании курса внешней политики, она используется только для «потребления внутри страны», для собственных граждан. Тот же курс внешней политики на международной арене должен быть оправдан с использованием других парадигм, прежде всего парадигм ценностей.

Неудивительно, что стратегические выступления министров иностранных дел многих стран в национальных парламентах начинаются с попыток определить государственную необходимость, национальные цели и национальные интересы. Те же министры, говоря *о тех же вещах* на глобальных форумах, ссылаются на ценности.

На международных форумах интересы «хуже продаются». Интересам присуща специфика. Сегодня даже понятие «общих интересов» и «взаимных интересов» встречается в политических дискуссиях на международных форумах реже, чем раньше.

Европейский союз часто определяют как проводника ценностей в международной политике. В последнее десятилетие на фоне растущих споров об идентичности Европейского союза как глобального субъекта концепция построения этой идентичности вокруг идеи ценностей (в частности, нормативных и идеологических ценностей) приобрела множество сторонников. Идея идентичности, понимаемая таким образом, стала ассоциироваться с Европейским союзом как новым типом политической власти, основанной не на идее преследования национальных интересов, а на их трансцендентности. Союз должен был стать нормативным органом, который будет стремиться привносить нормы, ценности и принципы в международную политику. Поэтому Союз должен был стать политическим образцовым новым типом.

Эта концепция рационально сочетает роль Европейского союза с традиционной ролью государств-членов, разъединяя, так сказать, две функции: государства-члены, в принципе, продолжают классическую политику, движимую национальными интересами, а Европейский союз заполняет политическое пространство дискурсом о ценностях, разделяемых государствами-членами. Такое согласование ролей способствует укреплению самого Союза как сообщества ценностей.

Обычно в рамках экспертного анализа перечень ценностей, которые **Союз отстаивает на международном уровне, включает верховенство права, демократию и права человека, рыночную экономику, социальную солидарность, заботу об окружающей среде и устойчивое развитие, терпимость и культурное разнообразие.**

Проблема, конечно, в том, что все эти ценности универсальны. Принятие их в качестве региональных или европейских «понятий» не служит их универсализации и даже подрывает аргументы в пользу их универсальности. Сторонники так называемых азиатских коллективистских ценностей сразу же получают решительный аргумент в поддержку своего довода о необходимости уважать «региональные ценности» и об отсутствии универсальной модели демократии или прав человека.

Ведь дело не в том, что китайские или другие азиатские политики и теоретики ограничиваются критикой так называемых западных ценностей, ничего не предлагая взамен. Збигнев Бжезинский в одной из книг приводит образец альтернативного канона (китайских) ценностей. Концепция гармонии — это ее основа и венец. Она дополняется такими ценностями, как справедливость, взаимная выгода и совместное развитие.

Так или иначе, даже если концепция нормативной власти опережает свое время, у нее, похоже, есть будущее. Сегодня правительства по-прежнему пытаются обеспечить гражданам благоприятные условия для проживания.

Поэтому они вынуждены руководствоваться интересами, связанными с занятостью населения и его благополучием. Политическое лоббирование экономических интересов — главная задача большинства дипломатических служб стран мира. Иногда давление экономики настолько велико, что ценности отходят на второй план. В глобальной конкуренции (скажем, в области торговли оружием) первостепенное значение имеет эффективность, а принципы заметно тускнеют.

Мир не раз становился свидетелем международных коррупционных скандалов. Представители компаний, которые приезжают из стран, задающих тон в борьбе с коррупцией, компаний, которые никогда не позволили бы себе ни малейшего отклонения от стандартов прозрачности на внутреннем рынке, применяют практику взяточничества в отношениях с представителями стран, где коррупция — это привычное явление (например, скандал, связанный с организацией представителями компании *Alstom* огромной взятки чиновнику в правительстве Замбии в 2002 г.). Это, так сказать, мера ущерба, сопутствующего острой необходимости заботиться об экономических интересах.

Очевидно, что до тех пор, пока универсальные ценности не пользуются уважением во множестве стран, где отсутствует демократия, верховенство права и рыночная экономика, с ценностями должны сосуществовать интересы. **Ценности, по мнению Артура Шлезингера, включая моральные ценности, не альтернативны интересам, а служат инструментом «воздействия и контроля над национальными интересами».** Попытка абсолютизировать ценности приводит к фанатизму, абсолютизму и нетерпимости. Благодаря концепции интересов мы понимаем, что другие страны могут иметь различные ценности, традиции, обычаи, права и обязанности. Много лет назад Ричард Нибур предостерег от предположения, будто разум способен всегда разрешить конфликт между ценностями и интересами.

Свитальский П. Гражданин и мировая политика. Цикл лекций. —

Рига: Школа гражданского просвещения, 2022. — Серия «Своевременная мысль».

Но каким будет мир, достигший общего знаменателя ценностей? Он вовсе не обязательно изменится. Об этом, в частности, говорят участники мучительных переговоров по поводу долгосрочных финансовых перспектив Европейского союза. Временные краткосрочные интересы доминируют над долгосрочным стратегическим планированием, обычно связанным с ценностями. Это верная картина реальности, хотя она, возможно, и вводит в заблуждение. Остаются вопросы, ориентированные на будущее: может ли фактор ценностей в международной политике действовать и внутри стран, разделяющих одни и те же ценности? Будут ли споры между государствами разрешаться не с позиций могущества, хитрости, политической эффективности, а на основе фундаментальных ценностей — истины, доброты, справедливости и миролюбия?

Появление общего канона ценностей в мировой политике лишь повысило бы роль морального фактора и ограничило цинизм, навязываемый парадигмой интересов. Вхождение гражданина в мировую политику способствует сосредоточению политики на глобальных проблемах, таких как изменение климата, защита окружающей среды, миграция и борьба с пандемиями. Вследствие этого фактор ценностей только усиливается.

ЛЕКЦИЯ III

ПРАВСТВЕННОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Каждому человеку присущ некий моральный компас. Если спросить об основаниях мира случайного прохожего, то он, вероятнее всего, ответит, что мир должен строиться на честности, доброте и справедливости, иными словами, на прочных нравственных устоях.

Но обоснованны ли рассуждения о морали в международных отношениях? Почему область международных отношений так часто отождествляют с отсутствием моральных суждений?

Скепсис здесь вполне оправдан. Прежде всего потому, что моральные нормы и суждения приписываются людям, а главное измерение международных отношений создают институциональные образования: государства, международные организации. Государство наблюдает за реализацией своих интересов: безопасности, суверенитета, благополучия нации, но эти интересы сами по себе, по мнению представителей реалистических школ международной политики, не содержат никакого морального подтекста. Другими словами, например, такие статьи, как государственная безопасность и благосостояние нации, не подлежат моральной оценке. Следовательно, ни одно правительство не нуждается в «моральной легитимности» для достижения своих целей.

А в процессе выполнения поставленных задач государство вовсе не спешит сверяться с моральным компасом граждан.

Эти тезисы реалистической школы, однако, все чаще подвергаются критике. Идею неприменимости моральных суждений к действиям государства ставят под сомнение не только «моралисты». Критики реалистического подхода утверждают, что интересы и права государства не могут

быть отделены от интересов и прав общества, из которого исходит их легитимность; она, в свою очередь, должна быть подчинена моральной оценке.

Сложность этической оценки политики происходит и из того, что этика международной политики для достижения эффективности должна основываться на универсальных или универсально признанных ценностях. Тем временем до сегодняшнего дня каждое государство самостоятельно определяет свои нравственные ценности, не будучи движимо универсалистскими мотивами. Ценности воспринимаются как составляющая часть национальной идентичности.

В каждой стране внутреннее законодательство основывается на социально приемлемом моральном кодексе. Оно отражает каталог ценностей большинства общества. Меньшинство, даже если оно придерживается иных нравственных убеждений по религиозным или идеологическим соображениям, уважает и применяет господствующую нравственную систему, воплощенную в действующем законодательстве. Например, люди могут следовать различным моральным установкам в отношении вопроса защиты права на жизнь, что отражено в их взглядах на аборт, эвтаназию или смертную казнь. Однако в государстве доминирующая в обществе моральная доктрина определяет общеприменимую форму правовых решений по этим вопросам.

В отношениях между государствами правовые решения не всегда обусловлены господствующими моральными ценностями. Последнее относится и к отношениям внутри группы западных государств, придерживающихся универсалистской философии нравственного порядка. Так, страны ЕС могут агитировать за отмену смертной казни, рассматривать казни как признак дефицита нравственности, прибегать к аргументам, основанным на моральных суждениях, но они не могут навязывать юридические решения другим странам, в том числе принадлежащим к общей «западной семье», таким как США или Япония.

Стэнли Гофман отметил, что любая моральная доктрина открыто или тайно стремится стать универсалистской. **Распространение того или иного учения как единственно верного может, однако, вылиться в имперское высокомерие или быть воспринято как попытка иностранного политического влияния под видом морализаторства.** В этом и состоит проблема так называемой политики ценностей в современных международных отношениях.

Ключевой вопрос относительно степени доверия к политике, основанной на ценностях: **ведет ли растущая глобализация к универсализации морального кодекса?** Космополиты, безусловно, ответят утвердительно. Дело не столько в том, что глобализация порождает достаточно сильную культурную конвергенцию для выведения общего морального знаменателя. Если культурное разнообразие в отдельных странах не ослабляет моральную сплоченность (а эмпирические данные показывают, что нет), то моральная сплоченность различных культур (религий и т.д.) должна возрасти. В конечном счете все религии и культуры единоклюбы в таких основополагающих вопросах, как осуждение насилия. **Фактически сегодня никто в ООН не пытается оправдать различия в политических позициях разницей между этическими кодексами. Различия касаются не столько сути этических положений, сколько толкования конкретных вопросов (понимания принципа суверенитета, гуманитарного вмешательства, модели семьи, положения женщин, прав лиц с различной сексуальной ориентацией, абортов, эвтаназии и т.д.).**

Еще одним фактором, осложняющим нравственные суждения в мировом масштабе, выступает их чувствительность к исторической эволюции. Территориальные завоевания, которые когда-то считались законным итогом войны, трофеями, даже если победившие державы не имели никаких этнических, исторических или династических прав на захваченные земли, сегодня не найдут морального одобрения. Аналогичным образом переселение или даже

так называемый обмен населением — когда-то вполне нормальное явление в мирных договорах — в настоящее время вызывают, как правило, серьезные моральные сомнения.

Международные отношения также отражают присущую человеку слабость — склонность к нравственному релятивизму. Правительства, как правило, более строго оценивают явления и события, происходящие в других странах, по сравнению с аналогичными явлениями, происходящими в их собственных странах. Политику враждебных правительств они оценивают более строго, чем поведение дружественных стран. Такова политика «двойных стандартов».

Иными словами, даже если действия государств на международной арене могут и должны подвергаться моральной оценке, это всегда будет оценка с местной, национальной или общинной точки зрения, а также оценка, подлежащая историческому истолкованию. Как отметил Джордж Кеннан, **в международных отношениях нет четко кодифицированных норм морали**, и это не должно восприниматься как неожиданность. Тем не менее существуют документы, которые косвенно могли бы или должны были выполнять эту роль, такие как пакт Бриана — Келлога или Всеобщая декларация прав человека. Однако на сегодняшний день не существует общепризнанного морального кодекса поведения государств на международной арене. Реальной ссылкой при оценке поведения государств остаются только правовые нормы и стандарты. Это естественный ход вещей, потому что международное право обладает природой постулативной и императивной. Нормы международного права отражают желаемый идеал поведения. И этот идеал может отражать этические нормы, но он им не тождественен.

Международные отношения всегда регулировались нормами международного права, а не моральными нормами. В лучшем случае международная политика могла быть морально нейтральной. Однако проблема глубже, по крайней мере с точки зрения имиджа: политика (и международная

политика в частности) несет печать аморальности. Считается, что международная политика полна лжи, обмана общественного мнения и цинизма. Главы государств санкционируют незаконные операции, похищают секреты других государств, замышляют враждебные действия и даже намеренно развязывают конфликты или войны, принося страдания мирным жителям. В более мягкой форме критические стрелы направлены против игнорирования интересов простых граждан, партикуляризма и лицемерия. Эти общие тезисы почти не терпят релятивистского отношения. Без устранения «печати аморальности» сегодня нельзя завоевать доверие к международным институтам и международной политике.

Указанная стигматизация также выступает основой для дихотомии составных частей политики, ее разделения на ценности и интересы. Ценности призваны быть моральными, а интересы иногда как раз противоположны морали. Но это разделение вводит в заблуждение. Политика, основанная на ценностях, не всегда была синонимична морали. Схожим образом реалистичные концепции политики, подчиненной интересам, сами по себе не ставят под сомнение их моральный аспект.

Парадигма интересов подталкивает к утилитарному пониманию морального фактора в международных отношениях: согласно такому взгляду на вещи, максимальное увеличение выгоды и предельное сокращение потерь и издержек само по себе морально. Тем временем внутренняя политика в странах мира все больше отражает категорический императив Канта. Растущий разрыв между состоянием общества и внешними сношениями делает международную политику все более «межплеменной». Со временем граждане Земли неизбежно станут воспринимать такое положение дел как все более непоследовательное и попросту шизофреническое.

Так каково неоспоримое место морального фактора? Общее мнение заключается в том, что мораль в политике

соотносится не с целями, а со средствами их достижения. Это не совсем так. Цели могут (и должны) подвергаться моральной оценке. Международная политика сегодня оперирует сложной концепцией целей. Они включают материальные цели (экономические контракты, политические соглашения и т.д.), но также более эфемерные цели, связанные с формированием международной среды, благоприятствующей собственной политике («цели среды» — *milieu goals*). Последние, по все более распространенному мнению, должны основываться на некоем понимании добра и зла.

Как уже упоминалось, даже реалисты не ставят под сомнение смысл существования морали. Но моральный фактор они считают второстепенным. Желательным, но нереалистичным. В крайней форме, то есть согласно взглядам Макиавелли или Вебера, моральный фактор считался либо бесполезным в политике вообще, либо невозможным для применения (ввиду анархичности строя) в международной политике. Сегодня в более мягкой форме моральный фактор учитывается реалистами как постулат умеренности в политике или выбор наименьшего зла.

Восприятие морали как некумулятивной ценности содер­жит распространенный стереотип. Фактически в доктринальном слое моральный кодекс укреплялся на протяжении столетий. Стэнли Гофман выделяет три пройденных этапа. Первым импульсом к развитию нравственной чувствительности стало христианское понятие справедливой войны. Оно основывалось на убеждении, что зло в мире неизбежно, но христианский долг в политике — ограничивать, пресекать и бороться со злом. Именно так родился сложный кодекс ведения войны, который дало миру христианское сообщество наций. Еще один импульс произошел от либеральной концепции естественных прав. Он разделился на два потока: естественные и утилитарные права, причем оба породили ориентированное в будущее видение нравственного порядка в политике. Третий импульс связан

с марксистским (и его пост- и неомарксистским продолжением) видением бесклассового и безгосударственного общества.

Так или иначе, вне зависимости от доктринального развития невооруженным глазом видно, что на протяжении веков мораль пробивала себе путь в международных отношениях. Это проявлялось, в частности, в развитии международного права (например, принципов ведения войны). Прежде всего нравственность прокладывала себе путь в виде кодексов и моделей добросовестного поведения.

Иногда внешняя политика стремилась облачиться в одежды морали. Так бывало всегда, если в революционной эйфории государство бросало вызов господствующим доктринам международной политики. Фундаментальную реконструкцию международной политики в Европе постулировала Французская революция, и Франция пыталась изменить ее под республиканскими лозунгами. Впрочем, революция вскоре стала непоследовательной и обернулась собственным отрицанием. Большевики бросили вызов системе международных отношений под еще более сильными моральными лозунгами и столь же быстро явили лицемерие собственной политики.

Последовательные моральные императивы нашли отражение в международных правовых и политических обязательных нормах. В конце концов первым универсалистским и систематическим воплощением этих императивов стал Устав ООН. Устав содержит идею о том, что в своем сотрудничестве государства руководствуются этическими целями.

Цели этого сотрудничества определены как спасение будущих поколений от бедствий войны, восстановление веры в основные права человека и равенство народов, поддержание справедливости и соблюдение обязательств по международному праву, а также содействие социальному прогрессу и улучшение условий жизни в условиях большей свободы. На уровне методов и механизмов сотрудничества

основное внимание в Уставе уделяется вопросам предотвращения вооруженных конфликтов. Этого, однако, недостаточно для создания морального образца поведения государства.

Самой смелой попыткой развить идею принципов межгосударственного сотрудничества стала Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, принятая 24 октября 1970 г. на 25-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В Декларации было сформулировано семь основных принципов: неприменение силы, разрешение споров мирными средствами, невмешательство во внутренние дела другого государства, обязанность сотрудничать, равноправие и самоопределение народов, суверенное равенство государств, добросовестное выполнение обязательств, принятых государствами в соответствии с Уставом ООН. В Европе эти принципы получили дальнейшее развитие в Заключительном акте СБСЕ, принятом в Хельсинки 1 августа 1975 г. К семи принципам в Декларации ООН было добавлено три: нерушимость границ, территориальная целостность государств, уважение прав человека и основных свобод. Внесение последних стало результатом политической торговли. Коммунистический на то время Восток требовал включить в список принцип нерушимости границ. Запад настаивал на включении в Акт принципа уважения прав человека (и возможности мирного изменения границ, но в рамках принципа суверенного равенства). В течение нескольких лет после принятия Акта польские дипломаты безуспешно пытались придать этим принципам правовую и конституционную силу. Но, подобно Декларации ООН, Акт остался лишь политически обязательным документом.

Правила, принятые в семидесятые годы прошлого века, отмечены печатью конкуренции между Востоком и Западом. В эпоху после холодной войны попытки переписать их не предпринимались. Декларация тысячелетия

Организации Объединенных Наций, принятая 8 сентября 2000 г., привнесла в нравственный канон несколько общих ценностей: свободу, равенство, солидарность, терпимость, уважение к природе и общую обязанность (ответственность). Однако они не были разработаны в виде моральных норм поведения государств. Вместе с тем появились новые нормы, которые получили достаточно подробное описание. Прежде всего к ним относятся принципы ответственности по защите, а также принципы устойчивого развития.

В Европе несколько новых идей было предложено в документах, принятых после Парижской хартии 1990 г., в частности, в Кодексе поведения, касающемся военно-политических аспектов безопасности, что стало одним из итогов Будапештской встречи на высшем уровне в декабре 1994 г., а также в Стамбульской Хартии европейской безопасности 1999 г.

Ни в общемировом, ни в региональном контексте до сих пор не существует строгого кодекса политического и морального поведения государств.

Необходимость такого морального кодекса постулируется все более настоятельно. Нравственной составляющей мировых религий недостаточно для того, чтобы справиться с критически важными задачами сотрудничества в эпоху глобализации. Поистине, представители большинства религий признают ценности глобального альтруизма и необходимость помогать ближнему. Однако проблема политического доверия к религиям состоит в том, что провозглашение любви к ближнему соседствует среди верующих с разжиганием ненависти (конфликты между христианами и мусульманами, преследования христиан в мире). С другой стороны, мирской (секулярный) гуманизм не пользуется поддержкой религии. Нравственность необходимо переосмыслить. Чувство морального обновления должно пробуждать альтруизм и солидарность. **Возможна ли вообще моральная реформа международных отношений?**

Доктринальное разделение права и морали в международных отношениях имело последствия, с которыми нам еще долго придется иметь дело.

Возможно, было бы чрезмерным полагать, что международные отношения стали в итоге организованным измерением «племенных отношений», но факт остается фактом — в результате этого процесса стало привычным оценивать поведение государства по двойным стандартам: одни применяются к отношениям между государством и собственными гражданами, а другие — для оценки его отношений с другими странами и иностранными гражданами.

Более того, само существование института государства заставляет нас провести строгую границу между отношениями внутри государства и его отношениями с другими государствами. Поэтому международные отношения отражают все более глубокую дихотомию между обращением со «своими парнями» и с «чужаками». Все в границах собственного государства исторически подчинялось своду моральных норм, свойственных взаимоотношениям между «своими». Отношения с внешним миром развивались по кодексу, основанному на парадигме «чужаков». **Разрыв между сторонами такого дуализма, где отношения с чужими людьми должны были восприниматься в иных категориях, нежели отношения среди «своих», порой чрезмерно возрастал.** Концепция национального государства стала катализатором процесса. Национальное государство стало политической концепцией, основанной на национальной идентичности, на концепции сообщества «своих ребят».

Одни моральные установления регулировали отношения внутри национального (государственного) сообщества, другие же были основой для моральной оценки действий по отношению к другим обществам (нациям). Таким

образом, сфера международных отношений превратилась в своего рода царство двойной морали.

Было бы недоразумением приписывать государствам в международных отношениях моральный нигилизм. Особенно сегодня. Преобладающей тенденцией в поведении государств выступает поиск убедительного морального обоснования политики. Даже злодеи хотели и хотят «морального мира». Развязав Вторую мировую войну, нацистская Германия заявляла о необходимости возместить моральный ущерб, нанесенный Версальским миром. Советский Союз, участвуя в разделе Польши в 1939 г., обосновывал свои действия необходимостью взять под защиту коренные народы.

Ссылки на моральные аргументы во внешней политике нередко отличались цинизмом.

Сегодня мотивы поведения государств редко представляются откровенно циничными. Все же различные теории заговора (вспомним попытки усмотреть в нападении на Всемирный торговый центр провокацию спецслужб) не перестают отсылать к «старым привычкам», однако без особой убедительности. Цинизм вытеснен на периферию, хотя и трудно отрицать, что сфера международных отношений отмечена высоким уровнем морального релятивизма.

Пусть о важной роли морального фактора всегда упоминали в контексте общественного порядка внутри государства, он едва различим в отношениях с внешним миром. Дело не только в том, что отношения с внешним миром всегда были «межинституциональными», т.е. межгосударственными. Там, где доминируют институты, редко фигурирует человеческий фактор. В отношениях с «чужими» также нет места моральному побуждению. Невозможно побудить «иностранца» к желаемому образу действий, если «иностранец» отделен стеной другого государства, его правовым и социальным порядком. Среди «своих» моральные санкции через элемент давления, социальное одобрение или отчуждение (остракизм) могут быть в ряде случаев

применены, даже если они не всегда и не повсеместно поддерживаются правовым порядком (и судебной системой). По отношению к «чужим» **моральные санкции едва ли действенны**. На практике нам не поможет предположение о том, что мораль универсальна и неизменна.

Универсальная природа этических норм нашла обоснование в концепции естественного права. Незыблемый характер естественных прав, в свою очередь, утверждался тезисом об их божественном происхождении. Эти понятия вышли на первый план в эпоху Просвещения.

Однако понятие этики, основанной на естественных правах, вскоре стало ассоциироваться с утилитаризмом. Благо отождествлялось с удовлетворением собственных потребностей, а зло — со страданиями. **Тупиком утилитаризма в этике стал приписываемый Миллю тезис о том, что только цивилизованные общества имеют право на свободу**. Так, колонизированным обществам было отказано в элементарных политических правах. Подобная аргументация может оправдать как рабство, так и апартеид.

В международной практике утилитарная этика прослеживается в истоках абсолютизации понятия интересов в международной политике государств. Универсальная мантра министров иностранных дел, в соответствии с которой цель дипломатии — борьба за интересы страны, сегодня также сводит внешнюю политику к предельному увеличению выгод и сокращению угроз. То же можно отнести к учению Дж. С. Милля, где этика человека выводится из принципа предельного увеличения удовольствия и предельного сокращения страданий.

Утилитарная этика по-прежнему служит источником вдохновения для различных поведенческих теорий международных отношений. Так находит моральное оправдание политика «кнута и пряника». Критики общей внешней политики Евросоюза отмечают ее известную «зацикленность»

на двух инструментах: санкциях (экономических, торговых, визовых и др.) и мерах помощи (как правило, грантах и макрофинансовой помощи). Критики видят в этом чрезмерную веру в эффективность политики «измеримых выгод и потерь».

Моральный аспект международных отношений начал проявляться на практике с того времени, когда возникла необходимость снизить межплеменную напряженность, и к избранной группе «чужих» стали относиться почти «как к своим», во всяком случае, ближе, более терпимо, чем к другим «чужакам». В этом смысле уже отношения, скажем, между древнегреческими городами-государствами имели иное моральное измерение по сравнению с их отношениями с Персией.

Однако моральный фактор всегда был отмечен знаком условности. Действия подлежат различным моральным суждениям в зависимости от того, касаются ли они государств, связанных общей процедурной конвенцией (правовой режим, обычаи), или государств, исключенных из сообщества, образованного конвенцией. Можно предположить, что мораль (и моральность) ставится в зависимость от гарантий взаимности.

Показательный пример обнаруживается в правилах, регулирующих обращение с военнопленными в ходе вооруженных конфликтов (межплеменных или в более позднее время международных). На протяжении тысячелетий военнопленных просто убивали или обращали в рабство. Без серьезных моральных дилемм. Между участниками боевых действий и гражданскими лицами не делалось никакой разницы. В европейском Средневековье уже существовало принципиальное различие между христианскими заключенными, особенно благороднорожденными (они могли рассчитывать на возможность освобождения за выкуп), и неверными (будь то мусульмане на Святой земле во время

Крестовых походов или язычники, как в Пруссии). Обращение с военнопленными стало входить в цивилизованное русло только в эпоху Тридцатилетней войны.

Попытка кодифицировать эти принципы была предпринята на Брюссельской конференции 1874 г., хотя принятая в то время декларация так и не вступила в силу. Благодаря Гаагской конференции этот процесс имел развитие, и эффективные положения были включены в Третью Женевскую конвенцию (1929 г., пересмотрена в 1949 г.). Несмотря на то что Женевская конвенция предусматривала, что обращение с заключенными из государств, не входящих в конвенцию, не должно отличаться от обращения с военнопленными из стран конвенции, на практике ситуация была иной. Во время Второй мировой войны Германия ссылалась на то, что СССР не ратифицирует Женевскую конвенцию, чтобы оправдать де-факто политику уничтожения (помещение в концлагеря и т.д.) советских пленных; свыше 3 миллионов, то есть более 50%, советских военнопленных погибло в плену. СССР также запятнал себя позором в обращении с пленными. Советский режим совершил массовое убийство польских офицеров, а военнопленные из стран Оси в течение многих лет после войны принуждались в Советском Союзе к рабскому труду (из 3,5 миллиона военнопленных погибло более миллиона).

Конечно, утилитаризм вырастает из биологии. Сведение международных отношений к отношениям между обезличенными образованиями (государствами) одновременно размывает следы биологических факторов в поведении государств. В конечном счете **Фукуяма сравнивает современные международные отношения с формулой справедливости в племенных обществах. В обоих случаях акты взаимопомощи происходят внутри конкурирующих групп (стран), и не существует некоей «третьей**

стороны», арбитра, гарантирующего соблюдение правил и обеспечивающего их применение.

Если международные отношения так близки к «межплеменной политике», то в международной политике должна быть достаточно сильной биологическая основа. Это предположение пришлось бы очень кстати. Оно имело бы «искупительную» ценность. Оно объясняло бы неправомерное поведение в международной политике генетическими соображениями. Зло, дескать, происходит из областей, лежащих вне нашего контроля.

Фукуяма называет по меньшей мере несколько биологических факторов, относящихся к политике как таковой. Однако не все они соотносятся с международными отношениями.

Среди биологических факторов, которые, как представляется, наиболее значимо воздействуют на международную политику, следует назвать «родственный отбор» и «взаимный альтруизм».

Еще одна биологическая склонность человека — к учреждению и соблюдению правил поведения — так же явно ощущается в международных отношениях. По словам Фукуямы, человеческий инстинкт соответствия правилам часто основан на эмоциях.

То же касается естественной склонности к насилию, которую приписывают людям. Такая теория помогла бы объяснить все бедствия войны в международных отношениях. Можно было бы даже предположить, что чем больше правил и институтов ограничивают насилие в социальных отношениях внутри стран, тем легче они направляют и узаконивают насилие против других стран (наций, обществ). Сам институт государства был создан и развит с целью монополизации принуждения, устранения разрушительного насилия внутри общества и поиска возможностей противодействия насилию со стороны «иноземцев».

Насилие, несомненно, служит самым значительным отражением зла в международных отношениях. Фукуяма

ссылается на исследования, подтверждающие прямую молекулярную связь между генами и агрессией у мужчин. Он утверждает, что именно из-за склонности к насилию, провоцирующему соперничество, люди приобрели способности к самоорганизации и сотрудничеству. Зло превращалось в добро. Создавался некий баланс (и даже симбиотическая система), который явился движущей силой социального развития. Фукуяма даже утверждает, что «общества, которые не испытывают конкуренции и не подвержены агрессии, пребывают в застое и не способны действовать инновационно».

Добро (благо) в международных отношениях связано не только с удовлетворением материальных интересов. Фукуяма не раз отмечал, что биологическим фактором в поведении человека выступает не только удовлетворение материальных потребностей, но и необходимость признания. В международных отношениях она проявляет себя с большей силой, чем во внутреннем измерении. В собственном обществе мы принимаем иерархию, в то время как международная среда доктринально неиерархична. Фукуяма подчеркивает, что именно необходимость признания часто выводила конфликты далеко за пределы экономической выгоды.

Нужда в признании столь велика, что приписывается в наше время стремлению к независимости. По мнению Фукуямы, тумотические эмоции, связанные с необходимостью признания, привели к тому, что среди прочих Украина и Словакия, хотя экономически они, возможно, выиграли бы в составе более крупных стран (СССР и Чехословакии соответственно), стремились любой ценой увидеть «свой флаг и получить место в ООН». Кстати, в случае Украины аргументация относительно членства в ООН подвела Фукуяму (Украина заседала в ООН с самого создания организации, даже не будучи независимой). В целом упрощение государствообразующих процессов вызывает серьезные возражения. Фукуяма чрезмерно упрощает проблему.

Стремление к государственности имеет, как правило, более глубокие корни. Оно часто вырастает из чувства национального угнетения или унижения (религиозного, культурного). Кроме того, устремления украинцев не были связаны сугубо с гордостью и тщеславием. Аналогичным образом позиция ирландских юнионистов в отношении связей между Северной Ирландией и Соединенным Королевством не объясняется только отсутствием необходимости в признании. Даже если страны иногда получают независимость «случайно» или без явной на то воли (например, бывшие советские республики Средней Азии), они ценят свою независимость и не хотят от нее отказываться, хотя некоторые из них экономически не самодостаточны. Так возникла целая группа независимых, но малоэффективных государств.

Интересно замечание Фукуямы о том, что если в древности необходимость признания проявлялась в стремлении к подчинению других (правителей, государств), то в настоящее время она наиболее заметна в эгалитарных и недискриминационных лозунгах, в том числе в международных отношениях.

ЛЕКЦИЯ IV

ЗЛО В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Учение «биологизма» стремится объяснить, что зло в международных отношениях имеет глубокие корни. Оно, дескать, произрастает из нашей природы, из генетики. Может быть, именно по этой причине его невозможно искоренить из международной политики. **Зло можно ограничить, нейтрализовать, сдержать, но не победить полностью.**

На протяжении веков релятивистское отношение к злу характеризует международную политику с дурной стороны. Нередко международная политика сводится к разъяснениям, почему зло неизбежно и почему с ним необходимо сжиться.

Один из способов смягчить моральные упрёки — «растворить их в обществе». В международном измерении проявление данного феномена — это возникновение своего рода «сообществ совести». Может быть, стремление государств к коалициям или альянсам не ограничивалось политическими и военными причинами. Союзы часто имели косвенные моральные последствия. Находясь в группе, гораздо проще оправдать действия сомнительного этического свойства.

Принадлежность к группе, отождествление самого себя с некоей группой позволяют заглушить голос совести. Соблюдение правил, регулирующих поведение группы, участие в совместных действиях ослабляет остроту вопросов об этическом характере поведения.

Трудно устоять перед искушением и не сказать, что чем ниже в международных отношениях моральная легитимность акта, тем сильнее склонность вписать его в рамки коллективных действий. Раздел Польши в XVIII веке осуществили три империи. Стратегические соглашения того времени попросту не подразумевали аннексию Польши одной державой (Россией). Но «действия в рамках группы»

были и формой морального отпущения. Аннексию одним государством было бы легче осудить и оспорить со стороны международного сообщества.

Зло обычно определяют как сознательное поведение, которое ведет к нанесению ущерба и причинению вреда, к унижению, а также к насилию, дегуманизации и даже смерти невинных людей. Зло состоит и в стремлении использовать свою силу и положение, побуждая или позволяя другим творить зло от своего имени. Это, несомненно, антропоцентрическое определение, и оно не исчерпывает проявлений зла в международных отношениях. Но оно вполне отражает инстинктивный подход гражданина к морали в политике.

Психологи отмечают, что в основе человеческой природы лежит бинарная логика: деление людей на хороших и плохих, категоричное отделение одной группы от другой непроходимой стеной. Человек находится либо на одной, либо на другой стороне.

Такое разделение облегчает «именование зла» в международной политике (список включает в числе многих Гитлера, Пол Пота, Бокассу, Саддама Хусейна, а также лиц, осужденных международными трибуналами, таких как Милошевич или Тейлор). В свою очередь, **зло, названное по имени, служит психологическим механизмом очищения «добрых» людей (то есть подавляющего большинства международного общества) от ответственности за зло, происходящее в мире.**

Еще одна особенность человеческой природы — склонность к эгоцентричности. Нам кажется, и не только в юном возрасте, что мы — пуп земли, что мы уникальны и стоим выше всех остальных. Такая разновидность эгоцентризма шире распространена в обществах, которые культивируют независимость человека, т.е. в западных обществах, и особенно в Европе. Общества, основанные в той или иной степени на духе коллективизма (Азия, Африка, Ближний Восток), менее к этому склонны. Эгоцентризм в обобщенной

форме, особенно на национальном уровне (и не обязательно в экстремальных формах вроде национализма или шовинизма), часто переходит в сознание морального превосходства.

Тяга к эгоцентричности, усугубляемая многовековой «племенной» логикой международных отношений, вызывает в нас естественный рефлекс приписывать не только главам государств, но и целым странам предрасположенность к злу. Воплощением зла в политике могут изображаться целые страны и народы.

В новейшей истории понятие «злого» государства вошло в риторику международной политики и политический лексикон в конце семидесятых годов XX века. Президент Рейган назвал Советский Союз «империей зла» (вторжение в Афганистан и военное положение в Польше определили политический контекст, а фильм «Звездные войны» представил удачную метафору).

Президент Джордж Буш-младший развил риторику Рейгана. В январе 2002 г. он нанес на карту мира «ось зла», состоявшую из Ирана, Ирака и Северной Кореи (также известна как «ось ненависти»). Джон Болтон добавил к этой оси Ливию, Сирию и Кубу. Последовали «оси террора» и «оси воинственности». Сравнение укоренилось в воображении многих экспертов и политиков.

Правители Ирана, в свою очередь, изобретали эпитеты, отсылающие к нечистой силе. В ноябре 1979 г. аятолла Хомейни назвал Соединенные Штаты великим сатаной, а в целом Америку вместе с Западом неоднократно называл иблисом (исламский дьявол дьяволов). Израиль в Иране начали называть малым сатаной.

У таких параллелей глубокие психологические и культурные корни. Мы всегда относим «чужих» к пределам сатаны. Некоторые авторы усматривают в этой тенденции извращенность. Осуждение деяний сатаны нередко сопровождается изумлением: «Мы боимся зла, но очарованы им». Мы творим мифы о дьявольских замыслах и сами начинаем

верить в них для мобилизации «противодействующих злу» сил. **Иногда, к сожалению, мы творим еще большее зло во имя борьбы со злом.** Инквизиция по-прежнему остается образцом зла, совершаемого во имя борьбы со злом.

Конечно, наречение «злым отродьем» целых народов или государств представляет собой сугубо политическое, пропагандистское средство. Речь идет о создании образа зла, который оправдывал бы соответствующие действия против враждебного государства. Как представители рода человеческого мы нехороши и неплохи по своей природе. У человека может быть та или иная предрасположенность, но он волен изменить свою природу, пойти по истинному или ложному пути. Филип Зимбардо и ряд других психологов утверждают, что нет ситуационного зла без существования системы, которая питает зло и расширяет его возможности. В свою очередь, нет системы без властной элиты, которая способна принимать решения с далеко идущими для других последствиями. Последнее верно в отношении всех иерархических структур: государства, правоохранительных служб, церкви, бизнеса.

Когда властная элита стремится противостоять вражескому государству, она обращается к экспертам по пропаганде, чтобы разработать «программу ненависти». Суть последней всегда состоит в «образе врага». **Зло в отношениях между странами всегда начинается с пропаганды и «образа врага».** Для этого достаточно слов и картинок. Язык ненависти основан на стереотипах, дегуманизованном восприятии «другого» как существа никчемного, демонического, безжалостного, представляющего угрозу собственным ценностям и интересам. Такая пропаганда не требует больших усилий — под ее воздействием даже рациональные и спокойные люди попадают в плен негативных эмоций, обращая мирный ум к силе воинственных и разрушительных эмоций. В крайних случаях пропаганда ненависти приводит к геноциду, массовому истреблению людей (Холокост).

Таким образом, мы подходим к сути вопроса о трудностях, сопряженных с искоренением зла в международных отношениях: слишком часто в истории зло бывало необходимо для консолидации власти внутри государства. Эмоции, задействованные «образом врага», отключали моральный компас даже в самых упорядоченных обществах. Сотворить зло может каждый. Как утверждал Зимбардо, «ни один человек и ни одно государство не застрахованы от того, чтобы не творить зло». Хитроумная «инженерия эмоций» формирует дурные эмоции простых членов общества, а не только политиков или военачальников. Ведь международные отношения XX века были международными отношениями «эпохи массовых убийств». **Именно XX век ослабил веру человека в возможность прогрессивного накопления этических знаний, поколебал нашу убежденность в укреплении морального фактора в политике.**

Зимбардо заставляет задуматься, высказывая тезис, что современные люди мало отличаются от варварских племен. Он приводит расчеты: в XX веке более 50 миллионов человек погибло по приказам властей — от рук военнослужащих или гражданских лиц.

Психологи, объясняя причины современного варварства, утверждают, что люди — это нравственные существа. Однако они способны переводить свой «моральный двигатель» в нейтральное положение. Самый простой способ сделать это — «обесчеловечить» другого, нашить на него ярлык «неполноценного». Доказано, что ничто так не способствует антисоциальному поведению (и совершению зла), как анонимность. Не опасаясь опознания, люди чувствуют себя безнаказанными. Государство как отвлеченная социальная конструкция дает полное чувство анонимности. Это отличная «маска» для совершения агрессии. **Именно поэтому внешняя политика позволяла легко отключать «моральные тормоза». Не только у политиков.**

Более того, политики и главы государств всегда имели возможность прибегнуть к анонимности, выступая «от имени государства».

Возникновение даже небольших областей анархии и дезорганизации международной системы может скомпрометировать общий этический порядок. Это следует трактовать как применение теории «разбитых окон» к международной политике. Такими разбитыми окнами в современном мире стали слабые, разорившиеся страны и «государства-изгои». Не вызывает сомнений, что существование слабых и несостоятельных государств вредит стандартам всей международной системы.

Зимбардо показывает, что характер человека может измениться всего за несколько дней. За короткое время спокойного и последовательного человека можно сделать агрессивным и безжалостным зверем. Даже такая тривиальная вещь, как униформа, способна в корне изменить личность. Скорость этических перемен иногда распространяется на целые общества и страны. Случалось, что **деморализация общества происходит галопирующими темпами. Политика «зла» в поведении государств на международной арене далеко не всегда развивается исподволь, годами.** Об этом следует помнить, несмотря на всю веру в превентивную и образовательную роль институтов и международного права.

Не существует социального порядка без правил. Однако многие правила рассматриваются лишь как прикрытие господства одного человека над другим. Последнее касается и международного порядка! Чем слабее доверие к принципам, тем скорее они теряют способность противодействовать злу. Зло проникает в международные отношения тем быстрее, чем в большей степени институты и нормы воспринимаются как навязанные сверху, как проявления гнета.

Насилие и война

Могущество государства часто связывают с возможностью побуждать международных партнеров к желаемому поведению. Как правило, действия, влияющие на политику других государств средствами убеждения или доброго примера, не подвергаются моральной критике. Не всегда осуждается даже взяточничество. Ведь международная политика рассматривается как непрерывная сделка. Услуга за услугу, поддержка за поддержку. Даже «клиентелизм», слепую поддержку и стремление примкнуть к победителям часто можно истолковать в положительном ключе — как создание «капитала симпатии», которым можно при необходимости воспользоваться.

Таким образом, восприятие политики в категориях сделки не всегда вызывает отрицательные эмоции нравственного порядка. И сегодня можно «купить поддержку» на международных выборах (с обещанием инвестиций, грантов и помощи), можно купить голос во время выборов на пост в международной организации или на форуме, можно даже купить политическую поддержку. Все дело в форме и стиле. В принципе, взяточдатель в подобных обстоятельствах никогда не привлекается к ответственности, а взяточник — только при «непомерности» mzды, то есть при возникновении серьезных моральных сомнений относительно желаемого действия.

Фундаментальная проблема при вынесении морального суждения возникает в связи с принуждением. Испытывая явное давление, государство бывает принуждено действовать против своей воли. Вследствие действий против собственных интересов (независимо от реальных последствий такого шага) страдает достоинство государства, нарушаются атрибуты его суверенитета и независимости. Следовательно, возникает зло.

Применение силы для того, чтобы заставить другую страну действовать против своей воли, исторически вызывало

моральные упреки. Таким образом, принуждение необходимо было обосновать, узаконить, пусть даже постфактум. Принуждение часто оправдывалось высокими моральными соображениями. Достаточно всмотреться в гобелен из Байё, чтобы понять, насколько важным для Вильгельма Завоевателя и его наследников было моральное оправдание вторжения в Англию. Однако прежде всего принуждение оправдывалось правовыми документами. По сути, каждый мирный договор — это «нравственное отпущение» победителю.

Однако без принуждения нет порядка. Предоставление государствам полной свободы действий стало бы рецептом полной анархии в международной обстановке. **Развитие международного права — это в значительной степени история легализации принуждения. Принуждение, как часто говорят, это легализованная форма насилия.**

Насилие, несомненно, есть главное зло в международных отношениях. Насилие отождествляется с войнами, нападениями, интервенцией, разрушениями и страданиями людей. Война рассматривается как высшая степень зла в международных отношениях. И не только из-за наносимого ею ущерба, но и по причине морального опустошения, которое она вызывает опосредованно. Ничто так не развращает общество, как война.

Какова причина насилия в международных отношениях? Почему люди воюют? Во имя чего они готовы рисковать своей жизнью и счастьем других? В этих вечных вопросах мощно звучит голос нравственности. А когда-то война была таким естественным и «первичным» положением дел, что мир просто определялся как отсутствие войны, как ее антитеза (по аналогии: здоровье — антитеза болезни, жизнь — антитеза смерти).

Война между народами происходит из тех же основных источников, что и любое насилие в социальных отношениях, только в рассматриваемом случае это насилие, направленное против иностранного государства, нации. При анализе источников насилия было бы целесообразно

начать с наиболее древних и, следовательно, биологических факторов. Самый простой ответ на вопрос о причинах войны: «Такова человеческая природа». Генетической предрасположенностью, однако, можно легко объяснить насилие только на ранних стадиях развития цивилизации.

Биологические детерминанты насилия не раз пытались перенести на уровень обществ и целых народов. Согласно этим воззрениям, некоторые страны имели бы склонность к беспощадному насилию, закодированному в их крови, другие, скорее, были бы пацифистами. Однако сегодня никто не воспринимает эти стереотипы всерьез.

Согласно другому биологическому учению, инстинкты насилия объяснялись человеческой «алчностью» как способом удовлетворения потребностей во владении. Самым простым выражением этой страсти в случае целых государств было стремление расширить территориальные владения. Соперничество за территории, территориальная экспансия были важными факторами конфликтов и насилия в международных отношениях на протяжении тысячелетий. Наследием этого по-прежнему выступают территориальные и пограничные споры.

Однако век «инстинкта обладания», похоже, подходит к концу. Сегодня могущество не проистекает сугубо из обладания и не служит удовлетворению потребностей во владении. Современные цели политики состоят скорее в создании условий для свободного удовлетворения потребностей посредством надлежащего регулирования международных отношений. Поэтому стремление к обладанию сегодня не во всех случаях объясняет насилие.

Другие теории объясняют насилие и войну «потребностью в господстве». Реалистическая школа (со времен Фукидида и Макиавелли) предполагает, как мы знаем, что международная среда по своей сути анархична и единственный способ удовлетворить свои интересы — это *политика силы*. Столкновение за господство часто приводит

к насилию. Ставкой в этой игре была не столько материальная выгода (территории, население, ресурсы и т.д.), сколько иерархия власти. Таким неизбежным столкновением стал среди прочих конфликт между Пруссией и Австрией за гегемонию в германских землях. Классическим примером состязания за мировое господство была холодная война между США и СССР. По сей день повсеместно раздаются голоса, что глобальная политика — это политика силы.

Все чаще стремление получить преимущество над другими заводит в политический тупик. Сегодня в политике недостаточно грезить о власти над другими. Нужно думать о силе достижения целей вместе с другими. Источником могущества становятся сети и объединения. Война перестала быть (как хотелось бы «реалистам») конечной мерой могущества государств.

Другой вопрос: что есть могущество сегодня? Оправдывает ли зло свои цели? Представляется ли способность побеждать в войнах ключевой величиной при оценке мощи государства? Детерминанты могущества менялись на протяжении веков. Когда-то источниками силы были колонии и золото (Испания в XVI веке), затем торговля и финансы (Нидерланды в XVII веке), население и армия (Франция в XVIII веке), промышленность и флот (Англия в XIX веке). Сегодня могущество оценивается в первую очередь путем сравнения ВВП. Тем не менее экономическая мощь не тождественна доминированию в политических процессах.

Джозеф Най пытался показать значимость других аспектов силы и политического могущества. Сегодня сила основывается на политике убеждения («победу одержит страна с наилучшим нарративом»). **Отход от фетиша доминирования в сторону принципа силы, основанной на привлекательности политического послания, снижает соблазн прибегать к средствам, основанным на насилии, принуждении, давлении, а значит, отвратительным с нравственной точки зрения.**

Этому способствует естественный процесс **распределения политической силы и могущества**. Джозеф Най прав, когда пишет, что для старых, находящихся в стадии застоя держав, включая США, сегодня большей угрозой может оказаться не усиление Китая, Индии или Бразилии, а общее «рассеивание» власти в мире, которому способствуют негосударственные субъекты, а также «современные варвары» или изгои.

Однако реалисты, пусть сегодня уже и они отвергают атавистические мотивы и биологию в международных отношениях, считают, что до постулируемой Наем концепции благородной конкуренции за привлекательность еще очень далеко. **Современная реалистическая школа предполагает, что насилие происходит не из природы человека, а из структуры международной политики.** Структура по-прежнему анархическая, а в среде анархии доминирует философия «игры с нулевой суммой». Так что иногда приходится прибегать к войне в борьбе за выживание. Анархия создается не столько государствами, действующими по старым классическим правилам силовой политики, сколько несостоявшимися и слабыми государствами, а также негосударственными субъектами, такими как международные террористические группировки, иногда сознательно действующие для дестабилизации окружающей среды. Террористические акты 11 сентября 2001 г. рассматриваются как новый этап в структурном измерении зла в международных отношениях, а также как переход к «приватизации» или, скорее, «реприватизации» войны. В середине XIX века определенно произошла доктринальная «национализация» войны. Способность вести войны была прочно отождествлена с концепцией суверенитета. Война стала исключительной прерогативой суверена.

Полемология породила множество теорий и исследований причин войны. Благодаря Георгу Зиммелю сложилась сильная социологическая школа по изучению источников войн и конфликтов. В свою очередь, благодаря Зигмунду

Фрейду появилось множество убедительных доктрин, объясняющих корни конфликтов на психологической почве. Маркс положил начало изучению экономических и социальных источников напряженности и конфликтов. В наше время широкое распространение в истолковании войн получила культурологическая теория.

На протяжении столетий война считалась явлением естественным и неизбежным. Однако со временем в ведении войн начал проявляться моральный фактор. Мы обязаны римлянам понятием справедливой войны (*bellum iustum*). *Bellum iustum* в современных международных отношениях Вестфальской системы перешел в *ius ad bellum* (право на войну) как атрибут, которым располагает в решении международных споров каждое государство. Однако **если искать логику прогресса в истории международных отношений, то она, несомненно, определяется тенденцией делегитимации силы как средства разрешения споров.** Последние сто лет отмечены ускоренным прогрессом в деле устранения насилия из международных отношений, и прежде всего, его делегитимации.

Конечно, в мире предостаточно последователей Прудона и Сореля, которым хотелось бы видеть войну в качестве фактора, вносящего в мир оживление, или катализатора развития обществ и мира как такового. Нет нехватки и в последователях взглядов Ленина о справедливых войнах и даже теорий Карла Шмидта о морально нейтральных войнах, но эти воззрения — на обочине политического и интеллектуального дискурса. **Война — признанное, хотя иногда и необходимое зло.** В ряде случаев война велась во имя благородных, нравственных целей. При этом война — это явление, которое считают постоянным и неизбежным. Возможно, наступит день (о котором, прибегая к технологической логике развития, говорил именитый поляк Ян Готлиб Блох), **когда война станет технически невозможной и невыгодной, но даже ярые пацифисты не думают, что этот день наступит в обозримом будущем.**

Принимая Нобелевскую премию мира, президент **Обама признал, что войны неискоренимы. То есть возможны обстоятельства, в которых государства, действуя поодиночке или сообща, вынуждены будут считать применение силы «не только необходимым, но и морально оправданным».**

Природа войн эволюционирует. Существует поколенческая хронология современных войн. Первое поколение было отмечено расположением шеренг и колонн (после Французской революции). Второе поколение — массивной огневой мощью (Первая мировая война). Третье поколение — маневрированием и танками (Вторая мировая война). Наконец, в настоящее время **войны четвертого поколения — это войны без фронта и поля боя.** Они ориентированы не столько на контроль и удержание территории, сколько на лишение оппонента политической воли и социальной сплоченности. А впереди маячат войны пятого поколения — «невидимые» войны, ведущиеся среди прочего в киберпространстве, войны с применением БПЛА, роботов, компьютеров и т.д. Иногда их именуют гибридными войнами. Эти войны настолько отличны от «традиционных», что с трудом поддаются определению.

«Войны больше не существует» — такое изречение в устах философа или политика-пацифиста не показалось бы удивительным. Другое дело, если слова эти произносит генерал, военачальник, который проводит впечатляющие военные кампании. Генерал Руперт Смит признает, что вооруженная конфронтация, конфликты и столкновения по-прежнему реальные явления. Однако **война, какой мы ее знали на протяжении столетий и тысячелетий, война как сражение на реальном поле боя с использованием людей и техники, война как событие, ведущее к урегулированию споров в международных делах, такой война не будет уже никогда.** На наших глазах изменилась одна из фундаментальных парадигм международной политики. На смену межгосударственной и промышленной войне

пришла война «между людьми». Это война без очерченного поля боя, без организованных армий (с обеих сторон), война, в которой все вокруг — это поле боя, а все участники — солдаты, война, в которой боевые действия должны быть постоянно ориентированы на политическую цель, которой они служат, война, в которой традиционные цели, уничтожение объектов и выведение из строя (уничтожение) противника, утрачивают политический смысл, война, на которой гражданское лицо перестает отличаться от солдата, в том числе в рамках международного права, на которой гражданские лица сражаются с оружием в руках, а солдаты выполняют задачи гуманитарных организаций и служб безопасности. Войны новой парадигмы политически соотносятся с обществами, а не с государствами, они ведутся под бдительным оком средств массовой информации, это войны, транслируемые в прямом эфире. Они, как правило, тянутся без конца. Главная забота полководца — не столько военная победа любой ценой, сколько предельное сокращение числа своих жертв. В войне обнаруживаются новые способы применения старых систем вооружения. Кроме того, в конфликт вступают негосударственные участники.

Даже если признать, что сегодняшние войны — это не всегда войны в классическом понимании, даже если нам придется найти для них новый термин, **насильственные действия останутся частью политической реальности**. Безусловно, будут по-прежнему вспыхивать конфликты с участием государств или групп государств, а также негосударственных образований, то есть войны в весьма традиционном смысле, где ставится задача захватить территорию или нанести запланированный ущерб, например, военным или другим объектам противника. Не исчезнут «гибридные войны» и «войны между народами». Способность создавать реальную военную угрозу, обеспечивать вооруженную защиту и вести вооруженную борьбу сохранит важное значение. И все же таких «традиционных» конфликтов будет становиться все меньше.

Серьезная проблема заключается в том, что **международное право не поспевает за темпами изменений в характере войны**. Выдвигался даже тезис, что все свершения права в области вооруженных конфликтов, выработанные за последние триста лет, рушатся в столкновении с новыми реалиями. С размытием границ между войной и миром, размытием различий между войной и правоохранительными операциями некоторые из существующих парадигм поддаются под сомнение, например, вопрос об уничтожении главарей террористических групп. В мирное время и в рамках операций по поддержанию правопорядка такие действия квалифицировались бы как убийства, а во время войны к ним относятся как к законному уничтожению врага без юридических последствий. Операции по стабилизации все труднее отличить от войны. Причиной регулятивных требований в последнее время стало массовое применение БПЛА в военно-полицейских операциях (Афганистан, Пакистан). Новые технологии иногда направлены на поощрение скрытых актов насилия, «обходящих» действующие законы.

В международном измерении военная сила как сдерживающий фактор и средство устрашения пребудет в обозримом будущем фактором стабильности, нравится нам это или нет. Военная сила останется фактором порядка, даже если сегодня демонстрация ее полезности проблематична.

В начале 1990-х годов снискала популярность **теория демократического мира**. В соответствии с последней демократические государства, как правило, не желают начинать войн друг с другом. Торжество демократической системы в глобальном масштабе даст надежду на прочный мир во всем мире. Конечно, критики теории вскоре показали, что, помимо демократии внутри государств, для стабильности международной системы важна и демократизация отношений между государствами. Кроме того, с середины девяностых годов прогресс демократии в мире

замедлился. Многие диктатуры крепко стоят на ногах. Поэтому до окончательной проверки теории демократического мира на истинность пройдет еще немало времени.

Надежда на искоренение войн исходит и из психологических теорий. **Психологи утверждают, что хотя тенденция к насилию составляет особенность человеческой природы, в человеке выделяется и склонность к соперничанию, сотрудничеству и самоконтролю.** Вектор развития цивилизации заключается в ограничении насилия. Стивен Пинкер показал, как этому способствовало развитие государственных институтов, а также такие технические изобретения, как печать и интернет. Поэтому человечество стремится контролировать насилие в интересах цивилизации.

Пока существует потребность в насилии, будет возникать необходимость его оправдать. **Устойчивость международного порядка во многом зависит от того, насколько обоснованны и узаконены отдельные случаи применения силы.** Фундаментальные споры относительно легитимности военных действий против Ирака в 2003 г. или ранее, в 1998 г., против Сербии (в связи с Косово) не способствовали согласованности международного порядка.

Краеугольным камнем каждого политического порядка, по мнению Фукуямы, выступают корысть и легитимность. Также и в международном измерении — государства должны быть убеждены, что функционирование в рамках некоего политического порядка несет им конкретные преимущества (выгоду) и по крайней мере защищает от вреда, в том числе от актов насилия. Легитимация создает ощущение справедливости существующего порядка и поведения. Как отмечалось выше, идея легитимности лежит в основе мирных договоров с начала времен. **Приобретение имущества (территорий, населения, товаров и денег) воспринималось как оправданное и правильное, если оно было**

узаконено принципом справедливой войны и закреплено мирным договором.

Необходимость легитимности соотносится и с самим насилием. Если насилие генетически обусловлено в человеке, то мы точно так же питаем естественную склонность контролировать и направлять применение силы.

Легитимация всегда осуществлялась на высоком социальном уровне — племени, нации. В этом процессе помогал фактор «чужого». Так, насилие приобретало ореол героизма, если силу применяли против чужаков (иноземцев) — тех, кто прибывал с враждебными намерениями. Складывалась традиция прославления героизма воинов и памяти о жертвах насилия. Вся социальная иерархия на некоторых этапах цивилизационного развития основывалась на ратных заслугах и достижениях (например, в европейских государствах эпохи феодализма). К воинам до сих пор относятся с уважением и почтением, не как к преступникам и террористам. Гоббсовская война «всех против всех» была на самом деле «войной между группами», пишет Фукуяма.

По мнению Фукуямы, логика развития человеческой цивилизации выталкивает насилие на обочину. Отношения между человеческими группами переходят от насильственного соперничества за доминирование, основанного на формуле «выигравшие и проигравшие», к удовлетворению потребностей людей и достойной жизни посредством сотрудничества и обмена. Глобализация, суть которой заключается в свободном движении информации, капитала и товаров через географические границы, рассматривается как кульминация этого логического процесса — торжество модели взаимовыгодного сотрудничества и мирной конкуренции.

Эта логика прозрачна, и все же мы до сих пор не в состоянии освободиться от фатализма насилия. Насилие все еще широко распространено. Почему?

Современная модель международных отношений характеризуется закатом монополии на применение

вооруженной силы. На руинах феодального строя современное национальное государство гарантировало себе исключительное право обладания и применения вооруженной силы, особенно во внешней политике. Эта монополия пошатнулась под влиянием межэтнических конфликтов (главным образом в Европе и Африке). А катализатором стала многократно упрощившаяся торговля оружием, особенно малокалиберным. В мире насчитывается более миллиарда единиц легкого и малокалиберного оружия, причем подавляющее большинство не зарегистрировано и находится в частных руках. Это оружие циркулирует нелегально. На него не распространяется государственная монополия на владение оружием. Оно выступает одним из основных источников насилия в повседневной жизни.

Рост насилия тревожит сегодня многих видных философов, социологов и историков, даже если статистика говорит об обратном. Рост насилия имеет как социальный, так и политический аспект. Причину роста насилия Хобсбаум видел среди прочего в возрождении необланкизма. Ссылаясь на уже забытые страницы истории, он понимал под этим явлением **организованные устремления небольших, элитарного типа, зачастую самозванных социальных групп, направленные на свержение режимов и достижение цели национального сепаратизма путем вооруженной борьбы.** Указанное движение начало расти в конце шестидесятых годов. Первоначально необланкизм ограничивался Западной Европой (*IRA, RAF, ETA*). В Латинской Америке он вылился в партизанские движения. В 1990-х гг. такие движения приняли этническую и конфессиональную форму (*ФАТХ, ХАМАС, «Хезболла», «Тамильские тигры», курдские организации и др.*). Затем они нашли воплощение в исламском терроризме («Аль-Каида»). Массовая народная поддержка для необланкистов не имеет значения, так же как и территориальная принадлежность. **На фоне процессов глобализации политическое насилие все больше выходит за пределы регионов и «местного контекста».**

Однако терроризм и ирредентизм со стратегической точки зрения не относятся к основным направлениям развития мира в последние полтора десятка лет. Многие наблюдатели сегодня говорят с высоты более чем десятилетней истории, что теракты 11 сентября 2001 г. не стали поворотным моментом в истории мира, как считали многие комментаторы во время тех событий. Да, они позволили нам осознать разрушительную силу международного терроризма. Да, они, несомненно, высвободили американскую энергию в русле «униполярной» внешней политики. Но лишь ненадолго. Мир и организация международной политики не изменились. В этом смысле теракты 2001 г. не сыграли роль маховика изменений. **С сегодняшней точки зрения ключевым процессом для мира стало усиление Китая, ознаменовавшее все последние годы мировой истории.**

Зигмунт Бауман, в свою очередь, утверждал, что насилие будет длиться до тех пор, пока существует принуждение. А принуждение, в том числе на международном уровне, — это одна из форм узаконенного насилия. Прогнозы Баумана пессимистичны. Он полагает, что прошлый век войдет в историю как век насилия, примененного национальными государствами против собственных граждан. За этим, вероятно, последует еще один век насилия — на этот раз оно будет вызвано прогрессирующей недееспособностью национальных государств под напором безудержного потока глобальных сил. Бауман описал новый тип войны — войны эпохи глобализации. Цель этих войн — не территориальные завоевания. Речь не идет о контроле над территорией другой страны. Цель состоит скорее в том, чтобы заставить завоеванное государство подчиниться, открыть свою территорию для сил глобализации. Такие войны прежде всего ведутся за открытие всех возможных дверей для свободного движения капитала. Эти войны — политика свободы глобальной торговли другими средствами. Однако дело в том, что глобализации для расширения не нужны войны.

Кажется, что она достигнет больших успехов, отпирая двери мирными средствами.

Схожим образом переоценка эмоций заставила нас считать вспышку межэтнических конфликтов в начале 1990-х гг. свидетельством роста насилия в международных отношениях. Малые государства в соответствии с подобным истолкованием, будучи не в состоянии прибегнуть к узаконенному принуждению, встали на путь насилия, причем часто с политически удовлетворительными результатами, т.е. достигнув независимости.

Вопрос статистического пузыря внутренних конфликтов, внезапно раздувшегося в начале 1990-х гг., не оспаривается. Подоплека этих конфликтов была ясна и в острой фазе конфронтации. Они были следствием так называемого эффекта оттаивания. Эти конфликты родились не на пустом месте. Эскалация была связана с попытками заглушить тлеющие на протяжении многих лет конфликты. Последнее, впрочем, не означает, что мы вошли в очередной век насилия. Сегодня мы знаем, что указанный временный регресс в истории международных отношений не нарушил долговременной тенденции **делегитимации насилия и его искоренения из практики международных отношений**. Эти войны были скорее отзвуком прошлого, нежели предвестниками будущего.

Невроз глобализации проявляется в том факте, что мы во всем желаем видеть провозвестников новых, чаще всего «мегаисторических» тенденций. Подобно тому как крушение коммунизма породило тезис о неизбежном триумфе демократии, так с замедлением темпов демократизации и сопротивлением авторитарных режимов международному давлению было немедленно постулировано, что западная модель демократии себя изжила. Но стоило арабам выйти на улицы, протестуя против застоя и диктатуры, как мы тут же провозгласили неисчерпаемую силу общих ценностей и демократических устремлений.

То же с межэтническими конфликтами. Они были неизбежны в ситуации международной нестабильности. Но это не означает, что конфликты — суть процессов переходного периода, свойственных глобализации.

Современные войны — это войны бедности. Из тридцати с лишним стран, страдающих в настоящее время от гражданских войн и внутренних конфликтов (с начала 1990-х гг. их число сократилось почти вдвое), большинство — бедные страны. Бедность и насилие образуют порочный круг. Разорвать его становится все труднее. Конфликты затягиваются или превращаются в криминальные войны. В циклы политического и уголовного насилия втянуто более полутора миллиардов человек. Конфликты тяжело сказываются на развитии и ложатся бременем на международное сообщество.

Насилие — это атрибут недостаточного развития. При этом следует отметить, что в начале XXI столетия феномен насилия постепенно проникает в группу стран со средними доходами. Войны и конфликты, составляющие 40% от общего числа вооруженных столкновений, затрагивают страны в нижней части списка стран со средними доходами. Эти слабые государства со средними доходами — проклятье доноров и программ помощи. Хотя для стабильного функционирования им не требуются большие объемы помощи, в этих странах существуют огромные «карманы нищеты» (отчасти из-за ненадлежащей политики центральных властей), и, следовательно, в них крайне высок риск эскалации насилия.

В целом ненасилие все более уверенно становится признаком цивилизационного прогресса, и это подтверждает практика международных отношений. Насилие, даже узаконенное, с непреклонностью стало порицаемой практикой, к которой в международной политике прибегают все более неохотно.

Сублимация и «виртуализация» насилия, безусловно, становятся новым феноменом. Насилие достигло киберпространства. Информационная революция изменяет соотношение сил и саму концепцию силы и власти в международных отношениях. В этом смысле наблюдается, пожалуй, наиболее важный технологический фактор в изменении парадигмы международных отношений со времен появления в арсеналах оружия массового поражения.

Аксиома о том, что владение информацией тождественно силе, устарела. **Интернет привел к демократизации и дерегулированию международных отношений.** Выдвигается тезис о том, что распространение информации стало источником поляризации в той же мере, что и распространение оружия. Но дело в том, что сила оказалась диспергирована не только вертикально, «укорачивая» иерархию, но и горизонтально, заполняя разрыв между центром и периферией мировой политики. **Информация в мире международной политики, равно как и в виртуальных сообществах, претворяет иерархию в сеть.**

Цифровое сообщение стало основным средством коммуникации, в том числе в международной политике. **Практически вся информация, которая порождается сегодня в мире, происходит из э-почты, видеоклипов и материалов Всемирной паутины. Определенно одно: без интернета такая коренная перемена в парадигме международной политики, как превращение личности в активный политический субъект, была бы невозможна.**

Мировая политика перестала быть вотчиной правительств. **Правительства теряют контроль над политической повесткой!** Каждый способен на нее повлиять хотя бы потому, что снижаются издержки и барьеры для входа в информационный поток.

Разумеется, виртуализация политики имеет и темную сторону. Во Всемирной сети появился новый «канал зла».

Как правило, речь идет о злоупотреблении интернетом и создании сетей, связанных с терроризмом. **Интернет предоставил виртуальное убежище террористам.** Современная формула организации террористических лагерей и сетей в несостоятельных государствах и государствах-изгоях все более опасна. Террористы вербуют и обучают сторонников в виртуальном пространстве.

В киберпространстве сочетаются физические и виртуальные свойства. Физические серверы имеют конкретное местонахождение. Информация — нет. Данные могут циркулировать свободно и бесконтрольно. География киберпространства более пластична, чем другие среды. **Страны, и особенно государства с авторитарной политической системой, не могут принять утрату монополии над информацией.** Ограничительная и репрессивная политика авторитарных правительств непосредственно сужает свободу личности. В мире набирает силу движение в защиту суверенности « сетевого гражданина » (нетизена).

Киберпространство превратилось в арену столкновения двух мировоззрений на систему управления: либертарианского (либерального) и этатистского (ограничительного, регламентирующего).

Интернет — особое пространство, свободное от единого образного регуляторного режима. Изначально киберпространство воспринималось как общественное достояние, ресурс, не подлежащий государственному регулированию. Однако, в отличие от других благ, например, «открытого моря», киберпространство в некоторых случаях находится под контролем (входит в инфраструктуру) национальных ведомств. Главный вопрос состоит в том, расширится ли область национального регулирования, или произойдет либерализация системы. Несомненно, что правительства, даже те из них, которые считали бы весьма желательным регулирование Сети по внутриполитическим причинам, никогда не смогут в полной мере контролировать киберпространство.

Проблема киберпространства состоит в его «пещеристом» строении, неограниченном круге пользователей и неопределенности системной эволюции. Даже если обществам удастся отразить попытки правительств подчинить себе интернет, не исключено «фрагментирование» системы, появление «золотых клеток», частных сетей, введение корпоративного контроля над функционированием сетей и т.д. Проблема реальна, но политические обертоны инициатив государств, управляемых авторитарными правительствами, лишь затрудняют дискуссию на международном уровне.

Легкость проведения самых разнообразных операций в киберпространстве выступает катализатором роста угрозы экономического шпионажа и киберпреступности. **Новый и самый серьезный феномен, влияющий на парадигму насилия в международных отношениях, — это, конечно, кибертерроризм, а в концептуальном смысле — кибервойна, т.е. агрессивные действия, направленные против иностранного государства, его инфраструктуры, систем управления и принципов функционирования.**

Политическое и социальное осознание возможностей агрессивных действий в киберпространстве, несомненно, подстегнуло «активистов», атаковавших эстонские серверы в 2007 г., во время политического спора между Россией и Эстонией относительно перемещения памятника советскому солдату. Грузия также испытывала атаки ботнетов в контексте конфликта с Россией в 2009 г. То же на Украине после 2014 г. Многие страны серьезно отнеслись к созданию оборонного потенциала против таких кибератак. В киберпространстве нередки попытки влияния на результаты политических выборов и референдумов в других странах. **Киберманипуляции стали скрытым политическим оружием, используемым некоторыми странами для того, чтобы влиять на внутреннюю политику, а иногда и открыто сеять рознь в других странах.** Даже коронавирусный кризис 2020 г. не раз служил предлогом для

распространения фейковых новостей и искажения реальности в политических целях.

Проблема, конечно, весьма серьезна. В кибервойне нападение не влечет за собой практически никаких затрат. Эту войну может позволить себе каждый. Атака обладает преимуществом перед защитой. Сдерживание возможно, но только в ограниченных масштабах (хотя бы потому, что неизвестно в точности, по кому наносить удар).

Специфическая особенность «кибернетических злодеев» — это их практическая невидимость. Большинство жертв кибератак даже не знают, что стали объектом нападения. С другой стороны, государство вряд ли способно помочь гражданам и институтам, которые находятся под ударом хакеров. Самое большее, оно может предупредить их, и то навлекая на себя подозрения в неправомерном вторжении в частную жизнь. Государство также способно фильтровать ИТ-трафик с зарубежными странами, но и тут подвергая себя обвинениям в цензуре и ограничении свобод.

Правительства могут наносить через интернет серьезный ущерб разным адресатам (цензура, блокирование операций, но и осуществление наступательной деятельности, как, например, **паралич инфраструктуры в зарубежных странах и т.д.**). Однако таким образом правительства рискуют своей репутацией. Поэтому даже при осуществлении деструктивных действий, особенно в отношении иностранных государств или иностранных субъектов, они тщательно скрывают свою роль. Сегодня кибератака — это не только инструмент для правительств дополнить агрессивную деятельность, проводимую им по другим каналам, но и возможность заменять традиционные каналы атаки кибернетическими.

Не связанные с правительствами группы (включая криминальные) обычно причиняют меньше ущерба, чем в

случае действий, спонсируемых государством, но и здесь ущерб бывает значительным (в первую очередь кража данных).

Неорганизованные или свободно организованные сущности (включая одиночных хакеров) всегда избирательны в своих действиях. Но блокирование таких атак предполагает затрачивание значительных ресурсов безопасности (в том числе правительственных) хотя бы для защиты от случайного нападения. Впрочем, не только поэтому хакеров считают особым злом. Речь не только о масштабах хищения или мошенничества, но и о том, что деятельность киберпреступников может разрушить систему информационного оборота и товарооборота, а в конечном итоге подорвать доверие среди участников Сети.

Однако важнейшим явлением в киберпространстве с точки зрения стратегической значимости следует признать пересечение некоего «Рубикона войны». Запуски вредоносной программы (вируса) для заражения компьютеров, контролирующих ядерные центрифуги Ирана (*Stuxnet*), и «гигантского» вируса, стирающего данные с жестких дисков компьютеров на Ближнем Востоке (*Flame*), стали первыми получившими широкую огласку случаями применения кибертехнологий в откровенно военных целях.

Прецеденты показывают, что в киберпространстве возможны наступательные операции против другого государства. **Остается дожидаться «мировой кибернетической войны».**

ЛЕКЦИЯ V

ЛОЖЬ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

Сегодня мы видим в международных отношениях меньше насилия, но больше лжи и обмана. ИТ оказали огромное влияние на поведение человека. Вследствие развития технологий стало проще лгать и воровать.

Почему ложь более приемлема и даже более предпочтительна при взаимодействии с другими государствами?

В мире нет ни одной нравственной системы, в которой ложь не воспринималась бы как предосудительная форма поведения. Это грех во всех основных религиях. Назвать кого-либо лжецом — оскорбление. Но **в отношениях с другими народами, в дипломатии и внешней политике в частности, ложь не только допустима, морально нейтральна, но даже трактуется как обычное дело.** Спросите любого обывателя, в чем суть дипломатии. Весьма вероятно, в ответ вы услышите, что речь идет о привилегии лгать иностранным правительствам ради государственных интересов. Ложь в дипломатии не только избегает осуждения, но иногда считается добродетелью (Кант осуждал ложь во всех формах и проявлениях, но философы утилитарной школы считали, что ложь иногда имеет смысл и оправдание). Одно из наиболее часто цитируемых изречений дипломатов — это слова Генри Уоттона: «Посол — честный человек, посланный за границу лгать во благо своей страны». По той же причине Камилло Кавур говаривал: «Я обнаружил превосходный способ обманывать дипломатов. Я говорю им правду, а они никогда мне не верят».

В чем причина такого морального диссонанса? Почему твердые, общепризнанные нормы, такие как обязанность говорить правду («Не лжесвидетельствуй» — гласит библейская заповедь, имеющая для христиан силу закона), оказываются приостановлены в своем действии или даже

переиначены, как только мы вступаем в отношения с другими странами? Ложь в международной политике повсеместно воспринимается как обычный способ вести дела.

С сегодняшней точки зрения на этот вопрос трудно дать разумный ответ. В некоторой степени объяснением сложившейся ситуации может служить тот факт, что международная политика, особенно дипломатия, представляется царством **«белой лжи»**. Таковая обычно не преследует целей оскорбить иностранного партнера, а служит выражением уважения. Классические каноны дипломатии запрещают говорить неприятные вещи непосредственно представителю иностранной державы. Своего рода коммуникационный кодекс особенно тщательно разработан в многосторонней дипломатии. «Интересное предложение» обычно определяет документ, полный сюрпризов и сомнительных идей. «Предложение, которое требует тщательного рассмотрения» обычно характеризует предложение, к которому вы предпочли бы не возвращаться. «Предложение, которое ставит важные вопросы» — это документ, содержащий тезисы, которые противоречат вашим текущим указаниям.

Чем могущественнее страна, выступающая с предложением, тем труднее открыто отвергнуть его в условиях широкого форума. Иногда это приводит к коллизии, при которой дипломатическая игра заканчивается принятием проекта, но лишь немногие готовы его реализовывать. Пример: идея Суда по примирению и арбитражу в рамках ОБСЕ. Проект был представлен Францией и разработан доверенным лицом президента республики. У экспертов из других стран возникла масса принципиальных сомнений относительно этой идеи. Однако никто не посмел изложить их Франции таким образом, чтобы поставить под сомнение смысл самого предложения. В результате предложение было принято, однако с 1992 г. суд практически бездействует, что подтвердило в значительной степени сомнения, высказанные на стадии обсуждения.

Нотам вежливости из иностранных государств часто придают слишком большое значение или неверно их интерпретируют. Особенно если трудно установить их правдивость. Об этом знают все, кому доводилось проводить кампанию по избранию страны или ее представителя на важную должность в международной организации. Число заявлений о поддержке, представленных перед выборами, обычно превышает количество голосов, полученных в случае проигрыша на выборах. Число подтвержденных заверений в поддержке голосования, сделанных после выборов, превышает число голосов, полученных в случае победы на выборах. Таковы элементарные характеристики избирательной практики на международных форумах.

Джон Миршаймер в новаторском труде о лжи в международной политике вспоминает, что «внешность бывает обманчива».

В вопросах внешней политики главы государств чаще лгут собственному обществу, чем политикам других стран. Это в первую очередь относится к демократическим странам. Политики на руководящих должностях часто лгут не столько ради собственной политической выгоды, сколько из чувства «государственной необходимости». Они лгут, потому что убеждены в моральном императиве лгать во имя заботы о благе собственного государства. Они лгут, однако, реже, чем обычно думают. Они лгут безнаказанно, потому что во внешней политике ложь пользуется огромной общественной поддержкой, даже если это ложь, адресованная собственному обществу, при условии, что она приносит социально желаемые результаты. Только политическая неудача может побудить общество призвать к ответу главу государства за ложь на международной арене.

Миршаймер пытается объяснить разрыв в моральной оценке лжи в зависимости от того, соотносится ли ложь с внутринациональными или международными вопросами, а также в зависимости от условий, в которых она возникает. Общество внутри государства основано на принципах

порядка и гармонии, имеющих иерархическую структуру. Ложь предосудительна, потому что она разлагает этот порядок, ослабляя чувство доверия. **Ни одно общество не может функционировать без минимального уровня доверия. Вот почему люди в своем обществе говорят правду, хотя иногда это вредит их непосредственным, личным интересам.** Международная среда анархична по своей природе. Каждое государство само по себе, и его глава не следует завету более высокому, чем забота о выживании государства, даже ценой лжи, манипуляций и обмана.

Ложь — это форма обмана, но не каждый обман — ложь. Миршаймер подробно анализирует методы обмана и манипуляции. Обман заключается и в тщательном сокрытии неблагоприятных фактов, манипулировании фактами, преувеличении выгодной стороны дела, недооценке негативных обстоятельств. **Ни сокрытие, ни технологии поддачи фактов и информации не вызывают большого морального дискомфорта, но чаще всего воспринимаются как морально приемлемые во всех областях. Но ложь как таковая стала позволена только в дипломатии и международной политике.**

В некоторых обстоятельствах ложь избегает морального осуждения. Это определено так **во время войны.** Ложь — законный метод ведения политики в отношении врага, а также инструмент пропаганды перед лицом как собственного общества, так и неприятеля. Союзники также лгут друг другу на войне, но это происходит, как правило, от крайнего отчаяния.

Таким образом, моральная ценность правдивости на войне снижается. Обычно к ответу за ложь во время войны привлекается только побежденная сторона (так, Гливицкая провокация естественным образом была введена в повестку Нюрнбергского трибунала). Победители, как правило, не стремятся оправдать свои поступки и не обязаны объясняться. Ради сохранения антигитлеровской коалиции западные союзники не поднимали вопрос о Катыни во время

войны, хотя их пассивность в разоблачении катынской лжи в послевоенные годы вызывает сомнения нравственного порядка, когда отношения с СССР уже характеризовались конфронтацией. В наши дни нет недостатка в голосах, утверждающих, будто общественность не реагировала бы столь бурно на лживые заявления администрации Буша о наличии у Ирака оружия массового поражения, если бы «операция по стабилизации» в Ираке оказалась успешной и не сопровождалась большим числом жертв.

С точки зрения приемлемости лжи гражданская война вряд ли отличается здесь от войны между странами и народами. Иными словами, на войне ложь действует в соответствии с общими принципами.

Другая ситуация, в которой ложь имеет серьезные основания для существования, — это **международные переговоры**. Естественно, предполагается, что исходные позиции сторон — это переговорные позиции. Каждая сторона держит в секрете свои позиции «красной линии», после пересечения которой сделка становится невыгодной. Каждая сторона оберегает информацию о своих реальных целях и потребностях от несанкционированного доступа. Ложь, для определения которой Миршаймер использует эвфемизм «блеф», в рассматриваемой ситуации допустима и трактуется как часть искусства переговоров. **Стороны не ждут от партнера правды.**

Переговорная сила рассматривается как «сила смятения и блефа». В этом смысле деловые переговоры на международном уровне ничем не отличаются от деловых переговоров внутри стран. Нет никакой двойственности в этике обращения с собственными соотечественниками и переговорах с незнакомыми людьми. **Деловая этика по существу универсальна.** Однако имеются оговорки. Так, с сегодняшней точки зрения очевидно, что Греция намеренно пыталась исказить картину своих государственных финансов при переговорах о вступлении в зону евро. Реальный размер государственного дефицита уже тогда превышал

допустимый порог. Возможно, политика ЕС в отношении Греции в 2010–2011 гг. была бы публично более мягкой, если бы не последствия разоблаченной лжи.

Миршаймер различает семь типов лжи в международной политике.

Во-первых, **ложь между государствами**, преследующая цели приобрести или предотвратить появление стратегического преимущества в отношениях между ними.

Во-вторых, **раздувание страхов** в целях повышения тревожности и панических настроений. Цель состоит в том, чтобы убедить общественное мнение в существовании нависшей угрозы, действительной или мнимой (например, чтобы отвлечь внимание от других вопросов).

В-третьих, **сокрытие правды** в стратегических целях, различные «дымовые завесы», призванные в том числе скрыть от общественности или иностранных государств слабость собственной политики или свои неверные решения.

В-четвертых, националистическое **мифотворчество**, в соответствии с которым историческая ложь становится основой национального мифа.

В-пятых, существует **либеральная ложь**, наиболее типичным выражением которой служит обоснование альянса демократического государства с диктаторским режимом, попирающим права человека.

В-шестых, существует ложь в духе **социального империализма**, которая направлена на защиту интересов узкой социальной группы или класса.

В-седьмых, отмечается **бессовестное замалчивание**, предназначенное для того, чтобы прикрыть некомпетентное или недостойное поведение политиков, и служащее только их узким интересам.

Вышеуказанная типология показывает, что ложь в лицо собственному обществу часто сложно отделить от лжи иностранцам.

Миршаймер пытается доказать, что **главы государств и дипломаты обычно говорят друг другу правду**.

Так происходит главным образом потому, что современные политики больше заботятся о личной международной репутации, чем раньше. Правдивость — критерий оценки способности быть государственным деятелем. Для политиков многих стран, особенно европейских, международная карьера — естественный путь для продолжения карьеры после окончания активной жизни на собственной политической сцене. У пойманного на лжи политика всегда меньше шансов на международную карьеру. Более того, риск разоблачения сегодня намного выше, чем прежде. Мы живем в прозрачном мире. Пространство секретов значительно сузилось. Тайное становится явным. Разоблаченная ложь наносит двойной удар по политику и государству, которое он представляет. Чем серьезнее ложь и попытки ее скрыть, тем сильнее негативные последствия для внешних связей. Фактор доверия возрастает и во внешней политике. Также и во внутренней политике (в противовес некоторым утверждениям Миршаймера) времена, когда политики избегали последствий лжи перед лицом собственного общества, ушли в прошлое. Ложь Буша и Блэра о наличии у Ирака оружия массового поражения обнаружилась раньше, чем можно было ожидать.

Впрочем, иногда политики находят оправдание в логике, весьма точно сформулированной персонажем Джорджем Костанзой в американском сериале «Сайнфелд»: «Джерри, просто запомни: **если ты в это веришь, то это не ложь**». Многие политики, особенно пребывающие в смятении и отказывающиеся принимать действительность, могут говорить совершенные нелепости, настаивая на том, что говорят правду.

Конечно, в ряде областей внешней политики секреты по-прежнему играют значительную роль. Это касается прежде всего политики безопасности, торговли и инвестиций. Но и там масштабы применения лжи для защиты секретной информации сокращаются. В течение десятилетий искажение данных о военном потенциале было

естественной практикой. Это часто делалось в переговорных целях. Не секрет, что Министерство обороны СССР ретушировало данные о польских вооруженных силах, которые Польша в восьмидесятых годах представила в ходе Венских переговоров о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе (МВФР). Польские военные знали, что обстоятельства заставят их представить ложные сведения. Главной причиной было не столько сокрытие правды об обороноспособности, сколько получение удобных исходных позиций для возможных сокращений. Точно так же русские ввели американцев в заблуждение на переговорах по Договору об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). В ходе неофициальных консультаций они убедили американцев принять так называемую концепцию объекта контроля, представив численность объектов, которая дала американцам надежду на право проведения достаточного числа инспекций на местах. После заключения договора и публикации первых данных оказалось, что число объектов существенно снизилось. Обнаружилось также, что множество бронетранспортеров были выкрашены в белый цвет; так создавалась видимость, что военные машины — это медицинские автомобили. Было очевидно, что с советской стороны причиной выступали не столько стратегические намерения, сколько нежелание нести издержки по уничтожению военного оборудования и приему инспекций.

Причины искажения действительности, особенно в евро-атлантическом мире, сегодня стали весьма обыденными, прозаическими. За этим не стоит никаких стратегических намерений. В большинстве своем намерения тактические и политические. За пределами Европы в политике безопасности по-прежнему часто используется обман и «стратегическая ложь». Однако в целом страны, находящиеся в сложной ситуации с точки зрения безопасности, страны, подвергающиеся повышенному риску, страны, вовлеченные в конфронтацию или ожесточенную конкуренцию, позволяют себе лгать чаще и больше.

Свитальский П. Гражданин и мировая политика. Цикл лекций. —

Рига: Школа гражданского просвещения, 2022. — Серия «Своевременная мысль».

Как предсказать роль лжи в политике будущего? Реалисты говорят, что мир обречен с ней жить. Государства будут и впредь заботиться о собственной безопасности и защищать себя, в том числе посредством лжи.

В системном смысле, несмотря на глобальные проблемы, растущая взаимозависимость потребует вложений в создание глобального «капитала доверия». Его невозможно основать на лжи. Все те, кто считает, что внешняя политика неосуществима без лжи, рано или поздно заднутся вопросом: могут ли государства сотрудничать над сложной глобальной повесткой, практикуя ложь и обман?

Кроме того, **вырастет международная ответственность политиков не только за поступки, но и за слова.** Политикам становится все труднее прикрываться даруемым должностями иммунитетом. Главы государств, виновные в преступлениях, не смогут скрывать их ложью. Международные трибуналы способны установить правду. Как представляется, чем сильнее органы международного правосудия (глобального правосудия), тем больше страх перед ответственностью за ложь.

Стало также сомнительно с моральной точки зрения скрывать реальные намерения сторон в международной области. Нынешний кодекс политкорректности отвергает любые элементы стремления к доминированию, диктату и национальному эгоизму. Это само по себе может быть истолковано как победа нравственности в оценке поведения государств. Действительные же и главные движущие силы поведения государств всегда будут окутаны дымкой неопределенности.

Именно поэтому в международной политике, как считают политики и эксперты, решения порой принимаются под влиянием очень субъективного восприятия интересов и мотивации. Не секрет, что исторически даже в значимых политических решениях нередко доминировало восприятие интересов (которое определялось династией, семьей, верой, национальным сообществом, симпатией, деловыми

интересами) лицом, принимающим решения. А реальные мотивы поступков лица, принимающего решения, часто сохранялись в тайне, если не навсегда, то надолго, причем скрывались от всех (от политиков в своей стране и за границей, от общественного мнения, от членов семьи и друзей и т.д.).

Несоответствие между истинными и заявляемыми целями сделало международную политику плодотворной почвой для теорий заговора. Именно по этой причине сплетни стали в международной политике таким распространенным и сильным оружием.

Ложь себя не оправдывает. Прибегающим ко лжи политикам остается только надеяться, что им удастся избежать ответственности ввиду короткой, избирательной памяти общественности, в особенности в собственной стране.

Технология сделала ложь проще: фальшивые новости (*fake news*), троллинг, цифровые фабрикация и манипуляции, так называемая глубокая ложь (*deep fake, deep lies*). Тем временем постмодернизм предлагает удобное оправдание: истина множественна. Концепция «постправды» завела дело еще дальше.

Однако картина единого мира невозможна без доверия. Сложная повестка современности требует даже более высокой степени доверия, чем раньше. **Как, спрашивается, людям доверять друг другу, если мы постоянно лжем?**

Кража, взяточничество, измена

Осуществление разведки против иностранных государств давно стало воплощением цинизма и аморальности в межгосударственных отношениях. При этом ни одно значимое государство никогда не решалось вести внешнюю политику без разведывательной деятельности. По сути дела, шпионаж, если он касался сбора общедоступной информации, не внушал морального отвращения. Две

его формы, однако, во все времена вызывали серьезные моральные нарекания: вербовка агентов среди граждан иностранных государств и, прежде всего, тайные операции, особенно с применением насилия, против иностранного государства (его граждан) и на территории иностранного государства.

Необходимость использования сомнительных с моральной точки зрения методов шпионажа рассматривается политиками как своего рода проверка на прочность благородных идеалов международной политики. Последние сталкиваются с жестокой реальностью (*проверка в реальных условиях*), которая показывает, что международные отношения остаются гоббсовским миром, полем битвы национального эгоизма, средой конкурентных и антагонистических установок.

Практика шпионажа — позорная часть международной политики и, несомненно, способ действовать во вред другой стране. Конечно, **предпринимались попытки дать шпионажу моральное оправдание**. Прежде всего, предполагается, что оправдание вытекает из демократического мандата государства. По определению, демократическое государство имеет моральное право на шпионаж. В свою очередь, разведки диктаторских государств якобы лишены такой легитимности. Шпионаж со стороны демократического государства рассматривается как часть «общественного договора», на котором государство основано, и воспринимается как морально оправданный.

Разведку также иногда оправдывают высокой идеей справедливого (благого) дела, которому служит внешняя (государственная) политика. В частности, моральный мандат на шпионаж выводят из обязанности заботиться о своей безопасности, территориальной целостности и экономических интересах. Это не только право, но и обязанность государства — отражать внешние угрозы. Последнее невозможно без должного понимания потенциала (особенно военного), а также намерений зарубежных партнеров.

Однако ключевой вопрос заключается в том, в какой степени моральная обоснованность главной цели может оправдать некоторые, обычно считающиеся «грязными», «аморальными», «недостойными» методы, к которым прибегают на практике разведывательные службы. Такого рода рассуждения перемещают моральную дилемму от сути шпионажа к его методам.

Во-первых, таким морально сомнительным методом считается вербовка агентов. Шпионаж против собственного государства широко рассматривается как акт низкой измены. Если агент поступает так по идеологическим соображениям (потому что он не принимает политическую систему своей страны и из-за этого хочет действовать ей в ущерб), то это, несомненно, облегчает моральные дилеммы вербующей его иностранной разведки. Впрочем, моральные сомнения не бывают и тогда совсем развеяны. Однако смягчающие аргументы исчезают вовсе, если речь заходит о шантаже (например, сексуально мотивированном шантаже), подкупе или обмане (инсценировке или провокации) для побуждения людей к предательству собственного государства. Моральное осуждение усугубляется ввиду того, что в большинстве разведок вербовка и работа агентов воспринимается как нечто техническое, как рутинная «операция», то есть в практическом, циничном ключе. Агент и акт измены в соответствии с этой позицией утрачивают значение. Значение имеет только полученная информация.

Во-вторых, морально сомнительны тайные операции, проводимые против иностранного государства. За некоторыми исключениями, например, предоставление финансовой поддержки политическим, социальным или идеологическим движениям. Если финансовая поддержка находится в рамках закона страны, в которой ведется деятельность, а сама деятельность не нарушает закон, даже если истинный источник финансирования остается закамуфлированным, то подобная деятельность морально приемлема (если только политика и представление получателей средств не

«генерируются» по приказу извне). Советские спецслужбы финансировали деятельность коммунистических движений через различные каналы, но во многих странах эти движения были подлинно коммунистическими, прочно укорененными в умах людей. Сказанное не исключает, что благодаря финансовой поддержке эти движения иногда рьяно поддерживали внешнюю политику СССР. И тогда их можно было обоснованно заподозрить в том, что они играют роль агента влияния.

«Покупка» политических симпатий за границей относительно изощренными способами (учебные визиты и программы обмена, стипендии, научные проекты и даже подарки и т.д.) тоже не вызывает моральных сомнений. Подобные акции могут скомпрометировать только адресатов таких кампаний, причем не только в тех случаях, когда налицо очевидный конфликт интересов.

Существует мнение, что тайная поддержка оппозиционных политических лидеров в зарубежных странах может в некоторых случаях иметь значение, сопоставимое с гуманитарным вмешательством.

С другой стороны, существуют также мнения, что любая форма финансирования общественной деятельности из-за рубежа, включая поддержку неправительственных организаций, по меньшей мере морально подозрительна. В крайней форме подобное мировоззрение приводит к оценкам, которые можно, в частности, услышать от нынешнего российского руководства, а именно что все «цветные революции» на постсоветском пространстве планировались и осуществлялись на деньги (если не руками) ЦРУ. А НКО предписано регистрироваться в России в качестве иностранных агентов.

Конечно, самые безнравственные из всех тайных операций — это политические убийства. Широко освещалось убийство Льва Троцкого Меркадером. Дело об убийстве Степана Бандеры интересно тем, что мюнхенский суд не только судил Сташинского — непосредственного

исполнителя, но и пытался привлечь к ответственности заказчика, т.е. главу КГБ. Обстоятельства убийств Яндарбиева и Литвиненко или покушения на Скрипаля трактовались как продолжение этой практики. Политические убийства практиковались и другими службами стран коммунистического блока (иногда в непосредственной связи с КГБ).

Наиболее вопиющим случаем диверсионных действий в ущерб другому государству представляется убийство главы государства от имени или при участии иностранных держав. Обнародованы планы ЦРУ по убийству Фиделя Кастро. С середины 1970-х годов разведслужбам США запрещено планировать, заказывать или совершать политические убийства. Такой запрет, как представляется, не введен в разведках других стран.

Но даже убийства иностранных правителей не всегда подлежат безусловному моральному осуждению. **В ряде случаев такие события рассматриваются через призму принципа наименьшего зла.** Если устранение главы иностранного государства — единственный способ предотвратить гражданскую или международную войну, массовое угнетение, убийства и террор, то для некоторых людей это действие морально приемлемо. Такова была составная часть западной философской доктрины **справедливого тираноубийства**. Даже если речь идет об иностранном тиране. Однако эта точка зрения становится все более маргинальной. Моральное беспокойство внушают даже такие ситуации, когда в ходе специальных операций в чужой стране опасные террористы, и особенно политические вожди сепаратистских движений, подвергаются внесудебным казням.

Доктринальные сомнения вызывает и тот факт, что государственные должностные лица используют территорию иностранных государств для осуществления деятельности, которая была бы запрещена законом на их собственной территории и привела бы к уголовному преследованию.

Такого рода дуализм, даже не моральный, а юридический, трудно оправдать. **В соответствии с такой логикой зарубежные страны рассматриваются как область пониженных моральных и правовых стандартов.** Некоторые реальные и предполагаемые действия ЦРУ в связи с конфликтами в Ираке и Афганистане вызывают серьезное беспокойство.

Менее чувствительной с моральной точки зрения, но очень важной формой получения информации представляется **экономический шпионаж**, который был в прошлом для стран коммунистического блока, а до сих пор и для многих других правительств (причем не только для стран со значительной долей государственной собственности в экономике) важным элементом разведывательной деятельности. Со стороны других государств экономическая разведка практикуется лишь в весьма ограниченной форме (например, в отношении технологий военного назначения). Проблема в том, что **технологический (промышленный) шпионаж как таковой расширяется параллельно росту глобализации.**

Во-первых, причина в том, что глобализация усиливает международную конкуренцию. Компаниям все чаще приходится конкурировать друг с другом на фоне снижающейся защиты со стороны собственного государства, поэтому они вынуждены собирать более подробную информацию о конкурентах. Во-вторых, шпионаж облегчается в силу технического прогресса, и не только связанного с киберпространством. Границы моральной допустимости разведывательной деятельности в этой области меняются, что особенно заметно в появлении новых и «серых областей». Сбор данных о конкурентах, их продукции, технологиях и намерениях не может быть морально предосудительным. Напротив, в той мере, в какой такая деятельность служит развитию конкурентоспособности и более эффективному удовлетворению нужд потребителей, она морально оправдана. Также в той мере, в какой эта деятельность

не создает двойных стандартов (внутри страны в отношении компаний одной национальной принадлежности и вне ее в отношении компаний иностранного государства), не должно возникать вопросов относительно того, как подобная практика воздействует на моральные стандарты международных отношений.

Нет сомнений, что в определенных ситуациях поле моральной терпимости сужается, даже если этот опыт еще не отражен в правовых нормах. Предсудительная практика включает кражу информации из защищенных компьютерных файлов, сознательный перехват информации с информационных носителей, обнаруженных, например, в мусорных баках, наем частных детективов или направление шпионов на работу в другие компании, изучение мнений клиентов других компаний при ложном представлении самих себя сотрудниками изучаемых компаний, организация фальшивых конкурсов на должности для изучения мнений и знаний сотрудников конкурирующей компании и т.д. Иные простые и прямо осуждаемые способы экономического шпионажа включают аренду комнат в соседних зданиях в целях наблюдения, подслушивания и слежки за конкурентами. Эта деятельность широко признана морально предсудительной как противоречащая принципу честности в деловой практике. Эксперты предлагают проверять практику сбора информации на «золотом правиле» — в соответствии с категорическим императивом Канта. Согласно этой логике, всякая практика, которая при универсализации нанесет ущерб каждому участнику «бизнес-игры», должна быть отвергнута на моральных основаниях. Но есть мнение, что в мировых масштабах морализаторский подход не возымеет сильного действия. **Шпионаж менее затратен и более эффективен, чем проведение собственных исследований, а перспективы развития никогда не утратят для человека привлекательности.**

Вместе с тем объем чувствительной деловой информации, в том числе непосредственно касающейся прав

собственности, неуклонно растет. Непреднамеренная утечка информации, случайное воровство, сбои в аппаратном обеспечении — частая причина появления большого количества ценной информации, циркулирующей в интернете. Предосудительно ли с моральной точки зрения использовать эти данные в целях шпионажа?

Общепринято, что к использованию идей и изобретений в мире применяют разные стандарты. На Западе интеллектуальные права подлежат защите в соответствии со строго определенными нормами. В Азии **к изобретательству и инновациям относятся как к общественному достоянию**. Эта концепция инноваций получает все большее распространение, особенно среди пользователей интернета. Массовые протесты против АСТА (Международного торгового соглашения по борьбе с контрафактом), несомненно, отражают эту перемену в умах.

Серьезная проблема состоит и в размывании границ между государственным и промышленным шпионажем. Технологии все чаще имеют двойное назначение, в то время как асимметричные угрозы заставляют разведывательные службы входить в широкую область деловых отношений (финансовые операции и т.д.). Впрочем, одним из положительных примеров размывания границ служит взаимосвязь между миром банков и миром налоговых служб. Тем не менее этические проблемы в этом отношении деполитизированы и не оказывают большого влияния на восприятие моральных норм в международных отношениях.

Даже если некогда будет сформулирован международный моральный кодекс, следование его правилам, вероятно, не станет самоцелью. Всегда будут существовать ценности, во имя которых государства готовы пренебречь нормами нравственности: **таковы ценности выживания государства и нации, а также их основные интересы.**

Однако дело в том, что нарушение этических границ должно быть крайним, а не рутинным средством политики.

Глобализация — это серьезный стимул для перемен в международных отношениях. Возвышение личности вводит моральные соображения в процесс принятия политических решений. Другое дело, будут ли перемены обладать системной природой — так, чтобы моральные вопросы вышли на первый план политики.

ЛЕКЦИЯ VI

СПРАВЕДЛИВОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Справедливость — это одна из основных концепций, используемых для оценки состояния мира, в том числе в политическом контексте. Этому важнейшему понятию уготовано, как представляется, великое будущее.

В описаниях желаемого социального и политического порядка, включая международный, авторы всегда высвечивали значимость справедливости. О справедливости много писали Аристотель и другие греческие философы. Она занимала великих философов Просвещения во главе с Джоном Локком и Жан-Жаком Руссо. Уильям Пенн постулировал принцип справедливости как ключевой в человеческих отношениях.

Справедливость видится как основа всякого желаемого миропорядка. Это относительно небольшой, но поддающийся довольно точному определению элемент морального фактора в политике, в том числе международной. Справедливость считается ключевой концепцией в организации отношений между сообществом и его членами, а также в поддержании долговременного порядка.

Справедливость часто воспринимают в двух аспектах: справедливость по принципу взаимности или возмездная справедливость, которая соотносится с ответственностью членов общества за нарушение отношений между людьми, то есть с правосудием, и справедливость в распределении, которая регулирует распределение нагрузки и преимуществ, связанных с жизнью в обществе.

Принцип справедливости не имеет единообразного правового толкования на международном уровне, хотя, несомненно, он формирует логику развития системы международных отношений. Декларация тысячелетия ООН 2000 г. содержит ссылки на «глобальную справедливость»,

«справедливый и прочный мир», «справедливое распределение расходов и нагрузки» в управлении глобализацией, но не определяет и не пытается истолковать само понятие. За справедливость часто ратуют негосударственные субъекты. К ней сегодня апеллируют также альтерглобалисты и участники «движения возмущенных» (*indignados*).

В международном дискурсе термин «справедливость» используется сегодня часто и регулярно. Можно сказать — бездумно. В течение многих лет в дипломатических сообщениях использовалась концепция «прочного и **справедливого мира**», особенно в отношении Ближнего Востока. Это дежурная фраза в риторике практически всех стран. Поэтому неудивительно, что лозунг справедливого мира со временем превратился в пустую фразу. Можно сказать, что, согласно концепции справедливости, речь шла о мире, основанном на учете интересов всех сторон, мире, выкованном с участием всех сторон (непроизвольно навязанном), мире, обладающем преимуществами для всех (а не только для привилегированных сторон), а значит, о мире беспристрастном, взаимовыгодном и честном.

Понятие **«справедливого миропорядка»** имеет разные оттенки смысла. В политическом нарративе такой миропорядок прежде всего ассоциируется с устремлениями развивающихся стран к так называемой **демократизации международных отношений и изменениям в правилах, регулирующих глобальное экономическое сотрудничество**. Говорится о необходимости обеспечить развивающимся странам реальное влияние на политические решения, принимаемые в международных организациях, и смягчить гегемонию западных держав, особенно США; в частности, речь идет о восстановлении экономических отношений, в том числе торговли, так чтобы развивающиеся страны могли сократить разрыв, отделяющий их от промышленно развитого мира.

В этическом аспекте международных отношений понятие справедливого международного порядка связано

со снижением уровня насилия, с обеспечением примата прав человека, включая экономические и социальные права, укреплением системы помощи в целях развития и осуществлением принципов устойчивого развития. Справедливость в международных отношениях распространяется и на уважение культурного разнообразия.

Нет сомнений в том, что чем прочнее в международных отношениях становится парадигма ценностей, тем в большей степени идеи справедливости будут воздействовать на нормативные и институциональные решения, определяющие международный порядок.

Критерий справедливости играет важную роль в оценке международного порядка. В значительной степени именно справедливость определяет его легитимность. Биполярная мировая система в годы после Второй мировой войны не выдержала испытания справедливостью. Проблема так называемого межвременья, последовавшего за окончанием холодной войны, заключается в том, что в больших районах мира идея порядка, основанного на господстве Запада и западных ценностях, в целом не отвечает основным критериям справедливости. Для многих обществ развивающихся стран способ управления миром, при котором первую скрипку играют западные государства (США), а экономическая модель остается либеральной моделью капитализма, характеризуется высокой степенью несправедливости. Так что эта модель была признана ущербной, лишенной легитимности. **Процесс политической и экономической (и культурной) эмансипации Юга во многом обусловлен убежденностью в несправедливости существующего порядка.**

Можно предположить, что значение фактора справедливости в международном дискурсе будет только расти. Глобализация пробудила в социальных отношениях вопросы равенства и примирения. На международном уровне она характеризуется политическим «пробуждением» развивающихся стран.

Новые политические явления в западных странах во многом глобальны по своему контексту. С 2008 г. политика жесткой экономии в западных странах породила протестные общественные движения, сначала в Западной Европе, *indignados* («возмущенные») и *Gilets jaunes* («желтые жилеты»), позже в США (*Occupy Wall Street*). Эти движения формировались вокруг требований справедливости. Представители протестующих выдвигали среди прочего требования ограничить власть финансовых кругов и преодолеть различия в доходах между самыми богатыми и остальным обществом.

Если измерять различия в достатке, то в целом коэффициент Джини (в расчетах МВФ) вырос за последние двадцать лет в большинстве стран. В странах с самыми высокими темпами развития наблюдается и самый большой разрыв в доходах. Поэтому коэффициент Джини резко возрос в Китае и значительно в Индии. Однако даже в эгалитарных Скандинавских странах, где индекс Джини колеблется в районе 0,25, он в последнее время заметно увеличился. При этом в глобальном масштабе — из-за динамичного роста Китая, Индии, Бразилии и других развивающихся стран — разрыв в доходах значительно сократился. **Таким образом, даже если различия в доходах увеличились внутри стран, то в целом в мире они выравниваются.** Глобальный коэффициент Джини, который в XIX и XX веках иногда достигал пугающе высоких значений, за последние двадцать лет явно снизился. Мир стал более справедливым!

С точки зрения справедливости важнейшей проблемой остается концентрация богатства, то есть степень сосредоточения доходов в руках богатейшей прослойки населения. А эта величина возросла драматическим образом. Растет также разрыв в доходах (заработной плате).

В программе ООН «Цели развития тысячелетия» основное внимание уделяется борьбе с бедностью. И это правильно. Однако указанная программа не в состоянии

решить проблему сокращения разрыва в доходах в мире, не говоря уже о неравенстве внутри стран. В ней также не упоминается о несправедливости в ее возмездном измерении. Программа не ставит таких целей, хотя в будущем международное сообщество обязано взять на себя задачи, направленные на снижение уровня несправедливости. Без решения проблем, связанных с уровнем несправедливости, невозможно создать эффективное правовое государство в глобальном масштабе. По оценкам, около 400 миллионов человек живут за пределами правовых систем, не имея доступа к правозащитным учреждениям. Это касается прежде всего лиц, не имеющих удостоверения личности, свидетельства о рождении, места жительства, женщин, подростков, жителей трущоб и т.д. Раздаются голоса о том, что без обеспечения всеобщего доступа к механизмам правосудия невозможно обеспечить чувство справедливости как таковое.

Образцы справедливости, модели правосудия и международные отношения

Понятие справедливости глубоко укоренено в сознании людей. Как уже упоминалось, философы веками были заняты определением этого понятия. **Получили развитие три основных способа определения справедливости: справедливость как взаимная выгода, справедливость как принцип взаимности и справедливость как честность.**

Проблема справедливости возникает, когда спрос на товары (материальные блага) превышает предложение. Когда таковые производятся в изобилии и каждый может взять потребную себе меру, не причиняя вреда другим, проблемы не возникает. Коммунистический принцип «каждому по потребностям» в этом смысле представляется самым справедливым из правил, потому что дилемма справедливости здесь вовсе не поднимается. Однако он применим только

в тех случаях, когда все материальные блага широко распространены. Представить такое состояние в реальности пока сложно. Дэвид Юм, описывавший «обстоятельства справедливости», утверждал, что проблемы справедливости нет и при крайней нехватке товаров. Тогда никто не может обвинить другого в алчности. **Выживание становится ценностью более высокой, чем справедливость.** Описывая так называемые субъективные обстоятельства справедливости, Юм заключал, что проблема справедливости встает, в частности, при возможном наличии конфликта интересов. **Вопрос распределения материальных благ в брачных отношениях или в семье не соотносится с проблемой справедливости, так как не воспринимается в контексте конфликта интересов.**

Можно предположить (в поддержку тезисов Юма), что **в международных образованиях интеграционного типа, основанных на чувстве особых, если не «семейных» связей, концепция справедливости действует в соответствии с принципами, отличными от традиционной системы международных отношений в целом.** Наиболее наглядный пример — Европейский союз.

Европейский союз рассматривается как своего рода механизм перераспределения богатства. Его бюджет, несомненно, служит средством фискального перераспределения. С самого начала, однако, появилось несколько теорий распределения. Представители первого течения, ссылаясь на статью 158 Римского договора, рассматривают Союз как механизм обеспечения экономической и социальной сплоченности и видят стратегическую цель в нивелировании различий в развитии и в ликвидации отсталости беднейших регионов. Вся политика социальной сплоченности и региональная политика Европейского союза, структурные фонды и др. должны служить этой цели. Анализ перераспределения средств за 50 лет функционирования Европейского сообщества (Европейского союза) убедительно показывает, что между уровнем благосостояния и бедности

стран и размером средств, выплачиваемых и получаемых по каналам ЕС, нет простой взаимосвязи. **Однако Союз — это первое и наиболее значимое международное образование в истории, где принцип распределения в соответствии с экономическими и социальными потребностями непосредственно встроен в отношения между государствами-членами.**

Другая теория гласит, что основой перераспределительной функции в Европейском союзе выступает расчет прибылей и убытков на национальном уровне, вытекающий из принципа открытого рынка (особенно в отношении торговых потоков). **Союз, отдавая предпочтение экономике, основанной на экспорте, должен надлежащим образом компенсировать связанные с этим потери стран, которые не могут защитить свои рынки.** Но перераспределение внутри ЕС — это результат переговоров между странами, где каждая с самого начала определяет собственный коэффициент прибыли и убытка, вытекающий из принципа неограниченного доступа на рынок.

Существует и третья школа. Согласно этому, уже вполне реалистичному толкованию механизмов **распределения в ЕС, предполагается, что распределительная практика Союза основана в первую очередь на силе переговорной позиции страны в процедурах принятия решений в рамках Союза.** Сторонники этой теории подчеркивают, что малые страны всегда получали относительно больше преимуществ от членства в ЕС, чем развитые страны, потому что (в особенности до заключения Лиссабонского договора) у них было больше прав голоса, чем это следовало бы из их демографического и экономического потенциала.

Вопрос о спасении Греции от финансового краха другими странами еврозоны ставит вопрос о степени ответственности малых и относительно бедных стран, которые, будучи беднее Греции, были призваны внести свой вклад в ее спасение. Так, это вызвало понятные эмоции в Словакии.

Одно не вызывает сомнений: Европейский союз воспринимается как механизм «справедливости в распределении» *sui generis*, пусть даже поток средств, протекающий через централизованный бюджет ЕС, все еще остается на символическом уровне, т.е. чуть более 1% валового национального дохода всех государств-членов.

Другие образцы справедливости, применяемые в международных отношениях, основаны на принципах взаимной выгоды и возникают из предпосылки, что материальные блага лучше распределять на кооперативной, а не на конкурентной основе. Проблема, однако, в том, что когда потенциалы сторон неравны, более сильная сторона всегда находится в привилегированном положении — она может обеспечить себе преимущество, хотя и в рамках взаимной выгоды. Отношения между метрополиями и колониями в прошлом можно воспринимать в таких категориях (поскольку выгода от сотрудничества, несомненно, была взаимной), и годами «неоколониальные» отношения между бывшими метрополиями и бывшими колониями тоже трактовались в развивающихся странах именно так, то есть как неравноправные. Поэтому концепция справедливости на основе принципа взаимной выгоды сегодня звучит как анахронизм.

В другой теории справедливость основывается на **принципе взаимности**: сторона получает столько, сколько вкладывает. Проблема возникает тогда, когда сторона, вступающая в обмен, не в состоянии ничего внести. В международном плане понимаемый таким образом принцип справедливости сведет проблему уравнивания возможностей развития государств к благотворительности.

Концепция справедливости, основанная на эмпатии, — это **справедливость по совести**. Можно предположить, что если эмпатия — это черта, движущая развитием человеческой цивилизации, то формула справедливости по совести — естественный этап исторического развития. Справедливость как совесть неизбежно подводит нас к наследию

Джона Ролза, выдающегося философа, придавшего принципу справедливости почти каноническую форму. Его теория оказала большое влияние на понимание справедливости, в том числе в международных отношениях.

Дихотомия Ролза в эру глобализации

Джон Ролз утверждал, что идея справедливости и правосудия обладает первостепенной важностью для общественного порядка. Он полагал также, что общество упорядочено, только если поддерживает благополучие своих членов, а также эффективно следует принципам социальной справедливости. Согласно Ролзу, принцип справедливости должен быть основанием для регулирования требований людей, отправной точкой для определения системы общественных отношений (ее правил и учреждений). Одна из особенностей этого понятия — предположение, что все стороны в исходных обстоятельствах рациональны и взаимно заинтересованы. Принципы, лежащие в основе такой исходной общественной ситуации, — это равенство основных прав и обязанностей, а также компенсация за социально-экономическое неравенство в пользу всех, особенно самых бедных слоев.

Однако Джон Ролз лишь поверхностно затрагивает вопросы справедливости и правосудия в их связи с правами народов и международными отношениями. Ролз экстраполировал механизм формирования общественного договора внутри государства на отношения между нациями. Так, он предполагал, что представители наций лишены всякой информации. Они знают, что представляют различные нации, знают, что все народы живут обычной человеческой жизнью, но они якобы ничего не знают о конкретных условиях существования собственных обществ, об их мощи и силе по сравнению с другими народами; они также не знают, какое место занимают в собственных обществах. Они знают достаточно, чтобы сделать рациональный выбор для

защиты собственных интересов, но не настолько, чтобы страны с более высокой эффективностью могли воспользоваться своим конкретным положением. Несложно заметить, что эти первоначальные условия существенно отличаются от сегодняшних, прежде всего с точки зрения знаний о себе и о других странах.

Джон Ролз предложил своего рода двухэтапный метод анализа справедливости в международных отношениях. В соответствии с ним следует сначала рассмотреть вопрос, как принцип справедливости применяется в каждом отдельном обществе, а затем рассмотреть взаимосвязи между обществами/нациями и межсоциальными (международными) нормами, в которых явлен принцип справедливости.

Принципы справедливости, впервые введенные Ролзом на уровне отношений между обществами, вполне понятны. Центральное место здесь занимает **принцип равенства** («Независимые народы, организованные в государства, имеют некоторые основополагающие равные права»). Из этого вытекает **принцип самоопределения**, право решать свою судьбу **без вмешательства** иностранных держав и впоследствии право на самооборону. Еще один принцип заключается в том, что **договоры должны соблюдаться, если они соответствуют другим принципам, регулирующим отношения между государствами.**

Ролз анализирует, как эти предпосылки сыграли роль в ограничении средств ведения войны. В современной международной практике такого рода контекстуализация теории справедливости имеет лишь ограниченный эффект. Сознвая это, Ролз ввел в рассуждения пространный аргумент о принципах справедливости в международных отношениях. Он включил в этот список семь пунктов: **уважение свободы и независимости народов, равенство, право на самооборону, запрещение интервенции, соблюдение договоренностей и обязательств, соблюдение ограничений в правилах ведения войны, обязательство уважать права человека.**

Что касается международных отношений, Ролз был согласен с тем, что принципы справедливости могут применяться не только к **отношениям между либеральными обществами, организованными вокруг идеи справедливости, но и к «иерархическим обществам»**, при условии, однако, что последние не будут проводить экспансионистскую политику, что концепция морали будет обладать социальной инклюзивностью и что общество будет уважать «основные права человека». Предположение о том, что достаточно соблюдать «основные права человека», все чаще противоречит социальным инстинктам чувства справедливости в современном мире. Концепция универсальности прав и их природной сущности, которая принципиально влияет на международные отношения и социальную чувствительность, в значительной степени подтачивает предположения Ролза. Вывод Ролза, сделанный в годы создания теории, был однозначен: **принципы справедливости в распределении не применимы в отношениях между обществами в той мере, в какой они применяются внутри обществ. Ролз, таким образом, отстаивал устоявшуюся в течение веков аксиому международных отношений.**

Ролз был вынужден дать разъяснения относительно «неидеального» измерения своей теории. Так, остракизм и даже санкции в международных отношениях становились допустимыми в случае отхода государств от принципов справедливости (прецедент охватывает и «государства-изгои» современности).

Дихотомический подход Ролза к принципу справедливости подтверждает трудности с переносом принципа справедливости в международные отношения. **Эта трудность связана главным образом с тем, что если человек (гражданин) как субъект общественных отношений выступает, бесспорно, как целостная единица, то нации (государства) обладают такой особенностью лишь номинально.** Человек может быть внутренне противоречивым и непоследовательным. Однако его невозможно разбить на

соподчиненные первичные элементы. С точки зрения общественного договора он — неделимая единица. В свою очередь, нацию (государство) невозможно, особенно сегодня, воспринимать как нечто неделимое. Международные отношения в XX веке были в известном смысле путями разделения и создания наций. Вскрылась проблема напряженности между целым и частью, большинством и меньшинством в субъекте «нации». Гражданские войны и внутренние конфликты обозначили динамику международных отношений во второй половине XX века. После Второй мировой войны более 80% конфликтов в мире были гражданскими войнами, остальные в основном начинались как внутренние конфликты, которые вышли на международный уровень. Межгосударственные конфликты стали относительно редкими.

Еще более важно то, что в международных отношениях наблюдается тенденция к расширению прав и возможностей отдельных граждан на международном уровне. Значимым следствием этой тенденции стала, в частности, широко распространившаяся практика обращения граждан в международные судебные учреждения с исками против собственных государств (правительств), а также международная уголовная ответственность руководителей государств за действия, совершенные против их собственных граждан.

Все вышесказанное приводит к выводу, что теория международной справедливости и правосудия должна стать более целостной, т.е. смягчить (насколько это возможно) дихотомию между принципами справедливости во внутренних отношениях и принципами справедливости в международных отношениях, а также между измерением межгосударственной справедливости и справедливости в прямых отношениях между людьми в глобальном масштабе. Идея заключается в том, чтобы сочетать принципы справедливости в общественных отношениях с принципами справедливости в межгосударственном сосуществовании.

Иными словами, **в постулате интеграции подчеркивается необходимость установления взаимосвязи между справедливостью в международных отношениях и глобальной справедливостью.**

Дихотомию, введенную Ролзом, пытались устранить десятки философов. В частности, ключевой вопрос заключается в согласовании принципа равенства граждан с принципом равенства наций. В современном мире **неустойчива формула, согласно которой только «независимые народы, объединенные в государства» имеют «определенные основополагающие равные права», как это подразумевалось в теории Ролза.** Тогда мы приняли бы феномен «подчинения народов» и отсутствия прав у «народов, не организованных в государства». Это известная ловушка концепции национального государства.

Постулат о том, **что международная политика должна основываться на примате прав и интересов личности, традиционно приписывался «космополитической» школе международных отношений.** С этих позиций «космополиты» критиковали концепцию национального государства. Международная политика должна носить транснациональный характер. Ее основой должны стать естественные нравственные законы, превышающие измерение национальных интересов.

Слабым местом теории Ролза было отсутствие в международных отношениях принципа справедливости в распределении, компенсирующего социальное и экономическое неравенство между странами. Указанное обстоятельство породило развитие различных теорий **глобальной справедливости.** В них прежде всего говорится о необходимости внедрения принципа общего блага в функционирование мировой экономики, которую в высокой степени характеризует неравенство в уровне благосостояния государств.

Тезис Ролза, что международные отношения не могут подчиняться принципам справедливости в распределении,

утратил актуальность под давлением международной практики. С 1971 г. принято считать, что развитым странам следует выделять 0,7% своего ВВП на международную помощь в целях развития. Однако предполагалось, что для достижения Целей развития тысячелетия ООН порог помощи должен быть повышен до 1% ВВП. Несмотря на то что объективно все больше и больше стран могли позволить себе помощь в целях развития на этом уровне, в 2009 г. только пять государств превысили уровень в 0,7% ВВП: Дания, Люксембург, Норвегия, Швеция и Нидерланды. Однако нельзя исключать, что тем не менее норма, предусматривающая помощь в целях развития, станет не только частью кодекса добросовестного поведения, но и по меньшей мере политически обязательной нормой.

Другой формой перераспределения выступает пересмотр задолженности. Снижение или списание долга стало обычной практикой в двусторонних отношениях.

Неизбежным следствием доктрины Ролза стало разделение рассуждений о справедливости в международных отношениях на два автономных течения. Представители первого сводят справедливость к справедливой войне (так называемое политическое измерение), а второго — к экономическому неравенству (экономическое и социальное измерение). Первая тенденция переросла в существенное и бесспорное собрание аксиом и тезисов, в целом закрепленных в положениях Устава Организации Объединенных Наций о принципах применения силы в международных отношениях.

Подобная согласованность отсутствует в дискуссиях по вопросам справедливости в распределении (экономический аспект). Участники дебатов спорят о том, следует ли считать субъектом справедливости в распределении государство или частное лицо, распространяется ли эта категория только на экономические товары или и на другие потребности (права человека!), а также о типе аргументации (потребности, права, способности и т.д.), на которой

должен основываться принцип справедливости в распределении.

Указанные концептуальные и терминологические расхождения между двумя подходами породили необходимость наводить мосты между теориями.

Терри Нардин предложил, в частности, развить согласованную общую концепцию справедливости, объединяющую ее политические и экономические основы. Эта попытка предполагает выделение принципа принуждения, скрепляющего теорию справедливой войны, и перенесение его в теорию международной справедливости в распределении. Таким образом, принцип справедливости в распределении будет основываться на концепции допустимого принуждения. Невоенное принуждение стало бы приемлемым средством уменьшения неравенства (несправедливости), которое приводит к нищете, болезням, голоду и т.д. В качестве иллюстрации действия этого принципа можно привести концепцию **гуманитарного вмешательства**. Согласно последней, государства имеют не только право, но и обязанность защищать людей от насилия, вызванного незаконным применением силы, и от страданий, вызванных болезнями или недоеданием. Поэтому терпеть страдания несправедливо. Если некие лица проводят политику, обрекающую других на страдания, они могут стать объектом силового вмешательства. Из этой концепции рождается среди прочего обоснование солидарности (на основе обязательного налогообложения) в решении глобальной проблемы бедности.

Идея **глобального налогообложения для борьбы с бедностью** не нова. Она связана с выдвинутой еще в 1972 г. идеей Джеймса Тобина ввести налог на валютные операции. Налог Тобина приносил бы 150–300 млрд долларов в год (до триллиона, если верить другим расчетам). Тем временем основные потребности кампании по борьбе с

нищетою можно удовлетворить за счет 200 млрд долларов США в год. Очевидно, что относительно эффективности налога Тобина и его применения существуют различные мнения. Идея глобального налогообложения остается привлекательной, особенно в кругах международного гражданского общества.

Всемирная справедливость и правосудие

Амартия Сен, взгляды которого созвучны школе Ролза, давно признал необходимость преодоления разрыва между концепциями международной юстиции и всемирной справедливости. Прогресс в области развития современных международных отношений ставит вопрос о том, относится ли социальная справедливость главным образом к отношениям внутри стран или к отношениям между государствами. Другая дилемма заключается в том, в какой степени идентичность (основанная на национальности и гражданстве) выступает доминирующей (если не исключительной) для определения конкретного человека и насколько значимы другие идентичности, такие как социальное происхождение (класс), пол или профессия.

Амартия Сен отказался от решений, предлагаемых как универсалистскими (космополитическими), так и партикуляристскими (реалистическими) школами. Он предложил третью концепцию. Ее основой служит тезис о **«множественной принадлежности»**, т.е. признание того факта, что у человеческой личности несколько идентичностей и каждая из них порождает конкретные потребности и проблемы, иногда согласующиеся, а иногда несовместимые с потребностями, вытекающими из другой идентичности. Каждая идентичность, в свою очередь, реализуется в социальных связях разного рода. Оценить сравнительную силу отдельных идентичностей непросто. Чрезмерное культивирование марксистами силы классовой принадлежности служит классическим примером. Существуют, однако,

идентичности, явно пересекающие границы национальных расколов (Сен приводит среди прочих пример феминистских движений). **Такую наднациональную принадлежность все сложнее подавить мнимым превосходством принадлежности к национальному сообществу (государству). Сен полагает, что политическая концепция личности как гражданина государства — при всей ее важности — не в состоянии затмить все иные концепции и поведенческие последствия других форм ассоциации и групповой принадлежности.** Эти формы ассоциации находят отражение в растущем числе механизмов и институтов, которые не относятся к источникам действий государств (их внутренней политики и межгосударственных действий). Это деловые ассоциации, межправительственные организации и т.д. Даже рожденные межгосударственными соглашениями международные институты, такие как специализированные организации ООН, со временем становятся независимыми и отчуждаются (в положительном смысле) от государств.

Основной вывод Сена: проблему справедливости в мире невозможно свести только к одной плоскости — контексту межгосударственных отношений. Каждое измерение связей между людьми подлежит индивидуальной оценке с точки зрения справедливости. Каждое из измерений подлежит отдельному нормативному описанию.

Для некоторых авторов центральной проблемой, определяющей иллюзорный характер всемирной справедливости, выступает проблема *уполномочивания институтов*. Сторонники этого тезиса ссылаются на Гоббса, который считал состояние справедливости достижимым только благодаря государю и правительству, создающим условия для реализации идеи. В мире без суверенитета понятие справедливости и правосудия (или несправедливости и неправосудия) перестает применяться. Из этого возможны два вывода: **во-первых, идея глобальной справедливости без мирового правительства по определению химера;**

во-вторых, единственной оптимальной моделью справедливого мира был бы мир, состоящий исключительно из внутренне справедливых (согласно Ролзу) государств.

Однако становится ли отсутствие мирового правительства (и перспектив его создания) препятствием в достижении глобальной справедливости? Конечно же нет. Люди в исторически беспрецедентных масштабах вступают в мириады контактов друг с другом за пределами районов, обозначенных границами национального сообщества или государства. При таком взаимодействии возникает альтруистический мотив развития справедливых отношений с людьми за пределами национального сообщества. Чем выше повторяемость взаимодействий, тем больше стремление к закреплению желаемого образца поведения и институтов его обеспечения. Глобализация, несомненно, усиливает тягу к справедливости.

До известной степени **справедливая система может быть учреждена посредством наднациональных, конфедеративных образований.** Предполагается, что взаимные обязательства государств-членов подобного союза в отношении своих граждан более значимы, чем в отношении граждан третьих стран. Таким образованием считается Европейский союз (несмотря на отсутствие полной конфедерации). **Государства-члены обеспечивают защиту граждан других государств — членом Союза наравне с защитой собственных граждан.** Союз, с другой стороны, по своему усмотрению распределяет доходы, стремясь к снижению разрыва в развитии и доходах. На страже идеалов справедливости стоят наднациональные институты.

Прототипом справедливой системы служит и **международная система правосудия (юстиции).** Речь идет не только о трибуналах или арбитражных механизмах, которые разрешают споры между государствами, таких как Международный суд. Концептуально они не новы.

В последние годы сложилась практика учреждения уголовных судов для рассмотрения дел о преступлениях в ходе

кровавопролитных внутренних конфликтов и массовых нарушений прав человека. Были учреждены трибуналы по преступлениям в бывшей Югославии, Руанде и Сьерра-Леоне. Кульминацией этого процесса стало учреждение Международного уголовного суда. Юрисдикция этих трибуналов явно ограничена, равно как и дела, которые они рассматривают. Концептуально они тоже не представляют собой прорыва в юриспруденции. Ответчиками выступают люди (физические лица), и международные суды фактически заменяют собой национальные. Тем не менее они представляются важными институтами.

С другой стороны, такие судебные органы придают системе новое качество, что позволяет гражданам подавать жалобы на собственные государства в международные инстанции.

В этом смысле **международные суды по правам человека обладают значительным потенциалом для учреждения всемирного правосудия**. Подлинным символом успеха стал Европейский суд по правам человека.

Латинская Америка и Африка следуют европейской модели транснациональной судебной системы, но здесь транснациональное прецедентное право не оказывает такого влияния на функционирование национальных систем правосудия, как в Европе.

Высказывались даже идеи о создании всемирного суда по правам человека. Такой трибунал, вероятно, никогда не будет учрежден по двум причинам. Прежде всего, было бы трудно вписать его в растущую сеть региональных судебных органов. Европейцы, конечно, вряд ли усмотрели бы в таком укрупнении целесообразность. Во-вторых, большой группе стран (прежде всего США, Китаю и Индии) будет трудно принять его юрисдикцию. В отличие от уголовных судов, здесь ответчиками должны выступать государства, а не только физические лица или даже бывшие сановники. Преодолеть этот барьер было трудно даже в Европе.

Миру известны различные модели всемирного суда (трибунала). Всем им присуще общее качество: низкая вероятность осуществления.

Справедливость в распределении: новые дилеммы

Эксперты обсуждают вопрос о том, до каких пределов должна распространяться справедливость в распределении. В какой степени справедливость может проявляться в международных позитивных правах? Некоторые авторы считают, что если абсолютная нищета должна закономерно образом заботить международное сообщество, то обстоятельства относительной бедности не заслуживают такого внимания. Однако на понимание справедливости влияют и другие факторы.

Международные санкции и правосудие. Новый свет на понимание справедливости в глобальном распределении проливает вопрос о так называемых невоенных международных санкциях. Таковые прочно закреплены в международном праве как разумное средство принуждения. Ролз не сомневаясь включил их в свою теорию как законную меру воздействия. Однако практика развивается в сторону таких санкций, которые не наносят заметного вреда рядовым гражданам страны, против которой они применяются. Это так называемые избирательные, целенаправленные или «умные» санкции. Они призваны нанести вред избранной группе людей — как правило, руководителям или высоким должностным лицам другого государства. Такие санкции могут касаться предпринимательской или финансовой деятельности, введения запрета на поездки и т.д. Однако на практике не всегда удается уменьшить непреднамеренные последствия санкций. В то же время остаются в силе старые варианты всеобъемлющих санкций (например, санкции США против Кубы). Но тенденция в целом очевидна: невинное общество не должно страдать от политики правителей, особенно в ситуации, когда правитель

не обладает демократической легитимностью. Всего за несколько десятилетий концепция санкций была существенным образом изменена на основе идей справедливости. Теперь переосмысление этого феномена происходит еще более интенсивно.

Государства давно утратили неограниченный суверенитет в отношениях с собственными гражданами. Они также лишились значительной свободы действий в отношении граждан других стран. Тенденция очевидна: государства должны соблюдать принцип непричинения вреда гражданам других стран. Пока это касается экстремальных ситуаций (в том числе случаев отказа в приеме беженцев или нелегальных иммигрантов в чрезвычайных ситуациях). Так концепция универсальных, надгосударственных прав человека становится все более заметной на практике, и на наших глазах возникает новая интерпретация глобальной справедливости.

Справедливость и доступ к природному сырью и товарам. Еще один аспект справедливости в распределении, который представляется важным, — это доступ к сокращающимся природным ресурсам. Скудные залежи сырья или их истощение, несомненно, выступают факторами, которые существенно влияют на перспективы развития стран.

В первое десятилетие XXI века динамичный рост в развивающихся странах привел к подъему цен на некоторые виды сырья до беспрецедентного уровня. Независимо от попыток регулировать поставки, чтобы предельно увеличить прибыль (наиболее показателен пример активности картеля ОПЕК на нефтяном рынке), проблема недискриминационного доступа к сырью в принципе все еще стоит не очень остро.

Однако признаки дефицита появились после того, как в 2010 г. Китай ввел так называемый экспортный лимит (или даже запрет) на некоторые редкоземельные элементы, используемые в первую очередь в электронике и при производстве мобильных телефонов (Китай удовлетворяет до

97% мирового спроса на данное сырье). Эти ограничения на экспорт обосновывались охраной окружающей среды и здоровьем населения. Обозреватели, в свою очередь, рассматривали действия Китая как форму косвенных санкций против Японии в контексте напряженности, которая возникла между двумя странами в 2010 г.

Всемирная торговая организация, регулирующая торговые споры, сочла эмбарго необоснованным; основным аргументом ВТО было то, что ограничения не распространяются на внутреннее производство и потребление. Китайские ограничения (включая тарифы) на экспорт редкоземельных элементов имели определенное обоснование, в том числе экологические причины (разрушительные для окружающей среды условия эксплуатации). Но экологические проблемы не могут быть решены методом экспортных ограничений.

Правила ВТО позволяют вводить экспортные ограничения для предотвращения или смягчения остроты «критического дефицита». Правда, эта категория туманна и непоследовательна, но государства сознательно отказываются ее конкретизировать. В смысле справедливости в распределении указанная норма подтверждает право каждой богатой ресурсами страны с большим вниманием относиться к потребностям собственных граждан, чем к потребностям граждан других стран. Можно сказать, что постановления ВТО, хотя они, несомненно, мотивированы экономическими соображениями, уточняют (ограничивают) эти правила приоритета, а также поощряют совместную разработку принципов справедливого доступа к сырьевым ресурсам во всем мире. Проложит ли такое мышление путь к справедливому распределению других скудных ресурсов?

Доступ к воде с точки зрения справедливости в распределении — вопрос гораздо более сложный. Вода — это конечный ресурс, поэтому проблема справедливости, как и в случае распределения каждого конечного блага, теоретически здесь применима. Доступ к воде имеет практическое

измерение. С древних времен вода была предметом споров и конфликтов, как внутренних, так и международных. Рост численности населения, промышленное и сельскохозяйственное использование водных ресурсов, а также изменение климата ставят проблему безопасности водных ресурсов на важное место в международной повестке дня. Совершенствование управления водными ресурсами становится глобальной необходимостью.

С концептуальной точки зрения проблема приобретает все большую остроту: определять ли воду как право человека или как товар? Таким образом, следует ли регулировать управление водными ресурсами согласно Всеобщей декларации прав человека или правилам торговли? Конечно, ответ во многом зависит от региона и страны и сводится к определению целей, в которых потребляется вода. В развивающихся странах, особенно с высокой плотностью населения и системной нищетой, вода рассматривается как одно из прав человека. Там 95% ресурсов используется на нужды домашних хозяйств. В развитых странах потребление воды в домашних хозяйствах составляет около 40% (45% потребления приходится на долю промышленности и 15% — сельского хозяйства), поэтому вода всегда будет рассматриваться как товар. В международных дебатах все чаще высказывается мнение о целесообразности лицензирования права пользоваться (но не права владеть) водой. Таким образом, развивается идеологическое измерение ценообразования на воду. Исторически цены на воду повсеместно недооценивались. В условиях растущего спроса водные ресурсы недопустимо оценивать на таком низком уровне.

Бывший Генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос-Гали опасался, что следующая война в регионе бассейна Нила будет вестись за воду. Вопрос регионального сотрудничества в управлении водными ресурсами в Средней Азии стоит менее остро. Но и там ему суждено перерасти в стратегическую проблему.

Угрожают ли миру войны за воду? Пожалуй, что нет, так как в мировом масштабе проблема все еще (несмотря на изменения климата) состоит не в дефиците водных ресурсов, а в доступе к ним. Однако вода уже становится одним из аспектов справедливости в распределении.

Последствия изменения климата и принципы справедливости. Еще одна проблема — изменение климата. Сокращение выбросов парниковых газов стало предметом международных нормативных актов. Глобальные инструменты этих соглашений, направленные на укрепление режима сокращения выбросов парниковых газов, по-прежнему не вполне универсальны. Убедительный аргумент развивающихся стран заключается в том, что во имя более широких интересов международного сообщества в деле ограничения последствий глобального потепления их призывают жертвовать своими возможностями в области экономического развития. Для богатых западных обществ это не дилемма. Они готовы отказаться от дальнейшего накопления материального благополучия ради улучшения или даже поддержания экологического качества жизни. Они готовы пожертвовать экономическим ростом (а главное — уровнем потребления), чтобы избежать социальных потрясений, вызванных неконтролируемым изменением климата. Для многих динамично развивающихся стран Юга это важная политическая проблема. Они опасаются, что ограничение «грязных технологий» снизит конкурентоспособность их экономик (доступ к «чистым технологиям» поставит их в зависимость от Запада, а более высокая цена технологий снизит конкурентоспособность собственного производства). Самое главное, что вопрос самоограничения во имя всемирных интересов не находит там широкой социальной поддержки.

Новый феномен состоит в том, что изменения климата более не ограничиваются вопросами «справедливости в распределении». Теперь это еще и вопрос политической справедливости.

Широкую и горячую поддержку идее снижения темпов изменения климата оказывают малые островные государства. Такие страны, как Мальдивские острова, Кирибати или Тувалу, столкнулись с угрозой полного исчезновения. Исчезновение целых островных государств с карты, как сообщается, неизбежно. Независимо от ограничений на выбросы парниковых газов уровень океанских вод будет расти. Проблема, затрагивающая саму суть справедливости, заключается в праве граждан этих стран сохранить атрибуты суверенитета («нет равенства без суверенитета»), несмотря на потерю территории. Было даже предложено ввести новую категорию: *детерриториализованные государства*. Они сохраняют международную правоспособность (правосубъектность), право на территориальные воды и экономическую зону (и доходы от них), систему распоряжения собственными финансами и место в международных организациях. Граждане этих стран должны будут переехать на территорию других государств (вероятно, образуя диаспору), но сохранят гражданство страны рождения. Право сохранения признаков государственности и гражданства выводится авторами таких предложений из идеалов справедливости.

Императив дальней перспективы

Глобализация сгущает сеть интересов. Интересы становятся все более взаимозависимыми, они пересекаются. Одна из самых больших проблем с точки зрения сохранения справедливости — избежать ловушки местничества и узости взглядов. Если дискуссия о требованиях справедливости ограничивается конкретным местом — страной или даже более крупным регионом, — существует опасность игнорирования многих важных контраргументов, которые могут возникнуть в другом месте и которые заслуживают безотлагательного и беспристрастного рассмотрения. Национальные привычки, традиции, слепые алгоритмы и

шаблоны оценки становятся здесь ограничивающими факторами. Для Сена так понимаемая «узкая беспристрастность» ущербна по отношению к первоначальной идее справедливости и честности. Вслед за Адамом Смитом он вводит постулат беспристрастного наблюдателя, но в более широкой перспективе. Сен пишет о «внимании издалека». Он поощряет дальнюю перспективу.

Мы привыкли преодолевать «узкую беспристрастность» наднациональными факторами: нормами и институтами. Это взгляд не столько *издалека*, сколько *сверху*. Он связан с созданием наднациональных институтов, разделением или уступкой суверенитета. Решения международных судебных органов в правовом аспекте и резолюции Совета Безопасности или директивы Европейского союза (в политическом и правовом аспектах) служат примерами такого нисходящего взгляда. Рекомендации и мониторинг со стороны международных учреждений — это тоже взгляд сверху вниз, но совещательной природы.

Более эффективным может оказаться взгляд со стороны. Его все чаще практикуют в международных организациях, и не только в рамках «рецензирования» и «экспертной оценки». Такое изучение «со стороны» возможно даже без участия международных организаций, а, скажем, путем вовлечения иностранцев в решение внутренних вопросов. Например, все более распространенной становится практика приглашения иностранных арбитров для проведения особо важных матчей в национальных футбольных лигах. Аналогичная практика может найти применение в политической и правовой сферах.

В прошлом «взгляд издалека» вызывал мысли о троянском коне, за которым последует навязывание иностранных обычаев и стандартов оценки. Такие опасения сильны и сегодня, особенно среди стран, находившихся в прошлом под иностранным господством. С другой стороны, для некоторых стран использование иностранных судебных решений — основа для обеспечения справедливости. В судах

Сан-Марино решения выносят только судьи-граждане иностранного государства (Италии), которые к тому же проживают на определенном минимальном расстоянии от границ страны. Жители Андорры отказались от собственной системы правосудия. Гарантией беспристрастности служат только решения ряда иностранных судов.

Принцип «дальней перспективы» может вызвать естественное сопротивление. Амартия Сен, например, рекомендует применять его в вопросе о смертной казни. Похоже, что, скажем, американцам было бы трудно принять дальнюю перспективу. Не только американцам. В 2011 г. значительный международный резонанс вызвала нервная реакция британской политической элиты на решение Европейского суда по правам человека изменить британский принцип лишения заключенных избирательных прав. Материально-правовые аргументы не имели значения. Суд поставил под сомнение вековую практику, применявшуюся на Британских островах. С точки зрения британцев, речь шла о незыблемости традиции.

Однако же дальняя перспектива представляется более осмысленной.

В одной из серий четвертого сезона американского телесериала «Западное крыло» спичрайтер президента «раскопал» давнюю речь президента, тогда претендента на высший государственный пост, в которой тот постулирует, что американская политика должна основываться на ценностях и принципах, а не только на интересах. Помощник использует этот аргумент, чтобы убедить президента вмешаться в ситуацию, сложившуюся в выдуманном государстве Кунду, где в это время происходит геноцид. Диалог спичрайтера с президентом в сжатой форме затрагивает ключевой для изложенных здесь рассуждений вопрос: «Почему жизнь кундунийца менее важна для нас, чем жизнь американца?» — «Не знаю, сэр, но это так».

В международных отношениях, основанных на «племенном принципе», аксиоматично, что жизнь соплеменника (и его благополучие) обладает большей ценностью, чем жизнь чужака. Моральное замешательство происходит оттого, что объяснить эту аксиому становится все сложнее.

* * *

С точки зрения поговорки «Кровь не водица» («Свой своему поневоле брат») Ролз рекомендует истолковывать принцип беспристрастности как принцип равного удаления в отношениях с соотечественниками и иноземцами (гражданами иностранного государства). Однако глобализация расширяет эмпатию до границ, в которых мы в отношениях между «своими» и «чужими» исповедуем не столько принцип равной удаленности, сколько принцип «равной близости». Пусть пока еще мы не достигли степени сопереживания, о котором говорят космополиты. Человек все еще привязан к месту. Однако горизонты эмпатии со всей очевидностью расширяются.

Протесты участников движения *Black lives matter* («Жизни чернокожих важны») вышли далеко за пределы США, где они зародились. Дискриминация чернокожих вновь захватила воображение мира. Судьба народа рохинджа или уйгуров пока не вызывает столь же сильных эмоций. Но это, несомненно, произойдет.

ЛЕКЦИЯ VII

ПОСЛЕДНЯЯ УТОПИЯ

Одной из причин «психополитической дрожи», характеризующей современную переходную эпоху в международных отношениях, возможно, выступает факт **отсутствия ясного, прозрачного и привлекательного видения их трансформации.**

В международных отношениях девяностые годы прошлого века рассматриваются как фиаско утопии **«порядка после холодной войны», основанного на либеральном мире.** То было время надежд на торжество западных ценностей, многосторонний мир и конец силовой политики. Конфликтам суждено было стать предсказуемыми и управляемыми, войнам — происходить редко (как аномалиям) и не приводить к большим потерям. Международное право призвано было предотвратить эксцессы в политике руководителей государств. Международное гражданское общество должно было играть важную роль в формировании политики, перенимая часть функций государства в его традиционной, исключительной роли. Эта утопия, западная в своей генеалогии и образе мыслей, несомненно, родилась из опьянения победой над коммунизмом, из убеждения, что Западу уготовано безоговорочное политическое, экономическое и идеологическое первенство.

В конце девяностых годов прошлого века появилась новая мечта — **«утопия глобализации»**, слепая вера, что процессы глобализации сами по себе решат все проблемы: глобализация принесет процветание государствам и каждой личности, а процветание, в свою очередь, остановит конфликты и войны. Упоминалась теория McDonald's Томаса Фридмана (страны, в которых работают рестораны McDonald's, не вступают в войны друг с другом) и другие доктрины. Теория McDonald's не сработала — по крайней мере, на полуострове Индостан (и не только), к которому

она была применена в первоначальном виде. Фридману пришлось трансформировать ее в теорию Dell (страны, которые входят в цепь поставок в рамках некоей глобальной корпорации, не ведут между собой войн), но и в этом виде она во многом выдавала желаемое за действительное. Такую же судьбу ожидал тезис, будто глобализация сделает ненужной международную политику и снимет с государств бремя внешней политики.

Кажется, что период иллюзий и благородного идеализма остался в прошлом. Сегодня, по крайней мере в политике, доминирует прагматизм. Отдельные субъекты мировой политики ориентируются на практические (и далекие от целостности) политические доктрины. Американцам часто приписывают упрощенные взгляды на преобразование мира по американскому образцу. Мир должен уподобиться Америке, исполнившись демократии и свободы, в том числе свободы частного предпринимательства и торговли. Президент Обама останется в исторической памяти как политик, освеживший в сознании мирового сообщества видение мира без ядерного оружия. Европа ассоциируется с видением мира верховенства права и институтов, норм и правил, и в частности, мира, свободного от смертной казни и дискриминации, в том числе в отношении уязвимых групп, таких как ЛГБТ. Китаю, Индии и другим стремительно развивающимся державам приписывают картину мира, в котором никто не вмешивается во внутренние дела друг друга, никто не диктует другим политический курс, а судьбы мира определяются посредством консенсуса. У России образ страны, постулирующей многополярный мир, разделенный на сферы влияния, причем представители «полюсов» не должны смешивать друг другу карты.

В целом идеалистические нотки из политического дискурса исчезли.

Мировой политикой больше не движет прекрасная утопия. Единственная утопическая идея, которая может стремиться к универсальной роли, — это **видение**

мирового правительства. Но это также институциональная, а не моральная идея. Прошло ли время утопий бесспорно? А если нет утопии, если она исчезла, то что послужит источником благородного вдохновения для пересоздания мира в соответствии с моральными началами?

Практическая полезность утопии

В прошлом людям нужны были утопии. Каждый, даже очень практичный проект восстановления мира соотносится с нашим цивилизационным спросом на утопическое видение и связанные с ним эмоции.

Утопии мобилизуют человека на изменение мира, хотя редко, если вообще подходят для практической реализации. Зигмунт Бауман отмечает, что со времен Томаса Мура и благодаря ему считалось, что общество без движущей им утопии — это общество, неспособное жить, а жизнь без утопии не стоит того, чтобы жить.

Видение, заключенное в утопические теории, было своего рода светом, освещающим тьму на трудном пути прогресса, даже если идеи, на которых основывалось видение утопии, не обязательно имели практическое применение. По словам Баумана, **целью прогресса была не столько реализация утопии, сколько движение к ней.** Осуществление утопических планов не имело значения. Говорилось о том, что желания, мотивы, убеждения, заложенные в утопии, приведут человечество к лучшему мироустройству. Так, **утопии наполняли существование положительной энергией.**

Однако, утверждает Бауман, на практике **прогресс соотносился не столько с преследованием утопии, сколько с бегством от неудачных утопий.** Таким образом, общества направлялись по пути прогресса, стремясь отвергнуть неудачный, тягостный опыт. Лишь относительно редко речь шла об очарованности новыми планами.

На жизненном пути человека утопии также играли мотивационную роль. Владислав Татаркевич органично вписал утопию в понятие человеческого счастья. У него нет сомнений, что «для счастья человек должен быть счастлив в собственной жизни, а счастье в жизни невысказимо без счастья в целом мире». **Понятие утопии было концепцией достижения счастья.** То есть «на человека влияют не только отдельные события, происходящие в мире, но и общая структура мира или по меньшей мере образ структуры, который он для себя создал». Таким образом, «удовлетворенность жизнью и довольство миром чаще всего сочетаются друг с другом, потому что по собственной жизни человек создает картину мира, а по картине мира истолковывает собственную жизнь». Утопии, следовательно, задают желательное устройство мира в относительно широком смысле, без которого человек не смог бы эффективно оценить собственную жизнь, пусть даже жизнь окружающих его людей пребывает основной плоскостью, мерилom для оценки удовлетворенности собственной жизнью.

В принципе, на мобилизационную роль утопии обратили внимание только в век Просвещения с ускорением темпов промышленной революции. Утопии происходили из убеждения, что человек в силах построить завтрашний день в соответствии с собственными желаниями. Утопия невозможна без чувства «власти над временем».

Ранние утопии были религиозными и философскими построениями, призванными нести утешение и душевный покой. Не случайно они были обращены к образу потерянного рая, миру прошлого. **Древние (например, Гесиод или Овидий), как правило, помещали золотой век в начало времен.** Утопии прошлого были необходимы в эпоху, когда время замерло на месте, завтрашний день был точным слепком сегодняшнего, а мир требовал жертв, не обещая смягчения страданий. Надежды на перемены в судьбе к лучшему были призрачны, и утешение в отсутствие перспектив на будущее надлежало черпать в далеком прошлом.

Таков был и ветхозаветный миропорядок, наряду с описанием мира тремя авраамическими религиями. Однако три великие религии сообщили человеку уверенность, что, несмотря на утрату рая, время совершит полный круг и эпоха счастья и гармонии вернется.

Великий философский вопрос, неизменно сопровождавший утопии, состоял в путях достижения совершенного мироустройства. Заключалась ли картина лучшего мира в том, чтобы изменить самого человека, сделать его лучше, или в том, чтобы дать ему ощущение счастья?

Первые утопические концепции были сосредоточены на рационализации человеческой личности, извлечении лучших ее качеств и в меньшей степени на удовлетворении потребностей, которое могло бы принести человеку чувство довольства и счастья. Для Платона целью утопии («Государства») был благой миропорядок, а не счастье. Мур замыслил свой остров совершенства, чтобы люди могли освободиться от кабалы тела и развивать свободный дух. Утопией управляла моральная идея справедливого распределения прав, обязанностей и материальных благ. Кампанелла, в свою очередь, построил свой «Город Солнца» на концепции порядка, где каждая человеческая добродетель управляется должной канцелярией, а в авангарде шествует «министерство любви».

Даже когда понятие утопии совпадало с понятием достижения счастья, речь шла не просто об эвдемонистском пути. Ранние утопии были в своем роде морально жесткими учениями. Только в XIX веке утопии стали вдохновляться собственно идеей сделать людей счастливыми. Сен-Симон ссылаясь на более ранние идеи достижения процветания (к сожалению, процветания многотрудного, вытекающего из искоренения праздности и учреждения диктаторских правительств профессионалов). Э. Беллами назначил 2000 год датой достижения счастья через процветание. Но материальным богатством дело не ограничилось. Об этом замечательно написал (много лет спустя) Олдос Хаксли. Его

всемирное государство должно было обеспечить людей не только материальными благами, но и хорошими психологическими условиями. То была образцовая утопия, ориентированная на счастье, а не на совершенство людей. Дивный новый мир строился на заветах счастья.

Современные утопии, в отличие от райских видений, порожденных религиозными системами или идеализированными образами общества, которые философы использовали в качестве основы нравственных учений, были утопиями практическими и потому основывались на убеждении, что их осуществление подвластно людям. Социализм (коммунизм) был такой практической утопией. Попытка ее реализации оказалась, однако, жестоким и неудачным испытанием. Возможно, именно провал коммунистической утопии раз и навсегда лишил человека желания строить новые философские утопии.

Современные утопии, подчеркивает Бауман, нуждались в двух условиях. Во-первых, во всепоглощающей (даже если она не сформулирована) вере в то, что мир функционирует не так, как должен, и не способен самостоятельно запустить процесс восстановления. Вторым условием была вера в то, что человек способен преобразовать мир к лучшему, будучи в состоянии поставить точный диагноз поразивших общество бед, а также располагая идеями и инструментами для их устранения.

По мнению Баумана, ранние, **домодернистские утопии следовали мышлению пастуха**, первым долгом которого была защита естественного баланса между природой и стадом, защита пастбища от злоумышленников (людей и хищников). Мышление пастуха основано на убеждении, что реальный мир — лучший из всех возможных, что он — воплощение высшей идеи, его состояние — часть высшего замысла, не обязательно претворенного в жизнь человеком. Поэтому мы должны в первую очередь защитить мир от искусственного вмешательства, воздержаться от соблазнов вмешиваться в ход вещей.

В свою очередь, модернистские утопии пронизаны мышлением садовника. В соответствии с последним без постоянной заботы и внимания, без настойчивых усилий и работы мир погрузился бы в хаос и беспорядок, как заброшенное поле, заросшее сорняками и не приносящее урожая. Мышление садовника предполагает, что первой идеей должен быть план развития сада, разбиения клумб, посадки деревьев и кустарников в подходящей местности и должном количестве. План необходимо реализовать, начиная с удаления нежелательных побегов, сорняков и самосеянных растений. Затем садовник внимательно следит и ухаживает за саженцами. Модернистское мышление садовника ознаменовало золотой век утопии.

Бауман связывает постмодернизм с падением утопии. Таким образом, отсутствие в наши дни привлекательных представлений о новом международном порядке обусловлено глубокими социологическими предпосылками. Падение утопии Бауман объясняет процессом **замещения мышления садовника мышлением охотника.** Охотника вряд ли занимают понятия гармонии и равновесия. Все, что его интересует, — это цель, захват, преследование и охота. Если охотничьи угодья не дают надежды на успешную охоту, то происходит смена местности, причем при необходимости охотник переходит на уже занятый участок. **Мир стал уделом охотников — одиноких или объединенных в тактические сообщества. В мире охотников нет места утопическим фантазиям.** Время скачет от охоты к охоте. Все мысли сосредоточены на ближайшей добыче. Даже если у одного из членов общества созрел план обустройства мира и появился энтузиазм по его воплощению, индивидуализированное сообщество охотников невозможно настроить на эффективные действия. Невозможно также найти ресурсы и инструменты. Изменение мира не по средствам. От этой затеи нужно просто отказаться. Стоит только подумать о затратах, связанных с переходом мира на экологически чистое сельское хозяйство, искоренение

голода, нищеты и болезней! Было бы замечательно найти силы и ресурсы, но это невозможно сделать! Такова логика в рамках этого мышления.

Согласно Бауману, постмодернизм изменил концепцию прогресса. От концепции *разделяемых улучшений* парадигма интересов перешла на уровень *личного выживания*.

Пребывание в группе охотников становится главной движущей силой сообщества. Тот, кто выпал из группы, неизбежно становится жертвой. **Мир стали разделять на две простые группы: победителей и проигравших.** Воплотилось ли это мышление в действиях крупных социальных групп, в действиях государств на международной сцене? Синдром охотника в международной политике определенно отражается в головокружительной популярности поговорок о том, что *«ты либо за столом, либо в меню»*.

Сосредоточение на цели (добыче) почти не оставляет времени на размышления. Утопия охотника — это утопия импульса, погони и в то же время это дерегулированная, очень личная утопия. Погоня становится привычкой, рефлексом, побуждением к действию и одержимостью. Трофеи не снижают напряжения, а только обостряют аппетит к новой добыче. Всех подгоняет осознание, что отказ от охоты превратит охотника в жертву.

Личностная утопия может быть залогом новой роли, которую человек привносит в международную политику. Возможно, действующие политики находятся под ежедневным давлением такой утопической погони.

Метафорическое видение, изложенное Бауманом, несмотря на известное преувеличение, точно отражает психическое состояние, царящее во многих западных обществах. **Синдром вечного бега, чувство недостижимости покоя, довольства, невыполнимости миссии хорошо описывают отношение к жизни членов потребительских обществ.** Это своего рода бесконечная утопия, утопия как процесс. В отличие от утопий предыдущих эпох,

постмодернистская утопия — не столько далекая, недостижимая цель, сколько ряд достижимых, осязаемых целей. **Это не цель в конце пути, а собственно путь.**

Подобная утопия не придает жизни смысла, но устраняет вопрос о смысле жизни как таковой.

Изменение парадигмы социальной утопии неизбежно влияет на политику. Горизонт политических действий ограничен сроками полномочий парламента и президента, а политика в западных странах — горизонтом следующих выборов. **Подобно постмодернистскому охотнику, политик сосредоточивает все внимание на следующих выборах.** Он живет от выборов к выборам, от должности к должности. Обстоятельства только разжигают желание оставаться в гонке, получить следующий пост.

Сложнее отказаться от утопии в международной политике. Не только потому, что в ней все еще сочетаются все три образа мыслей — пастуха, садовника и охотника. Интересно, что классические утописты прошлого (Мур, Кампанелла и др.) не пытались выстроить иллюзию превращения всего мира в утопическую модель. Они оперировали образом оазиса совершенства. Своего рода аномалия на фоне несовершенной реальности. Сегодня, и не только из-за логики глобализации, может показаться, что все оазисы — это лишь переходный этап в универсализации поведенческих узоров.

Утопии международных отношений и всемирного государства

Любопытно, что утопии международных отношений редко появляются под знаменем утопии как таковой. Картины мира возникают как телеологическое видение в рамках философских концепций.

Иммануила Канта следует назвать философским покровителем многих искателей совершенной формулы всемирной государственной системы. *Civitas gentium*

(государство народов), образующее часть постулата о вечном мире, должно было, постоянно расширяясь, охватить все народы. Мировая республика Канта, однако, осталась классической утопией. То был проект мирной федерации (*foedus pacificum*), призванной защитить свободу и суверенитет конфедеративных государств. Эта мирная федерация подлежала бы действию космополитических законов, которые позволяли людям перемещаться, хотя для поселения на чужой территории требовалось бы согласие проживавших там людей. **Веками кантианская утопия мирной федерации вдохновляла сторонников идеи всемирного государства.**

Другое утопическое видение космополитической системы управления миром воплощено в **марксистской идее глобального сообщества без государства.** Мировая пролетарская революция должна была охватить всю планету, упразднив классы, а значит, и орудие классовой эксплуатации, которым выступает, согласно этой доктрине, государство. Ленину пришлось приспособить оригинальный тезис Маркса к условиям, при которых революция не имела глобального характера, а пролетарское государство функционировало во враждебной среде. Он уверенно полагал, что число пролетарских государств неизбежно умножится, а когда они охватят весь мир, **всеобщее пролетарское государство** немедленно начнет отмирать.

Идея всемирного государства волновала умы и как классическая утопия. Еще Данте писал о мировом правительстве. В «Пире» он утверждал, что наиболее эффективным способом искоренения войн станет провозглашение мирового монарха с правительством под его защитой, потому что таким образом все земли окажутся под единым управлением, и некому будет бороться за территориальное господство. Имея все, мировому монарху не придется желать новых земель, а главное, ему будет не с кем сражаться. Логика извращенная, но логика. В трактате «О монархии» идея всемирного государства нашла свое идеологическое

подкрепление. Всемирное государство символизировало единство человечества, общность целей, устремлений и ценностей. Это сообщество могло быть реализовано только в условиях политического единства мира, а единство — только скипетром всемирного монарха. Он стал бы верховным судьей и посредником в спорах между низшими правителями, гарантируя применимость всеобщих прав. Он стал бы светским правителем мира, так же как римский папа считался его духовным владыкой.

Другие политические мыслители более скептически относились к идее всемирного государства. Гоббс, описывая экспансию национального Левиафана, не видел необходимости в его расширении для охвата всего мирового пространства. Более желательной альтернативой представлялось создание глобального сообщества «национальных левиафанов». Руссо, в свою очередь, считал, что достаточно реализовать идею общественного договора в отдельных странах, чтобы устранить необходимость в мировом правительстве.

Тем не менее со времен Гуго Гроция идея всемирного государства объединяет множество черт, логически образующих проект преобразования мира.

Мировой федерализм жарко обсуждали в период окончания Второй мировой войны. Карл Поппер связал видение открытого общества с идеей мирового правительства. Проекты всемирного государства увлекали в ту пору массовое воображение, а энтузиазм вокруг создания ООН заставил людей задуматься о дальнейших путях развития этой организации. В 1948 г. Чикагский комитет опубликовал подробный проект мировой конституции, который мог бы стать основой «всемирной республики».

Идея всемирного государства была не просто эманацией идеализма в теории международных отношений. Именные представители реалистической школы, Ганс Моргентау и Рейнгольд Нибур, утверждали, что развитие потенциала ядерного уничтожения делает глобальное государство

логичной необходимостью. Впрочем, популярность идей мирового федерализма упала с началом холодной войны.

Представители политического класса сочли идею всемирного государства неосуществимой фантазией, доктриной, лишенной всякого практического смысла.

Критики усомнились и в пользе от такого проекта. Согласно распространенному контраргументу, существующая система множества государств рассеивает власть, в то время как **единый центр политической власти приведет к ее чрезмерному сосредоточению. Так может зародиться тирания.** Это разрушило бы плюрализм политических (если не национальных) культур и, таким образом, привело мир к упадку. Вместо рождения глобального гражданства как субъекта международной политики над гражданами был бы просто учрежден еще один уровень власти.

Тем не менее идея всемирного государства не утратила значения. В последние два десятилетия она вновь возродилась в основном благодаря глобализации.

В 2000 г. Юрген Хабермас увидел **во всемирном государстве единственную эффективную гарантию соблюдения прав человека.** Он призвал к созданию мирового парламента на основе гражданской инициативы. Говорилось также об учреждении всемирного уголовного суда. Направление политических решений, согласно этой теории, предполагалось определять путем глобальных референдумов.

Относительный ренессанс идеи всемирного государства объясним и понятен. **Глобализация высветила слабые стороны концепции национального государства.** Оказалось, что глобальные проблемы не всегда могут быть эффективно решены за счет активизации деятельности на местах. **Возрос разрыв между масштабом глобальных проблем и пределом эффективности национальной политики.** Растущее число международных образований, включая число государств (которое выросло в четыре раза после Второй мировой войны, почти сравнявшись с

двумястами), усугубило так называемую **проблему коллективных действий**. Эта проблема объясняется эффектом распространения ответственности. Хотя все страны страдают от одних и тех же глобальных проблем и каждая из них выиграла бы от их успешного решения, большинство участников международных отношений предпочли бы, чтобы бремя решения взял на себя кто-то другой. В результате этого естественного, рефлекторного наблюдения друг за другом никто не чувствует обязанности действовать, и каждый несет издержки из-за того, что проблема осталась нерешенной.

Сторонники мирового правительства утверждают, что его учреждение не гарантирует решения глобальных проблем, но в этой идее единственная надежда, что они будут успешно решены. Финансовый кризис 2008 г. дал сторонникам мирового правительства новый аргумент — необходимость взять под контроль глобальную мощь капитала, которую национальные государства не могут контролировать в эпоху глобализации.

Однако в течение многих лет самым важным аргументом был страх перед мировой ядерной войной. Во время холодной войны мир исходил из перспективы достаточно предсказуемой конфронтации двух систем; мир держался только на принципе *взаимно гарантированного уничтожения*. После падения коммунизма стабильность системы оказалась нарушена. Появились новые угрозы распространения ядерного оружия (Иран), и выросла угроза обладания оружием массового поражения террористическими и преступными группами. Это сделало систему сдерживания уязвимой перед неконтролируемой эскалацией, которая может быть вызвана халатностью ядерного государства, или простой паникой, или страхом. Создание ракетного щита, который защищал бы от безответственного применения оружия массового поражения, также, по мнению некоторых экспертов, выступает суррогатным ответом на угрозу неконтролируемой эскалации. Возможна ли перспектива

безъядерного мира, впервые за много лет озвученная в мировой политике президентом Обамой в 2009 г., без нового института глобального управления — вопрос спорный.

Идея всемирного государства и ее распространение — это отнюдь не только удел левых интеллектуалов и активистских сообществ в западных странах. Ее можно обнаружить и в современной политологии Востока. Китайские модели, например, соотносятся с традиционной китайской концепцией Поднебесной (Тянься). В Китае считают, что Западу не удастся смотреть на мир как на единое целое, что Запад в первую очередь видит национальные дихотомии, а взаимные отношения воспринимает как область, в которой доминируют конкуренция и синдром конфликта. В китайских моделях идеи гегемонии заменяются идеями гармонии.

Идею всемирного государства часто вписывают в канон космополитической школы мысли. Главный постулат состоит в отделении государства от наций и национальностей, так же как некогда произошло отделение государства от религии в рамках Вестфальского мира. Космополитическое государство допустило бы сосуществование в одном государственном организме многих национальных идентичностей.

В проектах мирового правительства различимы две тенденции — постулятивная и телеологическая.

Всемирное государство как постулат

Постулятивное видение не направлено на доказательство неизбежности учреждения мирового правительства. Напротив, иногда считается, что **шансы на осуществление этого плана незначительны или отсутствуют**. Однако постулятивное видение основано на убежденности в том, что мировое правительство было бы наиболее эффективным способом решения мировых проблем. Кажется, оно нашло наиболее яркое выражение в доктрине Жака Аттали.

Логика рассуждений Аттали проста. Глобализация ставит мир под контроль рыночных процессов. Глобализация не прекратится до тех пор, пока не будет создан единый рынок. Рыночные процессы не могут функционировать должным образом без верховенства права. В свою очередь, глобальное верховенство права невозможно без всемирного государства. Всемирное государство не выживет без глобальной демократии и связанных с ней институтов.

Имперская формула управления миром, недавним (и, возможно, последним) воплощением которой стал *Rax Americana*, изживает себя. США остаются бесспорным гегемоном — с армией, уравнивающей военный потенциал всех остальных стран, вместе взятых, с самой мощной экономикой и долларом как мировой валютой, с непревзойденным технологическим потенциалом, который знаменует прогресс мысли. По словам Аттали, главной миссией Америки стала защита своей гегемонии, свободы действий, а не решение мировых проблем. **Мир стал слишком сложным, чтобы им могла управлять одна держава.** Ни одна держава, даже коалиция держав, не способна, как описывает Аттали, противостоять системным проблемам мира: массовому перемещению населения, неконтролируемым финансовым потокам, нарушению норм международного права, распространению оружия, катастрофическому загрязнению окружающей среды, сокращению природных ресурсов, трансграничной преступности и так далее.

Ни Китай, ни Индия, пусть даже они успешно развивают свой потенциал, не смогут и не захотят взять на себя ответственность за глобальное лидерство. В мире не будет и китайско-индийского дуумвирата.

Другие кандидаты на мировое лидерство вряд ли вообще перспективны (время Африки настанет еще нескоро, Европа окажется в затруднительном положении из-за проблем, связанных с демографией и интеграцией мигрантов).

Согласно прогнозам Аттали, процессы глобализации будут развиваться неудержимо. Мир станет единым

общим рынком. Рынок будет глобализован, демократия (управление государственными делами) сохранится институционально и процедурно — на местном (национальном) уровне. **Глобального государства пока еще не будет даже в латентной роли.** Аттали, вспоминая классику политической экономии, утверждает, что такой рынок, лишенный государственного надзора, приведет к дефициту спроса, вызовет массовую безработицу и будет способствовать развитию промышленных монополий.

Однако жизнь не терпит вакуума. Институты управления рисками возьмут на себя роль государства всеобщего благосостояния. Страховые компании будут регулировать и контролировать рынок. Со временем страховой сектор возьмет на себя роль правителя мира. Именно страховые компании будут устанавливать нормы желательного и эффективного поведения, с одной стороны, а с другой — подвергать остракизму (посредством запретительных страховых ставок) неприемлемое поведение и ставить его вне закона. Дисбаланс спроса будет компенсирован искусственным ростом частного долга.

Аттали рисует катастрофическую картину. Он показывает, как **социальное неравенство, теневая экономика, экономические преступления и мафиозные кланы превратят мир в «мега-Сомали».** Последний этап этого видения — мир как новый, великий остров Пасхи, некогда рай на земле, ныне лишенный природных ресурсов и сырья, свидетельство падения цивилизации с печальными реликвиями былого великолепия (как статуи моаи на острове Пасхи).

Пессимистическое мировоззрение Аттали явно преувеличено. Он оставляет без внимания естественные тенденции деглобализации, наблюдаемые, в частности, в настоящее время. Он также недооценивает возможности специального управления с использованием существующих структур и платформ.

Факторы глобального системного риска, придающие постулату мирового правительства такую категоричность, в описании Аттали двойственны. Прежде всего, это **локально порожденные угрозы**, которые могли бы опутать и погрузить весь мир в пучину на основе цепной реакции. Таким пандемическим явлением, согласно Аттали, будет инфляция, происходящая из-за неконтролируемой в глобальном масштабе массы денег. Уже сегодня сложно эффективно контролировать как эмиссию денег, так и транснациональную деятельность финансовых институтов. Еще один фактор риска в этом списке — демографические проблемы, особенно неконтролируемый рост населения (9,7 млрд в 2050 г., 11 млрд в 2100 г.). Рост населения может привести к напряженности, спорам и конфликтам и стать причиной войн за продовольствие, воду или право на расселение мигрантов.

Вторая категория угроз связана с факторами риска, глобальными по своему характеру и географическому охвату. Прежде всего речь идет о **сокращении запасов природных ресурсов**. Технический пик кривой производства нефти (дефицит поставок из-за отсутствия инвестиций в месторождения) может быть достигнут уже через несколько лет. Абсолютный пик будет пройден между 2040 и 2060 гг., но его последствия, очевидно, будут более серьезными. Аналогичные, а для некоторых стран еще более тяжелые последствия (ср. с экзистенциальной угрозой малым островным государствам) могут иметь **изменения климата**. Сегодня никто не в состоянии сдержать эту угрозу.

Аттали полагает, что, несмотря на осведомленность об этих угрозах, синдром эгоизма и близорукости по-прежнему доминирует в подходе государств. Страны, особенно крупные и богатые, не столько ищут системное решение угроз, сколько пытаются уменьшить возможные последствия для собственных граждан. **Так что только бедствие огромных масштабов — тотальная ядерная война, крайняя политическая неустойчивость, глобальное**

стихийное бедствие — может вызвать всеобщее и диаметрально противоположное изменение в подходах. И, как следствие, появление мирового правительства как формы шоковой терапии. Всемирная сумятица, однако, может также питать собой авторитарные тенденции. Мир рискует стать заложником тоталитарных идеологий. Аттали описывает угрозу роста двух типов фундаментализма, экологического и религиозного, из которых может возникнуть злоедействующая синергия.

Идеальное мировое правительство, согласно Аттали, не заменит собой национальные правительства. Оно оставило бы им значительную свободу усмотрения, и не только в отношении культурной самобытности народов.

Возможно, мировое правительство окажется единственным эффективным способом переноса примата (и цивилизационной гегемонии) от Запада к новой демографической и экономической реальности (китайско-индийское доминирование).

Мировое правительство будет выполнять две основные функции. Во-первых, оно остановит угрожающее миру насилие. Так что у него должны быть эффективные средства принуждения. Во-вторых, оно отведет глобальные угрозы. Поэтому, помимо военных средств, оно должно обладать прерогативой мобилизации всех ресурсов (финансовых и материальных), имеющихся в распоряжении человечества, для эффективного устранения этих угроз. Так, этот орган должен иметь наднациональные полномочия.

Конституционным фундаментом мирового федерализма будут права и обязанности граждан мира. Они включают, в частности, право на использование мировых общественных благ (право на доступ к воде, воздуху, продовольствию, законы, защищающие частную жизнь, право на свободу передвижения и культурную самобытность). **Каждый житель Земли будет иметь право на мировое гражданство.** Эти права подлежат включению во всемирный кодекс, а также в основные международные договоры.

Аттали, как уже говорилось, не поддается силе идеалистических иллюзий. Он осознает, что нынешние великие державы во главе с США не видят и не увидят необходимости изменений столь фундаментальных, как постулированное мировое государство. Он предполагает, что когда ведущие страны мира осознают необходимость изменить системный порядок в мире, они больше не будут обладать для этого движущей силой. **Так что без кризиса и глубокого катарсиса мировое правительство никогда не появится.**

Все, что может быть предложено сейчас, — это метод небольших шагов: метод частичных соглашений, например, по космической программе или противодействию загрязнению окружающей среды, а также стремление следовать интеграционным процессам в Европе. Аттали утверждает, что **Европейский союз в своей логике постепенного развития стал образцом для создания наднациональных институтов.**

Новый глобальный класс «гиперкочевников» (философов, интеллектуалов, историков, чиновников международного уровня, журналистов, бизнесменов, финансистов, людей культуры и художников) мог бы стать социальным агентом для построения всемирного государства, движущей силой перемен.

Видение Аттали вызывает обоснованные сомнения как в отношении неизбежности катастрофических явлений, так и в отношении оценок неэффективности нынешних государственных и международных структур. Надежды на мировое федеративное государство также могут оказаться чрезмерными. Однако самая большая проблема с видением Аттали касается склонности автора к этатизму. Его видение основано на предположении, будто мировые проблемы могут быть решены не иначе как созданием институтов, вовлечением в дело штата сотrudников, написанием кодексов, введением налогов и т.д. **Слепая вера в причинно-следственную силу институтов может, однако, привести**

к тому, что мировое правительство неизбежно и относительно быстро превратится в глобального Левиафана, растущего через бюрократическое начало.

Удастся ли доктрине всемирного государства освободиться от подозрений в том, что оно лишь станет новой формой господства, новым способом навязывания слабым воли сильного, памятуя о резких различиях между частями света с точки зрения экономического, военного или демографического потенциала?

Всемирное государство как целеполагание

Видение всемирного государства как неизбежности основано на иной логике. **Нравится нам это или нет, но мир рано или поздно придет к мировому правительству.** Такое видение, несомненно, детерминистично. Оно нашло отражение среди прочего в концепции всемирного государства Александра Вендта.

Вендт — классический адепт телеологии. Хотя его видение не линейно и не детерминистично в деталях, он предсказывает, что **в течение ближайших ста лет возникнет всемирное государство, которое будет обладать монополией на применение силы и правоприменение.**

Вендт отвергает скептицизм реалистов, в глазах которых международные отношения представляют собой арену циклических войн и конфликтов и которые не видят реальных предпосылок для контроля над проявлениями межгосударственного антагонизма. Он также не разделяет веру идеалистов в силу международных институтов и права, в способность институтов освободить мир от анархии и насилия. Он стремится показать, что **мир в целом и международные отношения в частности следуют собственной естественной логике, переводящей себя в механизмы саморегулирования.** Ее кульминацией должна стать концепция всемирного государства как производное постоянной борьбы за признание. Борьба за признание

рассматривается Вендтом как своеобразный двигатель истории. Она определяется развитием технологической мысли (прежде всего военных технологий), с одной стороны, и опытом, вытекающим из логики анархии, регулирующей действия международных субъектов, — с другой.

Важнейшей проблемой для проверяемости этой телеологии выступает, конечно, истинность предположения, будто борьба за признание — это основной мотив в действиях государств и людей на международной арене, а логика коллективных действий — это логика анархии. Вендт признает, что мощной движущей силой в международной среде служит «логика капитала», которая вносит напряженность в распределение ресурсов и товаров и не может быть сведена к борьбе за признание. Но, по его словам, логика капитала не вносит большого перекоса в политические процессы в телеологическом измерении. Капитал всегда ратовал за создание глобального государства. По определению, всемирное государство полезнее для функционирования мирового рынка и свободного потока капитала — такова всегда была логика капитала. На этой логике Маркс построил теорию мировой революции. Логика капитала также активизирует процессы глобализации. Однако значимо то, что в сложное историческое время глобальный капитал вновь обнаруживает свою «национальную идентичность». Так, рассчитывать на помощь приходится только в родной стране (это тем более справедливо в отношении банков). Для Вендта доказательством непреложности всемирного государства выступает не логика мирового рынка (таковой была исходная точка в рассуждениях Аттали). **Этим доказательством выступает психологическая и политическая необходимость в признании.**

У Вендта борьба за признание характеризует как отдельных людей, так и социальные группы. Личность стремится к признанию внутри группы, группа (также организованная в государство) — к признанию со стороны других групп (государств). Признание, несомненно, относится

к генетически запрограммированным потребностям человека в дополнение к элементарным биологическим потребностям, которые возникают из самого существования, начиная с первоначальной потребности в физической безопасности (защите собственной жизни). Необходимость признания начинается с подтверждения своей субъектности, которая проявляется посредством признания равенства внутри сообщества. Люди, лишённые такого элементарного признания, например, рабы или внешние враги, часто не имеют минимальной гарантии удовлетворения основных потребностей, включая необходимость в физической безопасности. Необходимость признания также имеет групповое измерение. Именно поэтому борьба за признание — это особенность взаимоотношений между личностями и государствами.

Борьба за признание соотносится с человеческой идентичностью. Поэтому это сражение за идеи. Но способ его ведения зависит от материальных условий. Материальные параметры борьбы за признание между странами в первую очередь определяются технологическим развитием, в частности, «гонкой вооружений». Ставка в борьбе за признание между человеческими личностями предполагает иногда самую высокую цену — жизнь. Из-за величины ставок люди готовы принять существенное ограничение своей свободы в виде государственной власти. Предполагалось, что в случае борьбы между государствами, даже если она приведет к потере суверенитета одной из сторон, война никогда не приведет к физическому уничтожению граждан побежденного государства.

Признание обычно асимметрично. Именно поэтому большинство социальных систем иерархичны. Во взаимоотношениях асимметричного признания люди, а также государства всегда предпочитают быть господствующей стороной. Из предпочтения быть сильнее в этой асимметрии исходили убеждения, что стремление к власти и господству — неотъемлемая часть человеческой личности и движущая сила ее действий (Ницше).

Свитальский П. Гражданин и мировая политика. Цикл лекций. —

Рига: Школа гражданского просвещения, 2022. — Серия «Своевременная мысль».

Асимметричное признание ведет к нестабильности социальных и политических систем. Недооцененная сторона всегда стремится уравнять свой статус в материальном (доступ к товарам) или социальном (доступ к социальным позициям и ролям) смысле.

Очевидно, что **нивелирование асимметрии в вопросах признания выступает несомненной особенностью нынешнего этапа международных отношений. Возможно, это даже одна из главных особенностей, определяющих нынешний этап их развития.** Збигнев Бжезинский считал политическую эмансипацию развивающихся стран доминирующей характеристикой современного этапа международных отношений.

С точки зрения человеческой личности, нет сомнений в том, **что ее индивидуальная борьба за признание в значительной степени определяется пределами признания между группами. Горизонты сознания человека все шире охватывают мир, сфера его деятельности и устремлений также претерпевает глобализацию. Между тем концепция национального государства сама по себе представляет собой формулу неравного, асимметричного признания.** Суть «племенного понимания» справедливости и морали состоит, в конце концов, в том, что люди, принадлежащие к некоей (этнической) группе, могут быть лишены своих прав или даже элементарного права на жизнь просто потому, что они принадлежат к *другой* группе (особенно если они принадлежат к другой, враждебной группе). **Этот нравственный дуализм продолжает обременять формулу современных международных отношений «племенным балластом».**

Человеку требуется чувство групповой идентичности. Однако эта идентичность может быть создана не только на национальном, но и на суб- или наднациональном уровне. Тенденция к вовлечению личности в такую «ненациональную» идентичность зависит прежде всего от степени признания группой идентичности отдельной личности,

а точнее, даже от степени защиты индивидуальности, которую предлагает эта групповая идентичность. Привлекательность национальной идентичности веками основывалась на высокой степени защиты со стороны группы (включая физическую защиту).

Вендт ведет к всемирному государству через несколько этапов борьбы за признание. Движущей силой изменений в этом путешествии выступает логика анархии, границы которой определяются посредством расчета затрат и выгоды от применения насилия.

Первым этапом в истории борьбы за признание была **система государств, взаимоотношения которых основывались на гоббсовском принципе «войны всех против всех», то есть отсутствия механизмов регулирования международных отношений и общей конкуренции.** Нестабильность системы устранялась в одном случае завоеванием (уничтожением более слабого государства) и могла при доведении до абсурда привести к построению всемирного государства вокруг единственного государства, оставшегося на мировой арене. Другим способом восстановления равновесия было взаимное признание между равными державами (скажем, древнегреческими полисами и Персией, Римом и Карфагеном). Но такая стабильность не обладала долговечностью. Национальное соперничество, как правило, не прерывалось до тех пор, пока одна из сторон не оказывалась истощена.

Более высокой формой борьбы за признание было **объединение государств в рамках системы, основанной на правилах и принципах. В рамках этой системы страны предлагали взаимное признание, но не признание иностранных граждан.** Войн на тотальное уничтожение противника не было, но они рассматривались как законное средство территориальных и иных завоеваний (экономических и др.). Основным источником нестабильности системы был разрыв между издержками борьбы за признание, понесенными государствами (им не приходилось нести

экзистенциальные издержки, грозящие полным уничтожением), и издержками, которые несли отдельные лица (здесь цена могла оказаться наиболее высокой: смерть, страдания, утрата признания ввиду насильственной смены государственности в случае территориального захвата). Нежелание приносить индивидуальную жертву на алтарь групповой борьбы за признание стало в рамках указанной системы главной силой обеспечения мира.

Согласно Вендту, **высшая степень воплощена в формуле глобальной ассоциации государств**. В этом состоит наш современный политический опыт. Постепенно формируется универсальное сообщество безопасности. Государства воздерживаются от насилия как средства разрешения споров. Однако это не решает всех проблем, которые делают окружающую среду более подверженной анархии, включая, в частности, существование государств-изгоев или негосударственных групп организованного насилия (международного терроризма). Ликвидация понимаемого таким образом дефицита безопасности может быть достигнута только на четвертом этапе — в глобальной системе коллективной безопасности.

Идея коллективной безопасности основана на принципе «один за всех, все за одного», на совместном признании государствами (а также их гражданами) недопустимости применения силы как средства разрешения споров. Тем не менее государства сохраняют высокую степень суверенитета. Помощь, оказываемая другому государству, — это результат суверенного, добровольного решения. Как в мирной федерации Канта. Как в «глобальном НАТО».

Вендт не останавливается на этом этапе. Он видит **неизбежность другой, высшей стадии — стадии всемирного государства**. Прежде всего потому, что принцип коллективной обороны может оказаться недостаточным для сдерживания потенциального агрессора. Ведь любое суверенное государство может отойти от позиции лояльного участника системы коллективной обороны и бросить

ей вызов. В мировом государстве Вендта обязательства жесткие и подлежат исполнению. Ни для одной страны не предусмотрены исключения или право выхода. **Будущее по-прежнему таит угрозы, но как временные аномалии, нарушения порядка, а не как исторический рок или следствие сознательной политики.**

Вендт подчеркивает, что необходимым условием возникновения всемирного государства выступает прежде всего появление всемирного сообщества безопасности, в котором государства не воспринимают друг друга как источник физической угрозы и решают споры мирными средствами. Второе условие — это достижение состояния всеобщей коллективной безопасности, при котором применялся бы мушкетерский принцип «один за всех, все за одного». Третьим условием станет появление универсальной наднациональной власти, органа, которому будет предоставлена прерогатива управления и применения организованных мер принуждения. Вендт отмечает, что изначально такая глобальная структура не должна нести характеристики государства. Она, скорее, подобна «мирной федерации», «политической системе» или «неосредневековой» системе. Но то временные формы. Всемирное государство по-прежнему неизбежно.

Самая большая трудность в такой системе, несомненно, заключается в том, чтобы убедить в ее целесообразности «великие державы», особенно «оспаривающие» державы, то есть те, чья политика будет идти вразрез с идеями сообщества и восприятием общей угрозы. Это, очевидно, слабое место в железной логике Вендта. Малые и средние государства, несомненно, подчинятся законам этой логики без серьезных оговорок. Но большие страны? Убежденность великих держав, что они способны самостоятельно обеспечить решение проблем безопасности, фактически удалила бы глобальную перспективу за пределы наблюдаемого горизонта.

Даже если такая глобальная структура возникнет, будет ли она обладать внутренней устойчивостью? Например, серьезная проблема состоит в том, как такое образование справится с **внутренней напряженностью**, вызывающей соблазн сецессии. Тем более что процесс появления новых сущностей — создания государств, изменения в их идентичности — будет таким же динамичным, как сегодня. Вполне вероятно, что в таком огромном политическом кластере проявится дефицит демократии. Разочарование приведет к росту национализма, особенно во времена кризиса.

Главный вопрос, связанный с доверием к изображаемому всемирному государству: возможно ли построить государство без **чувства принадлежности к одному сообществу**? Все, кто пытается разглядеть прообраз всемирного государства в Евросоюзе, должны осознавать, что предел углубления интеграции внутри ЕС как раз связан с фактором отсутствия европейского *демоса*. Без чувства групповой идентичности вряд ли возможно далеко продвинуться в деле федерализации мира.

Каждому политическому образованию требуется свой демос. Есть твердое мнение, что всемирному государству потребовалась бы опорная плоскость для определения собственной идентичности. Чтобы определить собственную, индивидуальную идентичность, нам нужен другой человек. Чтобы определить идентичность нашей группы, нации, нам нужна другая группа, другая нация. Сможет ли всемирное государство определить собственную идентичность вне схожей плоскости отсчета?

В отсутствие информации о внеземных цивилизациях **единственным ориентиром, единственным репером для создания такой планетарной идентичности было бы прошлое** — мир анархии, существовавший до всемирного государства. Это можно себе представить. В конечном итоге прошлое стало контрапунктом немецкой идентичности после Второй мировой войны, утверждает Вендт. Даже

политическая самобытность языка формируется политическим прошлым.

Всемирное государство должно отличаться от моделей национальных государств, которые известны сегодня. Сохраняя монополию на применение силы в рамках права, оно должно предоставить образующим его частям суверенитет в вопросах экономики, культуры и образования. Всемирному государству не придется иметь объединенные военные силы. Ему не придется иметь правительство в традиционной форме. Вендт вводит такое видение, называя его глобализованной, дополненной формулой Европейского союза. Окажется ли подобная модель убедительной за пределами западного мира в целом и за пределами Европы в частности?

Привлекательность утопии всемирного государства можно объяснить только отсутствием разумной альтернативы: хаоса и анархии, гегемонии великой державы или нескольких великих держав. Такой сценарий развития никогда не будет желательным вариантом, особенно для малых стран.

Всемирное государство не появится без активного вовлечения граждан. Поистине, в целях глобального государства граждане стран мира могли бы найти мощный инструмент противодействия чрезмерным полномочиям национальных государств, выражая стремление к более суверенной роли в формировании международного порядка.

Идея мирового (глобального) гражданства выдвигалась на протяжении десятилетий. Она, безусловно, сыграла ощутимую роль в повышении осведомленности об общих проблемах мира и необходимости формирования глобального «сообщества действия». Тем не менее для достижения успеха эта идея должна соотноситься с конкретной целью, проектом.

Иерархия или безиерархичная сеть?

Противники мирового правительства, в том числе обозреватели с критическим взглядом на нынешнее состояние международных отношений, пытаются доказать не только неосуществимость мирового управления, но и его бесполезность. Они утверждают (не без зерна рациональности), **что мировое правительство станет еще одной бюрократической инстанцией, сложной в использовании и неэффективной в деятельности, лишенной гражданской легитимности.** Они утверждают, что на практике была бы предпочтительна гибкая глобальная система управления, основанная на международных институтах (глобальных и региональных), государствах, системе гражданского общества и т.д. Таковую систему должна характеризовать всевозрастающая степень горизонтальных связей. Она будет приводиться в действие императивом сотрудничества, а не стремлением подчинить и навязать свою волю другим.

Сеть вместо иерархии. Пожалуй, наиболее известной идеей сетевой системы мирового управления следует считать представления А.-М. Слотер о «**мире правительств**» **вместо «мирового правительства».** Слотер поддерживает идею распада национальных правительств и выхода отдельных правительственных и государственных ведомств и агентств непосредственно «в мир» навстречу внешним партнерам. **Из этого должна вырасти плюралистичная, децентрализованная система сотрудничества и решения мировых проблем, которая станет альтернативой централизованным, иерархичным структурам, невысказанным без категорий господства и зависимости.**

Идея «сетевого мира» как альтернатива иерархичному миру, даже если ее трудно осуществить на практике (институциональный хаос, противоречивые послы и обязательства и т.д.), привлекательна для широких слоев мирового сообщества. Эта идея предполагает необходимость сотрудничества и согласия. Она исходит из неэффективности принуждения, подчинения и господства.

«Сетевой мир» вошел в моду. Политики во многих странах любят говорить о создании сетей. В этих словах, безусловно, звучат отголоски экстатического успеха социальных сетей. Мы интуитивно понимаем, что сеть связей, не только институтов, но и обычных граждан, может обладать движущей силой в судьбах мира. Безусловно, сети помогают консолидировать общественное мнение. Анализ показывает, что сеть способствует развитию солидарных порывов, поскольку люди обычно следят за сетевыми тенденциями. Предположение состоит в том, что массы людей в целом движутся в правильном направлении, что «толпа все знает лучше». Но иногда участники сетей непредсказуемым образом отказываются от тенденций, выходят из толпы, иницируют новое направление и, как следствие, могут изменить поведение сети. **Создание сетей не обязательно тождественно демократии.** Ни одна сеть не компенсирует асимметрию влияния между странами.

Простая логика подсказывает, что следует укреплять институты международного сотрудничества, одновременно устраняя дефицит демократии и повышая их эффективность. Сторонники сети, однако, испытывают трудности с ответом на важнейший вопрос: как бороться с принуждением к желаемому поведению в сетевой системе, если речь идет об участнике, который оспаривает происходящее и отказывается сотрудничать. Угрозой отрезать нарушителя от сети?

Всякая подлинная централизация в мировом порядке, будь то квазиправительственный или международный институт с наднациональными полномочиями, такой как Совет Безопасности ООН, может быть успешно осуществлена только с позволения великих держав. Мировое правительство рассредоточит и сгладит власть отдельных центров. Но привлекательно оно будет только в том случае, если оно эффективно, т.е. если обеспечивает чувство безопасности и признания (достоинства) для относительно небольших государств.

Могут ли великие державы серьезно задуматься о возможности делегирования суверенитета некоему органу «глобальной власти»? Только если будут убеждены, что их сила неэффективна как в однополярных, так и в многополярных измерениях. Ослабление американской власти в период, когда она должна была достичь своего пика под знаком *Pax Americana*, часто связывают с кампанией в Ираке. В то же время Ирак рассматривается как клинический случай бессилия в миссии управления миром. Ключевой вопрос заключается в том, будет ли какое-либо мировое правительство более эффективным в операции, сопоставимой по масштабам с задачами Иракской операции. Дело не только в легитимности аналогичной операции, но и в способности генерировать соответствующие силы и ресурсы. Возникает вопрос о добавленной стоимости. Конечно, ни одно мировое правительство не истратит значительно больше сил и ресурсов, чем, скажем, Америка, чтобы стабилизировать такую страну, как Ирак. А как же обеспечение легитимности? Ирак показал, что при наличии достаточно серьезных оснований для дестабилизации среди местного населения даже обладающий бесспорным авторитетом орган международной власти, возможно, не справится с этой проблемой. Вера в то, что международное правительство изменит ситуацию, может оказаться напрасной. Сможет ли идея мирового правительства когда-нибудь убедить великие державы в том, что глобальное управление окажется эффективнее национальных государств?

Кант отвергал идею всемирного государства из страха тирании. Действительно, сегодня гражданин едва ли не любой страны может искать защиту в другом месте на планете, столкнувшись с угнетением в собственной стране. Он может ходатайствовать о предоставлении политического убежища или получить гражданство другой страны. Куда бы он, в конце концов, бежал, если бы всемирное государство стало тиранией? Что бы он выбрал, если бы ему не нравилось всемирное государство по неким причинам?

Сегодня при всей осторожности в отношении тезиса Фукуямы мы полагаем, что мир движется к торжеству демократии, так что возможно установить временную (если не причинно-следственную) связь между мировым торжеством демократии и созданием всемирного государства. Простой вывод: **для того чтобы дерзновенные мысли о всемирном государстве были сколько-нибудь серьезными, во всем мире, вероятно, должна утвердиться демократия.**

Альтернативным — не более простым, но более реалистичным — подходом следует признать **строительство всемирного государства не за счет или на развалинах существующих суверенных государств, а параллельно их усилению. Согласно этому принципу, смысл существования всемирного государства будет прежде всего состоять в совместном управлении пространством (территориями), не находящимся под непосредственной юрисдикцией существующих государств.** Такие территории будут включать морское дно (перспектива добычи полезных ископаемых) или космические и небесные тела. Так, всемирное государство управляло бы «ничьими» землями во имя интересов каждого. Но, возможно, еще более заманчивым с точки зрения интересов рядового гражданина мира было бы поставить под юрисдикцию всемирного государства глобальное киберпространство. Идея всемирного государства в этом смысле могла бы получить сильную общественную поддержку по мере возрастания страха, что киберпространство будет присвоено отдельными правительствами. Но при попытках превратить всемирное государство в прикрытие для цензуры и контроля над обычными гражданами этот вариант, очевидно, не «пройдет».

Состязание крупных держав за контроль над общими, всемирными по существу ресурсами (Мировой океан и морское дно, воздух и космос, киберпространство), а также сложности, связанные с управлением водными ресурсами и освоением Арктики, воспринимаются как реальные угрозы глобальной стабильности.

Может ли утопия по-настоящему влиять на мир политики без сильной социальной среды? Может ли идея общего, всемирного государства сама проложить себе путь? Ее, безусловно, не поддержат круги национальной политической элиты. Последние органично привязаны к парадигме главенства национальных государств. Политики, причем лишь немногие из них, становятся «космополитами» уже после окончания их деятельности на национальном поприще.

Вера в способность управлять глобализацией посредством динамичных, спонтанных и нравственно здоровых усилий мирового гражданского общества в современных условиях, очевидно, иллюзорна. Безусловно, **«мировая плутократия»** — международные бюрократы (армия в 120 000 человек), журналисты, «медийные персоны», люди искусства и шоу-бизнеса — это все еще слишком слабый и тонкий социальный слой, неспособный играть роль лидера в построении космополитического мира.

Больше надежд на пересоздание мира можно связать с утопическим видением **преобразующей роли среднего класса**. Средний класс вырастет, как ожидается, с сегодняшних двух миллиардов до пяти миллиардов в 2030 г. Это будет диктовать политическую погоду в мире. Это потребует прозрачности управления, справедливого доступа к образованию и гражданских свобод. Это будет главный двигатель эмпатии. Остается надеяться, что эта вера окажется не настолько иллюзорна, как надежда на то, что экономическое процветание приведет к демократии и миру.

Миру необходима активная вовлеченность простых граждан в процессы развития. Недавно зародившееся народное движение по противодействию изменениям климата и глобальному потеплению может служить катализатором роста широкой осведомленности и гражданской ответственности.

Как управлять глобализацией в отсутствие утопии? Может быть, это неуместный вопрос? Возможно, лучше согласиться с теориями левых ученых о том, что управление глобализацией — это оксюморон, потому что глобализация по своей сути хаотична и не подлежит регулированию. Ничто и никто не может управлять спонтанным дерегулированием. Неудивительно, что при таком взгляде на вещи **утопия все больше вытесняется антиутопией. Ее систематическим выражением становится формула мира «G-0» или «большой ноль»,** при которой никакая «директория» («большая двойка», «большая восьмерка» или «большая двадцатка») не сможет контролировать ход вещей.

Могут ли нормы и институты обеспечить контроль над глобализацией? Проблема в том, что все процессы регулирования на наднациональном уровне — региональные (например, ЕС) или глобальные (ВТО) — часто рассматриваются как платформы, не имеющие демократической легитимности. Они рассматриваются как тирания экспертов и технократов, чрезмерно расширяющих сферу применения международных стандартов, не очень эффективных при столкновении с реальными интересами великих держав.

Естественным институциональным и политическим агентом содействия новому глобальному управлению мог бы стать Европейский союз. Способен ли Европейский союз взять на себя космополитическую роль и задачу заполнения вакуума, который не заполнило «международное гражданское общество»? Позволим себе усомниться. **В последнее время Европейский союз продвигает концепцию эффективной многосторонности (и порядка, основанного на правилах), однако его политическая цель состоит скорее в защите существующей передовой практики, нежели в содействии качественному изменению подхода.**

Как и в прошедшие века, усилия большинства политологов по-прежнему сосредоточены на поиске наиболее стабильной формулы разделения власти между ключевыми действующими лицами на международной арене, в особенности формулы распределения власти и влияния между Западом и Востоком.

Джозеф Най писал, что проблема, возможно, состоит не в смене иерархий власти, **а в глобальном кризисе власти как таковой**. По мнению Збигнева Бжезинского, этот кризис стал кумулятивным следствием динамичного сдвига мирового центра тяжести с Запада на Восток, ускоренного политического пробуждения прежде всего развивающихся стран, а также ошибочных направлений американской внутренней и международной политики после 1990 г. Все это дополняется впечатлением всеобщей политической апатии, что делает невозможным решение простейших системных проблем, таких как замедление глобального потепления или либерализация торговли. Многосторонность ослабевает. Международные институты малоэффективны. Европа как традиционный приверженец многосторонности слаба. США все более склоняются в политике к единоличным решениям. Китай и Россия, в свою очередь, видят в существующих институтах проекцию западной модели и идей. Складывается впечатление, что оба этих государства в большей степени руководствуются парадигмой власти, чем парадигмой принципов и норм. Конфронтация Запада и Китая представляется вполне возможной.

Суть спора о необходимости и характере «нового курса» в мировом управлении заключается в мнении о роли и лидерских возможностях Соединенных Штатов. Для некоторых стратегов мир может быть политически управляем только в условиях сохранения американской гегемонии. В этом представлении мир без американского лидерства обречен на разрушение и пучину хаоса.

Иные утверждают, что эпоха Америки бесповоротно пошла к концу. Впервые в истории миру придется обойтись без «глобального защитника». Запад как таковой должен отказаться от иллюзии, что сможет использовать существующие институты и миропорядок в качестве культурной и политической прививки для развивающихся стран.

Суть западной политики должна состоять не столько в сдерживании Востока, в попытке восстановить господствующие позиции, сколько в учете чаяний Востока согласно новой конфигурации «распределения власти и политического могущества».

Много лет назад Бенджамин Барбер заявил, что будущее мира станет результатом столкновения двух тенденций: глобализма и нетерпимого стремления к племенному строю (трибализма). При этом обе тенденции могут усугубить дефицит чувства демократии. Глобализм — это благородная сила, которая строит открытые общества, объединяет культуры и выравнивает уровень жизни. Возвращение к племенному строю — ретроградная сила изоляционизма, закрывающая горизонты. Но эффект от их столкновения окажется не очень привлекательным: произойдет рост авторитаризма и фундаментализма. Рецепт Барбера состоял в **глобальной конфедерации полуавтономных сообществ — меньших по размерам, чем национальные государства, но связанных в ассоциации, и в экономиках больших, чем национальные государства**. Барбер утверждал, что будущее принадлежит городам.

Благородная попытка примирить племенное мировоззрение с космополитизмом предпринята среди прочего в описанной Ульрихом Беком **концепции космополитизации государств**. Она имеет более глубокую методологическую основу. Бек выступает за космополитический поворот в социологии. Социология должна основываться на отказе от узконационального взгляда, привычки изучать

проблемы мира через призму отношения к государству, нации и обществу как к естественным формам организации мира. В то же время Бек отвергает космополитическую утопию, убежденность в том, что глобализация позволит универсализировать, унифицировать общества, дезинтегрировать политику и власть, демонтировать систему национальных государств. Согласно подходу Бека, космополитизация происходит, проницая границы, влияя на идентичность личности. **Это космополитизация изнутри.** Национальное государство не исчезнет, оно лишь одно из многих действующих лиц в глобальной игре за власть. Но национальные государства перерастают в космополитические страны. Космополитизация государств должна привести к возведению общемирового здания, относительным идеалом которого сегодня служит образ Европейского союза (вновь ЕС!).

В идеях нет нехватки. Однако до сих пор отсутствует «рычаг перемен». **Мир большой политики и мир идей по-прежнему кажутся нам мирами параллельными.** Можно ли принципиально перестроить мир без четкой идеологической основы? Независимо от ответа остается открытым вопрос о том, кем будет себя чувствовать человек в новой системе плюралистического распределения глобальной власти.

Останется ли гражданин просто наблюдателем? Он сможет всегда реагировать на новый порядок, перемещаясь по миру, создавая собственную сеть связей, минуя политические барьеры. Он сможет всегда полагаться на «силу храбрых», сильных и решительных личностей, таких как Ганди, Мартин Лютер Кинг и Валенса, которые сумели изменить мир личным подвигом. Он также всегда сможет рассчитывать на поддержку масс, на «силу бессильных». **Сможет ли он когда-либо выйти из тени государства и большой политики?**

Сегодня человеческая цивилизация, в том числе в ее политическом и институциональном измерении, столь велика и сложна, что, подобно гигантскому танкеру, она не в состоянии ни остановиться, ни тотчас изменить курс.

Нет сомнений в том, что глобализация качественно изменила характер политического развития в мире. Пророчество о коренном изменении институтов и законов, которые управляют политическими и социальными процессами, может сбыться. Ускорение технологической революции выступает фактором неудержимых перемен.

В международной политике изменение этих парадигм проявляется по-своему. Современная модель отношений, регулируемая властью национальных государств, испытывает давление. Способ определения «могущества» и его полезности в решении проблем меняется. Глобализация рассеяла власть. Она изменила соотношение сил между Западом и остальным миром. Но прежде всего **эти события и процессы вывели человека в мировую политику в качестве активного субъекта. Расширение прав и возможностей человека неизбежно изменит существующие парадигмы международных отношений.** Особое значение имеет здесь концепция справедливости и правосудия. В мире «построста», в обществе «постпотребления» спрос на справедливость возрастет. Справедливость в распределении преодолевает «племенные» ограничения.

Изменение парадигмы роста также приведет к изменению моральных парадигм. Мы медленно переходим от этики принципа «сколько я смогу унести» к этике принципа «что хорошего я сделал для страны и мира». Насилие будет вытеснено из международных отношений. Произойдет ли фундаментальная моральная революция, основанная на универсалистском кодексе, продиктованном эмпатией? Так или иначе, эта революция не будет скорой. Но можно с уверенностью предсказать, что **государства потеряют**

монополию в вопросах управления своими гражданами.

Они будут вынуждены решать проблемы не столько с точки зрения непосредственных интересов, сколько с точки зрения консолидации долговечных ценностей.

Пути осуществления международной политики существенным образом меняются. Если представить международные отношения в виде большого театра, то следует отметить, что разница между сценой и зрительным залом стирается. Зрители будут все чаще выступать как актеры.

В последние годы жажда порядка стала одной из навязчивых идей, свойственных нашему мышлению. Над международной политикой царит призрак хаоса, и это нам порядком надоело. Мы даже начали приравнивать хаос к анархии.

Стратегический вывод прост: непредсказуемость и хаос перемен надлежит включить в аксиомы международной политики на много лет вперед. Масштаб и темпы изменений будут только расти.

Глобализация расширила возможности человека в мире за счет технологической революции, предлагающей новое качество связи, главным образом виртуальной. Но мы хорошо знаем, что и это не конец истории. Совсем наоборот, все убедительнее звучат аргументы, что в жизни человечества грядет самое серьезное изменение, вызванное цивилизационной революцией.

Технологии изменяют образ жизни человека, изменяют общество, экономику, не говоря уже о политике. Прежде всего подразумевается расширение известных нам биологических пределов и возможностей человеческого тела и разума. Возможно, это даст человеку власть над продолжительностью собственной жизни. Перемены сделают будущее более удивительным, чем мы можем сегодня предсказать.

Глобализация, двадцать пять лет назад воспринимавшаяся в качестве очередного цикла интернационализации экономических и социальных процессов, стала процессом космополитизации и «индивидуализации», изменившим фон мировой политики. **Она нанесла ощутимый удар по концепции пассивной публики, согласно которой гражданам отдельных стран лишь следуют политическому выбору правящей элиты. Она изменила само понятие гражданства. В виртуальном измерении она породила новую концепцию — «гражданина сети» (нетизена).**

Но это лишь самое начало процесса «индивидуализации» и последующей реконструкции международных отношений и институтов.

Согласно некоторым антиутопиям, развитие технологий приведет к наступлению эпохи цифровой диктатуры, концу человеческой свободы, постоянному контролю алгоритмов над человеческим выбором.

Но нет сомнений, что мы только в начале большого технологического ускорения. Это технологическое ускорение в небольшой степени уже сегодня повышает эффективность человеческой деятельности и улучшает качество жизни. Но, несомненно, наступят технологические изменения, которые продлят жизнь человека, поддерживая его в состоянии бодрости, улучшая способность обрабатывать и собирать информацию. Это повлечет за собой революцию. Изменятся общественные отношения, политические институты и нравственные каноны.

Традиционный способ принятия политических решений во внешней политике также должен претерпеть изменения. Гражданин мира станет частью этого процесса. **Возможно, только самоотверженная коллективная мудрость граждан поможет расширить племенную и историческую узость нынешних политических привычек.**

В девяностые годы вошло в моду назначение различных «коллегий мудрецов», советов, состоящих из государственных деятелей и именитых личностей. Каждая

международная организация, столкнувшись с отсутствием идей реформирования, создавала специальную группу. Трудности с доверием к докладам этих групп заключались в том, что их составляли главным образом бывшие политики; спору нет, они были выдающимися деятелями, но не проявили смелости или способности реализовать предложения, в которых они, будучи «мудрецами», наставляли своих преемников.

Может быть, следуя примеру стран, где поиск решений сложных, эмоционально взрывоопасных вопросов был предоставлен случайным образом выбранным гражданам, отражающим образ общества (Ирландия, Бельгия, Франция), пришло время положиться на мудрость граждан мира, которые отражали бы его многообразие.

Об авторе

Пётр Свитальский (род. 2 августа 1957), польский дипломат, представитель Польши в Совете Европы (2005—2010), посол ЕС в Армении (2015—2019).

Автор книг:

OBWE w systemie bezpieczeństwa europejskiego: szanse i ograniczenia, Warszawa: Instytut Spraw Publicznych, 1997.

Niecierpliwość świata. Uwagi o polityce międzynarodowej czasu globalizacji, Warszawa: Wydawnictwo Scholar, 2008.

Droga do Pangei: polityka międzynarodowa czasu „globalizacyjnej konwergencji”, Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2011. Издание на русском языке: *Путь к Пангее: международная политика в эпоху «глобализационной конвергенции»*. М.: Московская школа гражданского просвещения, 2013.

Emocje, interesy, wartości. Przemiany paradygmatów polityki międzynarodowej, Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2013.

Europe and the Spectre of Post-Growth Society, Strasburg: Council of Europe, 2014.

Настоящая книга написана на основе лекций, прочитанных автором на семинарах Школы гражданского просвещения в рамках *Advanced programme* в Риге в сентябре 2021 года.

Свитальский П.

Гражданин и мировая политика. Цикл лекций. —
Рига: Школа гражданского просвещения, 2022. —
202 стр. — (Своевременная мысль).

ISBN 978-9934-9133-0-3